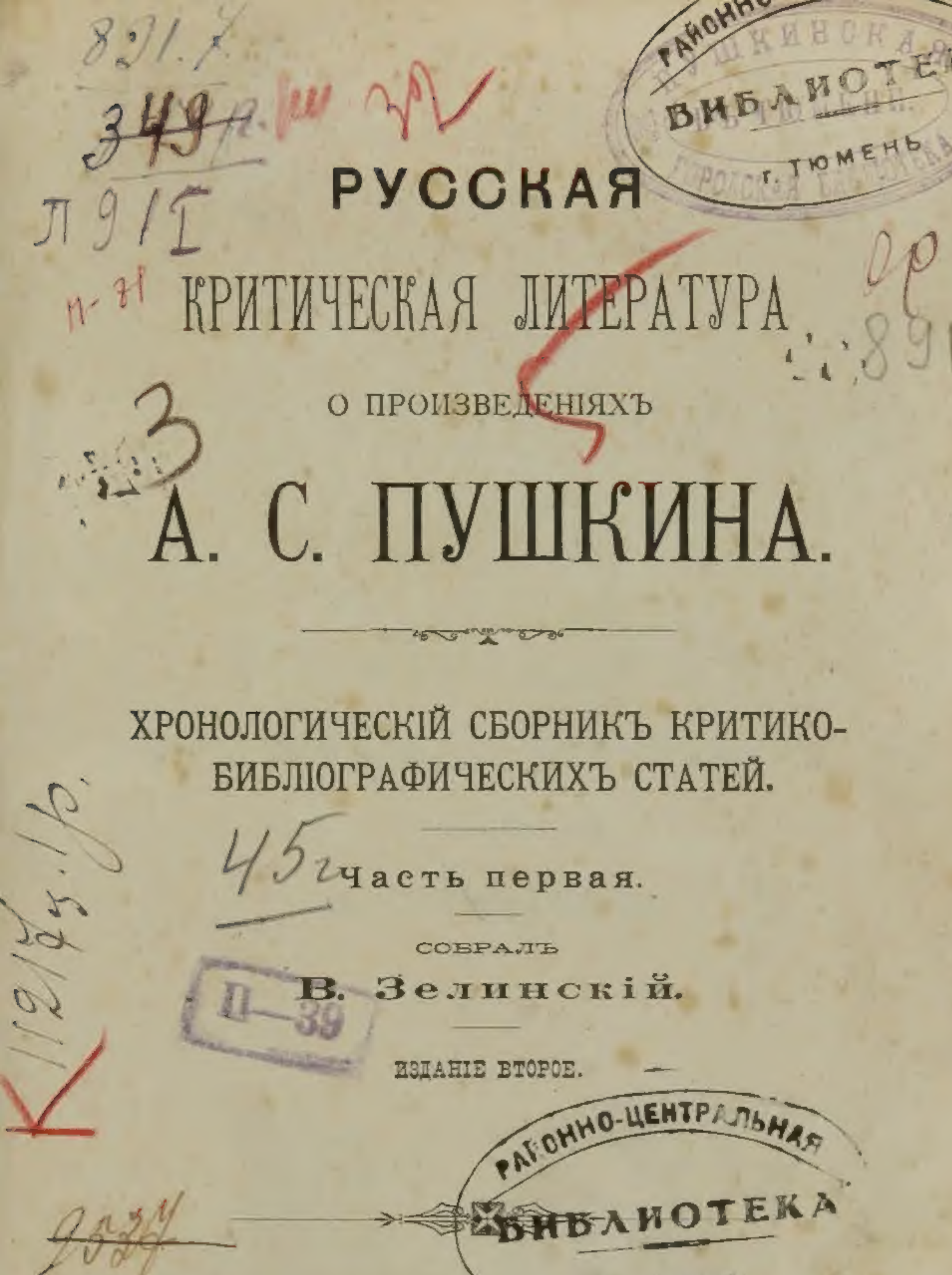

Р
11217
Часть
11217

1991
94
95
DБ

вплоть до н
, организованное ра
…жии протекало почти и
под знаком профессиональной
что поэтому единственной ф
…зации рабочих масс был профе
…ый союз. С начала нынешнего сто
…нее движение приняло и политич
…му, но и эта сторона движения, б
существу, подсобной по отношен
…ономическому движению, фактическ
…илась на профессиональной органи
…абочая партия была, собственно говор
…литической партией профессиональных
…зов. Правда, в эту партию входили и
…социал-демок

РУССКАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

А. С. ПУШКИНА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть первая.

СОБРАЛЪ
В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка, д. Михалкова.
1897.

РУССКАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

о произведенiяхъ

А. С. ПУШКИНА.

Оглавленіе 1-й части.

Предисловія къ первому и второму изданію критико-библіографическаго сборника о сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

Критика двадцатыхъ годовъ.

1820 г.

Критическія статьи о „Русланѣ и Людмилѣ“:

1821 г.

1822 г.

Критическія статьи о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“.

1823 г.

1824 г.

Критическія статьи о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“:

Предисловіе къ первому изданію настоящаго сборника критико-библіографическихъ статей о сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

Выпуская въ свѣтъ, три года тому назадъ, первый свой сборникъ критическихъ статей, подъ названіемъ: „Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“, я тогда не смѣлъ еще и мечтать о томъ, что мнѣ такъ скоро придется приступить къ собиранію и печатанію сравнительно обширной русской критико-библіографической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Я тогда не зналъ еще навѣрно, какъ отнесется наше образованное общество къ моему новому въ русской литературѣ предпріятію — собирать и издавать критическіе сборники о произведеніяхъ выдающихся нашихъ писателей; но будучи вообще убѣжденъ въ несомнѣнной полезности моихъ трудовъ, я прежде всего горячо желалъ и сильно надѣялся на поддержку безпристрастной печати, — и, къ счастію моему, не ошибся: многочисленный рядъ сочувственныхъ и одобрительныхъ отзывовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ почти во всѣхъ серьезныхъ органахъ нашей печати о моихъ критическихъ сборникахъ, поднялъ во мнѣ духъ и охоту трудиться съ усиленной энергіей на избранномъ мною поприщѣ. Кромѣ того, сочувственное вниманіе печати къ моему литературному предпріятію повліяло на распространеніе въ публикѣ моихъ изданій, что въ свою очередь послужило главнымъ и единственнымъ средствомъ, обусловившимъ безостановочное собираніе и печатаніе мною ряда выпусковъ критическихъ сборниковъ — о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Некрасовѣ и настоящей пока первой части о Пушкинѣ. За этотъ хотя еще и скромный успѣхъ въ публикѣ моего предпріятія я преимущественно обязанъ голосу печати, за что и приношу мою глубокую благодарность тѣмъ

представителямъ печати, которые обратили вниманіе на мой трудъ и высказали гласно о немъ свои мнѣнія.

Такимъ образомъ, заручившись нравственной поддержкой со стороны печати и общества, а матеріальной—со стороны самого дѣла, я съ гораздо большей увѣренностію иду по пути осуществленія моего давнишняго завѣтнаго желанія — собирать и печатать критическія статьи; я теперь настолько полонъ вѣры и надежды въ успѣхъ моего дѣла, что безъ колебанія рѣшился приступить къ изданію сборника по возможности полной русской критико-библіографической литературы о сочиненіяхъ А. С. Пушкина,—литературы, которая потребуетъ 8—10 книжекъ, равныхъ объемомъ настоящей первой книжкѣ предлагаемаго сборника.

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ меня, съ какой цѣлью я дѣлаю это, и какую особенную пользу для читателей полагаю въ предпринятомъ объемистомъ сборникѣ критикъ о сочиненіяхъ Пушкина? На этотъ вопросъ я не берусь отвѣчать съ полною опредѣленностію, потому, во-первыхъ, что нѣсколькими фразами невозможно удовлетворительно отвѣтить на данный вопросъ, да едва ли хватило бы и возможности предвидѣть и исчерпать въ частностяхъ всю ту сумму многочисленныхъ мотивовъ съ разнообразными оттѣнками ихъ, которая наглядно выражала бы цѣль и значеніе настоящаго сборника въ русской литературѣ; во-вторыхъ, я вполнѣ увѣренъ, что кому понадобится эта книга, тотъ гораздо лучше всякихъ предупреждающихъ разъясненій пойметъ ея цѣль и оцѣнитъ ея пользу. А что эта книга не лишней будетъ у насъ — въ этомъ я непоколебимо убѣжденъ. Кому же она понадобится?—Многимъ: и тому, кто, искренно любя свою отечественную литературу, пожелаетъ сродниться съ ней, такъ сказать, проникнуть во всѣ мельчайшіе изгибы ея историческаго странствія и развитія; и тому, кто благородно гордится славой и желаннымъ процвѣтаніемъ этой литературы; и тому, кто ясно сознаетъ смыслъ и питаетъ въ сердцѣ чувства, которыя заставляютъ русское общество воздвигать на многолюдныхъ площадяхъ памятники Пушкину, этому великому нашему соотечественнику, котораго судьба осчастливила завиднымъ жребіемъ — быть родоначальникомъ, первымъ основателемъ на-

стоящей, дѣйствительно-*русской* литературы своего отечества,—той литературы, которая со смерти другого знаменитаго нашего соотечественника, Тургенева, такъ глубоко завладѣла вниманіемъ всего просвѣщеннаго міра, съ неожиданной быстротой распространяясь по всему свѣту и вездѣ оставляя поражающее впечатлѣніе и обновляющее вліяніе... Да, это онъ, Пушкинъ, предметъ русской національной гордости — есть основатель и неизсякаемый поэтическій источникъ той нашей литературы, которая въ настоящее время пробиваетъ многовѣковую китайскую стѣну, духовно разобщавшую насъ съ просвѣщенною семьей европейскихъ народовъ; онъ — реформаторъ-обновитель и краеугольный камень той литературы, которая теперь нравственно сближаетъ насъ съ издавна чуждыми намъ по духу народами, глубоко интересуя и изумляя ихъ тѣми высокими сокровищами нашей славянской души, которыя отразились въ ободряющемъ духѣ нашей молодой литературы и геніи ея представителей, достойныхъ послѣдователей своего великаго учителя!... Впрочемъ, не стану также подробно исчислять и тѣхъ мотивовъ и обстоятельствъ, въ силу которыхъ многимъ окажется надобность въ предлагаемомъ сборникѣ, такъ какъ они многочисленны и разнообразны, и потому перечисленіе ихъ потребовало бы рамокъ гораздо пошире, чѣмъ это короткое предисловіе; скажу только вообще, что, по моему убѣжденію, эта книга должна быть полезна рѣшительно для всѣхъ, такъ или иначе соприкасающихся съ русской литературой, начиная отъ ученаго историка — критика литературы и кончая тѣми, которые вовсе незнакомы ни съ исторіей и критикой русской литературы вообще, ни съ величайшимъ представителемъ послѣдней, Пушкинымъ, въ частности. Скажу еще болѣе: если бы даже и совсѣмъ исключить предполагаемую широкую практическую пользу настоящаго сборника, то и тогда осталось бы еще за этой книгой неоспоримое право на существованіе ея въ русской литературѣ, именно по своей особо-спеціальной цѣли — служить своего рода памятникомъ Пушкину. Мнѣ кажется, что этотъ послѣдній мотивъ долженъ вытекать изъ чувства уваженія достоинства отечественной литературы, а слѣдовательно — достоинства и памяти

величайшаго ея творца. Это тотъ самый нравственный мотивъ, который въ сердцѣ истиннаго любителя русской литературы и почитателя памяти великаго нашего поэта возбуждаетъ грусть при мысли, что вотъ прошло уже полвѣка, какъ Россія лишилась Пушкина, а между тѣмъ и до сихъ поръ еще не появилась у насъ ни одна настоящая полная книга о немъ, которая рельефно и всесторонне очерчивала бы эту замѣчательную личность. Правда, есть у насъ два-три болѣе или менѣе выдающихся изслѣдованія о Пушкинѣ, но они сравнительно такъ неполны (одно даже не законченное), что личность великаго поэта такъ и до сихъ поръ еще остается въ таинственномъ полумракѣ. Но если въ продолженіе 50-ти лѣтъ, быть можетъ, по недостатку данныхъ или по другимъ уважительнымъ причинамъ, не могло появиться у насъ полное изслѣдованіе жизни и твореній Пушкина, то ужъ, кажется, не представлялось особенной преграды для собранія и изданія въ свѣтъ уже готовой, хотя бы критико-библіографической литературы о его произведеніяхъ. Я не говорю о такомъ сборникѣ, который заключалъ бы въ себѣ рѣшительно все, что когда-либо печаталось о Пушкинѣ у насъ и за границей: такой сборникъ, по обширности литературы о Пушкинѣ, немыслимъ. Въ этомъ смыслѣ можно было сдѣлать только то, что сдѣлалъ извѣстный нашъ библіографъ В. И. Межовъ, т. е.—собрать заглавія всѣхъ статей о Пушкинѣ и указать тѣ изданія, въ которыхъ эти статьи напечатаны. Но даже и при такомъ характерѣ сборника литературы о Пушкинѣ по 1886 годъ въ результатѣ получилось нѣчто весьма внушительное. Казалось бы, что тутъ особеннаго? Заглавіе статьи и названіе изданія, въ которомъ она помѣщена, занимаютъ въ общемъ не болѣе 2-хъ, 3-хъ строчекъ въ книгѣ Межова; однако какая вышла толстая книга: она, при форматѣ въ 8-ю долю листа и при убористомъ шрифтѣ, имѣетъ 406+XII страницъ и заключаетъ въ себѣ 4587 №№ названій статей о Пушкинѣ! Тѣмъ не менѣе этотъ почтенный трудъ г. Межова все-таки еще нельзя считать *полнымъ* собраніемъ литературы о Пушкинѣ. Доказательствомъ его неполноты можетъ служить даже настоящая первая часть предлагаемаго сборника: она, заключая въ себѣ критико-библіографическія статьи о

произведеніяхъ Пушкина только за четыре года (съ 1820—1825), уже по отношенію и къ этому весьма короткому періоду времени полнѣе нѣсколькими статьями соотвѣтственнаго отдѣла въ Указателѣ г. Межова. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ, что литература о Пушкинѣ гораздо обширнѣе даже того поразительнаго объема, каковъ представляетъ собою „Puschkiniana" г. Межова (впрочемъ, и самъ авторъ этого уважаемаго труда не ручается за безусловную полноту его). Такъ или иначе, но уже ясно видно и теперь, что столь гигантскій сборникъ, заключающій въ себѣ полную литературу о Пушкинѣ цѣликомъ, едва ли мыслимъ и когда-либо осуществимъ. Но собрать въ одно и напечатать хотя бы болѣе существенное и цѣнное изъ этой литературы—не Богъ знаетъ, какой великій подвигъ. А между тѣмъ, даже и эта скромная потребность у насъ, къ сожалѣнію, игнорируется. Не такъ поступаютъ въ этомъ отношеніи съ великими общественными дѣятелями за границей. Правда, съ 1880 года въ нашей литературѣ раздалось нѣсколько голосовъ о необходимости собрать все, что было печатано о Пушкинѣ, и какъ бы откликомъ на эти голоса появилась въ прошломъ году „Puschkiniana" г. Межова. Но развѣ этого достаточно? *Указатель* г. Межова, хотя и весьма цѣнное литературное явленіе и, самъ по себѣ, очень почтенный трудъ, но, преслѣдуя съ практической стороны единственную цѣль — быть только посредникомъ при отыскиваніи статей о Пушкинѣ въ библіотекахъ и въ различныхъ литературныхъ изданіяхъ, онъ не можетъ замѣнить собою *сборника*, непосредственно и цѣликомъ дающаго статьи для чтенія; тѣмъ болѣе онъ не можетъ замѣнить собою сборника соотвѣтственныхъ статей у насъ, въ Россіи, гдѣ на всю нашу стомилліонную страну приходится всего 550 съ небольшимъ библіотекъ, считая въ этомъ числѣ и библіотеки съ весьма ограниченнымъ составомъ русскихъ книгъ и вовсе безъ послѣднихъ, какъ, напр., библіотеки царства польскаго, остзейскаго края и друг.; но даже и это относительно ничтожное количество библіотекъ нельзя принимать въ счетъ полностью, такъ какъ извѣстно, что многія библіотеки, въ особенности провинціальныя, состоятъ по большей части изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ книгъ да пяти-шести періоди-

ческихъ изданій. Безъ преувеличенія можно сказать, что мало-мальски порядочныхъ библіотекъ во всей Россіи найдется едва ли десятка полтора, а собственно настоящихъ, хотя и то не совсѣмъ еще полныхъ книгохранилищъ русской литературы—всего только два: Импер. Публичная Библіотека въ Петербургѣ и Публичная Библіотека Румянцевскаго музея въ Москвѣ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что указателями, подобными *Указателю* литературы о Пушкинѣ г. Межова, можетъ пользоваться настоящимъ образомъ у насъ весьма небольшое число лицъ, собственно говоря, только — жители столицъ, да и то не во всякое время. Само собою разумѣется, что пользоваться ими вполнѣ могутъ и сибирякъ, и ташкентецъ, и всякій другой провинціалъ, но для этого они должны пожаловать въ Петербургъ или Москву. Въ виду этихъ и многихъ еще другихъ соображеній, я признаю гораздо больше пользы за непосредственными *сборниками* той или другой литературы, чѣмъ за *указателями* ея. Жаль только, что сборники, по широтѣ собираемой ими литературы или по другимъ какимъ-либо причинамъ, не всегда могутъ быть полными. Такъ, напр., приступая къ изданію настоящаго сборника, я, какъ уже сказано мною, ограничился только той литературой о Пушкинѣ, которая непосредственно относится къ его произведеніямъ.

Эта критико-библіографическая литература, безъ сомнѣнія, самая важная и цѣнная изъ всей литературы о Пушкинѣ. По предлагаемымъ задачамъ настоящаго сборника, она долженствуетъ представлять собою три наиболѣе существенныя стороны своего практическаго значенія для читателя. Во-первыхъ, мысленно перенося читателя въ ту эпоху, въ которой Пушкинъ волновалъ и изумлялъ своихъ современниковъ неподдѣльнымъ языкомъ страсти, искренностью чувства, пыломъ молодого сердца, обаяніемъ и сладостью рѣчи, бойкостью и виртуозностью литературныхъ пріемовъ,—эта литература помогаетъ сознательно и, такъ сказать, до осязаемости понять и почувствовать *величіе и геній* поэта. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно вполнѣ понять и оцѣнить геніальнаго человѣка, не изучивъ его эпохи? А въ чемъ можно найти болѣе рельефное отраженіе современной Пушкину литературной эпохи, какъ

не въ современной же ему критической литературѣ о его произведеніяхъ? Начинаясь съ 1820 года, т. е. въ тотъ моментъ, въ который нашъ великій поэтъ появился на аренѣ литературнаго міра съ болѣе крупнымъ своимъ произведеніемъ, именно съ поэмой „Русланъ и Людмила", и слѣдуя статья за статьей въ хронологическомъ порядкѣ, сказанная литература представляетъ для читателя какъ бы наглядную иллюстрацію духа той отодвинувшейся уже отъ насъ къ области исторіи эпохи, въ которую Пушкину выпало на долю пробудить и оживить русскій литературный міръ и общество: передъ умственными глазами читателя какъ бы дефилируютъ въ своемъ первоначальномъ духѣ и формѣ сужденія и страстные споры о воззрѣніяхъ на словесность старыхъ литературныхъ партій съ новыми, именно классиковъ-староверовъ съ реформаторами, почуявшими свѣжій, новый элементъ въ литературѣ; читателя охватываетъ пробуждающаяся отъ оцѣпенѣнія литературная волна двадцатыхъ годовъ, и онъ, мысленно переносясь въ ту литературную эпоху и какъ бы становясь ея современникомъ, непосредственно видитъ и чувствуетъ, что все, находившееся до того времени въ умственной и нравственной летаргіи, вдругъ зашевелилось, все, такъ или иначе соприкасающееся къ литературѣ, поднялось на ноги: не только заспорили и неистово закричали литературные критики, но даже и купцы-книгопродавцы пустились на страницахъ журналовъ въ оживленную полемику между собой. И причина всему этому движенію—Пушкинъ.— Во-вторыхъ, полная критико-библіографическая литература о произведеніяхъ Пушкина, разбирая послѣднія въ разныхъ отношеніяхъ и оттѣнкахъ, т. е. со всевозможныхъ точекъ зрѣнія литературныхъ періодовъ, партій, вліяній и т. д., болѣе, крѣпче и сознательнѣе сближаетъ насъ съ духомъ произведеній Пушкина, заставляетъ лучше любить ихъ и наслаждаться ими. — Въ-третьихъ, она же, эта самая критическая литература, составляетъ, такъ сказать, непосредственную, въ сыромъ видѣ, весьма важную часть исторіи развитія нашей критической мысли. Критическая литература о произведеніяхъ Пушкина, по своей *историческій* важности, должна имѣть такое же отношеніе къ русской критической литера-

турѣ вообще, какое отношеніе имѣютъ произведенія Пушкина, по своей *художественной* важности къ нашей общей беллетристической литературѣ. Слѣдовательно, собранная въ одну книгу изъ всевозможныхъ изданій, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ уже и теперь рѣдкость въ археологическомъ отношеніи, эта литература не затеряется для насъ въ общей массѣ литературы, а сохранится въ своемъ первоначальномъ видѣ до тѣхъ поръ, пока въ нашемъ отечествѣ жива будетъ память о величайшемъ поэтѣ и преобразователѣ русской литературы.

Вотъ вообще тѣ мотивы, которые побуждали меня предпринять изданіе настоящаго сборника критико-библіографическихъ статей о сочиненіяхъ Пушкина.

1887 г. **В. Зелинскій.**

Второе изданіе настоящей книги отпечатано съ перваго безъ перемѣнъ, какъ по отношенію къ общему составу критическихъ статей и ихъ расположенія, такъ и относительно корректуры, т. е. и въ этомъ изданіи сохранены болѣе характеристическіе случаи правописанія двадцатыхъ годовъ.

В. З.

1897 г.

КРИТИКА ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

1820 г.

*) Прошу дать мѣстечко въ вашемъ Вѣстникѣ моему письму: дѣло о которомъ хочу говорить съ вами, немаловажно, ибо касается до нашей Литературы. Скажу вамъ, м. г., что я старикъ, живу здѣсь въ Москвѣ, или, что все равно, въ Бутырской слободѣ, и не имѣя почти никакихъ дѣлъ, безпрестанно читаю. Въ старину я и самъ кое-что пописывалъ; но *кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ*, говоритъ пословица. Много, много на моемъ вѣку случилось перемѣнъ въ нашей Словесности! Но бесѣда моя клонится не къ тому, что было, а къ тому, что теперь есть. Нашимъ старикамъ, Ломоносову, Сумарокову, Петрову, Державину, Хемницеру, Богдановичу, даже во снѣ не видѣлись: такая замысловатость, такой свободной полетъ генія, такой обширной разгулъ фантазіи, такая очаровательная дикость, какими щеголяетъ нынѣшняя наша поэзія.

Признаюсь вамъ, я было сперва порадовался новому пріобрѣтенію въ нашей Словесности. Но теперь ужасъ обнимаетъ меня, когда подумаю, что надѣлали новѣйшіе преобразователи. Посмотрите на нашъ Парнассъ: это кладбище, гдѣ валяются черепы, кости, полуразвалившіяся гробницы и кресты могильные; гдѣ бродятъ духи, привидѣнія, мертвецы въ саванахъ и безъ савановъ; гдѣ слышны крики врановъ, шипѣніе змѣй, вой волковъ... Что же касается до языка, какимъ все это выражается, то я уже и не знаю право, что мнѣ сказать должно.—Примѣры убѣждаютъ лучше

---

*) „Вѣстникъ Европы" 1820 г., № 11 (статья Жителя Бутырской слободы, подъ заглавіемъ: „Письмо къ Редактору").

всего; позвольте мнѣ что-нибудь вамъ представить, самое *новѣйшее*.

Изъ множества вотъ одинъ примѣръ: Нѣкто смастерилъ *балладу* (ужасную, какъ водится), и помѣстилъ ее въ 17 № *Сына Отечества*. Что за баллада! Сокровище! — Могильщикъ *осеннею порою* пошелъ копать могилу, и разсуждалъ самъ съ собою: долго ли мнѣ работать?

Въ теплыхъ избахъ богачи безъ заботы
Спятъ на перинахъ теперь;

а мнѣ надобно трудиться, хлопотать, рыть могилы, или *таскаться* съ сумою

...И въ холодъ *и въ темь* нѣтъ покою;
Что же несчастнѣй другихъ я родился?
Что бы и жизнь мнѣ давать?

Словомъ, онъ наскучилъ бѣдностью, не боится ада и рѣшается:

Дай, *схороненнымъ* хоть разъ поживлюся!
Дай, на остаткѣ дней повеселюся!

Потомъ отбиваетъ гробъ, крадетъ алмазы, жемчугъ, и когда хочетъ похитить перстень, *мертвый очнулся* (замѣтьте: *мертвый!!*), *стиснулъ* преступникову руку; *синія губы роптали безъ звуку* (мудрено!!...). Но что же воръ?

Смотритъ на мертваго воръ...
Мутные взоры ужъ дня не узрѣли:
Только на мертваго страшно глядѣли!

И конецъ!! — Замѣчать ли, что по-Русски не говорится: что̀ бы и жизнь? вмѣсто: *на что бы и жизнь?* или *темь*, вмѣсто *темнота*. — Это бездѣлица! Бездѣлица и то, что *воръ смотритъ на мертваго*, а взоры дня *не узрѣли* и только на мертваго *глядѣли;* но я желалъ бы спросить всякаго здравомыслящаго человѣка: что за цѣль этой баллады? Гдѣ польза? гдѣ удовольствіе? Это ли языкъ боговъ?.. И такую балладу помѣщаютъ въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ нашихъ для того только, что она подходитъ къ модному стихо-

творству; для того, что въ ней есть могила, мертвецъ и проч. и проч.

Какой счастливый вѣкъ! И какъ легко писать!
Бумага лишь нужна, наборщикъ и—печать...

А такихъ ужасныхъ, мистическихъ выродковъ вы найдете премножество. Другія не столь страшны, за то ужъ такъ *кудревато изукрашены*, что подлинно

. . . . не хитрому уму
Не выдумать бы въ вѣкъ...

Напримѣръ, у насъ есть: *позывъ* къ уединенію, гдѣ вы узнаете, что Авторъ *не боленъ* сердцемъ; въ другомъ мѣстѣ сыщете, что „*съ утраченнымъ грядущее слилось*: грядущее *со мною разочлось, и новый искъ на немъ мой былъ бы тщетенъ*“; *что обманъ надеждъ разжигаетъ тоску заснувшихъ ранъ*; еще въ одной балладѣ... Но прошу прочитать ее всю сполна: она *право* этого стоитъ (С. От. № 13, стр. 35)! Я только замѣчу: у насъ въ такой модѣ *смертность*, что *даже лучъ солнечный* трепетенъ и блѣденъ *умираетъ на горѣ*... Ни слова о рыцаряхъ, которые безпрестанно прощаются съ красавицами и погибаютъ; ни слова о *чашахъ* пѣнистаго вина, о *тайномъ шепотѣ невидимаго, о туманномъ небосклонѣ полей*, о *лазурномъ кровѣ безоблачнаго пр*[illegible] *о пустынной тиши дубравъ, о зыбучихъ берегахъ, гдѣ* [illegible] *чутъ красныя дѣвицы* и проч. и проч.

Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый, ужасный предметъ, который, какъ у Камоенса Мысъ бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди Океана Россійской Словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо; быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію [illegible]вымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются—и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій.

Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство Литературы, т. е. *сказки* и *пѣсни* народныя. Что объ нихъ сказать?

Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки Словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ воспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинной забавой, и составляла все богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни со всѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ *сказки* и *пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX-го вѣка заблистали *Еруслaны* и *Бовы* на новый манеръ: то я вамъ слуга покорный!

Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ нежели смѣшныхъ лепетаній?.. чего ждать, когда наши Поэты начинаютъ народировать *Киршу Данилова?*

Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе *Еруслану Лазаревичу?* Извольте же заглянуть въ 15 и 16 № *Сына Отечества*. Тамъ неизвѣстный піитъ *на образчикъ* выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей *Людмила и Русланъ* (не Еруслaнъ ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Піитъ оживляетъ *мужичка самъ съ ноготь, а борода съ локоть*, *придаетъ ему еще безконечные усы* (С. От., стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку невидимку и проч. Но вотъ что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которою лежитъ мечъ-кладенецъ; *голова* съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать отъ Поэтовъ нынѣшняго времени!.. Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть *старинного* нашего пѣснословія, Поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Еруслaнову разсказчику, напримѣръ:

...Шутите вы со мною —
Всѣхъ *удавлю* васъ бородою!...

Каково? —

...Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ *предъ носомъ* молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ...

Картина, достойная Кирши Данилова! Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо *чихаетъ*... Вотъ что говоритъ рыцарь:

Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

Потомъ витязь ударяетъ голову *въ щеку* тяжкой *рукавицей*... Но увольте меня отъ подробностей, и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово ребята!* Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Dixi.

Изъ „Вѣстника Европы“ 1820 г.

*
* *

Genève imite Rome,
Comme le signe est copiste de l'homme.

*) Эти стихи Вольтера можно примѣнить ко многимъ отраслямъ нашей Литературы. Мы подражали во всѣхъ родахъ стихотворныхъ, кромѣ лирическаго. Этого мало! Извѣстный Жуи вскружилъ голову нашимъ бумажникамъ своимъ Hermite de la chaussée d'Antin: тотчасъ появились у насъ *пустынники* въ бѣлыхъ халатахъ, *бродяги*, *старцы* и подоб-

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 63, № 31. (Статья ...ева, подъ заглавіемъ: „Къ издателю Сына Отечества“).

ные сему литературные инвалиды. Вы помните, м. г., что, когда одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей прославилъ своею *Лизою* окрестности Симонова монастыря, то прочіе Литераторы, которые всегда любятъ ступать въ чужіе слѣды (хотя не всегда въ нихъ попадаютъ, ибо не всѣ шаги равны), не оставили ни одного монастыря въ покоѣ. То же случилось и недавно: стоило только показаться Лужницкому старцу, и уже всѣ слободы Москвы наполнились литературными старинками. Эти добрые люди бранятъ отъ нечего дѣлать встрѣчнаго и поперечнаго, и нападаютъ даже на извѣстныхъ Писателей... И недавно*) единый изъ *тысячи и одного* старцевъ нашихъ,

Plus enclins à blamer, que savans à bien faire,

съ необычайною веселостію и простосердечіемъ бранитъ баллады и неизвѣстнаго (по его словамъ) Автора Поэмы Людмила и Русланъ. Не могу лишить себя удовольствія увѣдомить читателей вашихъ о семъ добромъ старикѣ.

Онъ прежде всего обѣщается говорить о Литературѣ, и вслѣдъ за симъ объявляетъ, что онъ—*старикъ*: желательно знать, давно ли метрическія книги принадлежатъ къ Литературѣ? Жаль, что позволено призывать еще великихъ Писателей. Бутырскій старецъ (la personne en question), по обыкновенію, ссылается на нихъ, ибо мертвые терпѣливы, и не стыдится ставить Ломоносова и Державина рядомъ съ *Сумароковымъ*; можетъ быть, для большаго контраста. Далѣе видно, что старость освобождаетъ отъ труда (для многихъ тяжелаго)—говорить по-Русски, ибо старецъ негодуетъ на новыя пріобрѣтенія въ нашей Словесности. Онъ весьма остроумно сравниваетъ нашъ Парнассъ съ кладбищемъ, и все за то, что его на старости лѣтъ разсердила какая-то Баллада. Согласенъ, что она не совсѣмъ удачна, но все не такъ худа, какъ думаетъ старецъ Бутырской слободы, и какъ хочетъ заставить другихъ думать. Замѣчу, что губы очень могутъ шевелиться или роптать, не издавая звука;

*) „Вѣстникъ Европы“, № 11, стр. 213—220.

что по-Русски очень говорится: *чтобы*, вмѣсто *на чтобы*, и *темь*, вмѣсто *темнота*, особливо въ просторѣчіи, а кажется, могильщики не говорятъ другимъ языкомъ; что можно *смотрѣть* и не *зрѣть*, ибо *смотрѣть* значитъ просто навесть глаза на какой-нибудь предметъ, напримѣръ, на Бутырскаго старца, а *зря* или *видя* его, можно изобразить

Съ щетинистой бородой,
Съ блестящими глазами.

Потомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Очень радъ случаю отвѣчать на нихъ, и вывесть изъ недоумѣнія почтеннаго старика, который, прочтя пьесу и написавши на нее критику острую,

Какъ жертвенный двуострый ножъ,

не знаетъ еще ни цѣли ея ни содержанія: это немного несходно съ проницательностію прежнихъ старцевъ. Цѣль Баллады Могильщикъ показать пагубныя слѣдствія нищеты; *польза* ея—страхомъ наказанія удержать преступника. О причинахъ, которыя, по мнѣнію старца, побудили помѣстить ее въ Сынѣ Отечества, я не скажу ничего, оставляя этотъ трудъ вамъ самимъ, почтенный Г. Издатель. Не знаю, почему на Бутыркахъ Баллады называются *мистическими* пьесами; кажется, нѣтъ ничего мистическаго въ поступкѣ могильщика, ограбившаго мертвеца! Впрочемъ, что деревня то повѣрье!... За симъ слѣдуетъ наборъ выраженій, взятыхъ даже изъ лучшихъ Писателей; всѣ они могутъ быть хороши, если поставлены у мѣста *). Удивительно, что старцу, который выдаетъ себя за знатока въ Поэзіи, не нравится истинно піитическое выраженіе: лучъ солнца *умираетъ*, вмѣсто *угасаетъ*; такъ онъ изгонитъ изъ стиховъ всѣ метафоры, синекдохи, метонииміи и пр. grands mots qu'il croit des termes de chimie. Далѣе Аристархъ весьма убѣдительно и *краснорѣчиво* (нужда учитъ калачи печь!) проситъ напечатать письмо свое, ибо-де *можетъ быть* (à poste

*) Кромѣ одного: *обманъ надеждъ разжигаетъ жалу щемящихъ ранъ*: оно слишкомъ высоко!

ad este non est consequentia!) люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся (выраженіе не весьма учтивое!), разсмѣются (надъ самолюбивымъ критикомъ, желающимъ предписывать законы) и проч. Почему г-нъ старецъ относитъ Поэму Людмила и Русланъ къ какому-то новому, необычайному роду сочиненій? Онъ могъ назваться новымъ до Одиссеи, Роланда, Налоя (Lutrin), Оберона; теперь онъ столь же новъ, какъ и критика, въ которой упражняются отъ нечего дѣлать престарѣлые жители разныхъ Московскихъ предмѣстій. Желательно знать, для чего старецъ желаетъ, чтобы *лепетанія* (такъ ему угодно называть древнія стихотворенія) были болѣе смѣшны, нежели жалки? Мысль довольно новая и веселая: судить о достоинствѣ сочиненій по смѣху, ими возбуждаемому! Послѣ этого письмо Бутырскаго жителя будетъ лучше Иліады! Чтобы отвратить Публику отъ Поэмъ, подобныхъ новой, старикъ предполагаетъ, что наши Поэты будутъ пародировать Киршу Данилова, и говоритъ, что тогда нечего ждать добраго; на это всякій бы согласился, если бы Бутырскіе жители не основывали своихъ умозаключеній на предположеніяхъ: эта не весьма строгая Логика хороша для *слободы*, но недостаточна въ обществѣ образованномъ. Г-нъ старецъ негодуетъ на лицо Черномора, на сраженіе съ головою; но Исторія Полифема въ Одиссеѣ ничѣмъ не лучше. Правда, что нашъ старецъ тотчасъ дастъ причину своему праведному гнѣву; вотъ она: ему наскучили всѣ сіи Повѣсти, ибо онъ ихъ слыхалъ уже отъ своей покойной нянюшки:

Qu'on ne s'attendait guère
A voir dans cette affaire.

Это Шемякинъ судъ! — Выраженіе: *эхо читаетъ* очень затруднило Бутырскихъ жителей; вообще же должно замѣтить, что они не скоро находятъ смыслъ выраженій истинно стихотворныхъ. Старику не нравится выраженіе Руслана:

Я ѣду, ѣду, не свищу,
А, какъ наѣду, не спущу!

Что же скажетъ онъ о Богдановичѣ, у котораго Грече-

ская (!!!) царевна плачетъ какъ *дура*, ѣдетъ *на щукѣ шегардой*, называетъ дракона змѣемъ *Горыничемъ*, *чудомъ-юдомъ* и проч.?.. Еще бы можно болѣе поговорить о просвѣщеніи Бутырскихъ жителей, но я боюсь утомить вашихъ читателей и вооружить противъ себя irritabillis gens senium.

Изъ „Сына Отечества“ 1820 г.

*
* *

*) Честь имѣю увѣдомить васъ, Г-нъ ...*съ*, что письмо ваше къ почтенному издателю *Сына Отечества* („Сынъ Отеч.“ книжка 31. стр. 228 и слѣд.), дошло и до *Бутырской слободы*. Не стану разбирать, для чего вздумалось вамъ препроводить это письмо въ С.-Петербургъ, когда вы могли бы сдѣлать его извѣстнымъ, не заставляя такъ далеко путешествовать **)—не мое дѣло, и *мнѣ ли* открывать таинства *Елевзинскія!*... Я думалъ даже и о томъ, должно ли отвѣчать вамъ? — Если бы дѣло шло объ одномъ мнѣ, то будучи смиреннымъ, безтребовательнымъ старикомъ, я бы замолчалъ: я далъ бы вамъ полную волю шутить и забавляться надъ старостью; но вы сами согласитесь, что мое Письмо, предметъ вашего негодованія, касается до общаго дѣла, слѣдовательно требуетъ отъ меня отвѣта, а потому— позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Какъ не повторить вамъ еще разъ, что я *старикъ*? И вотъ почему: въ наше время замѣчанія о Словесности писывали совсѣмъ иначе, нежели какъ вы писать изволите. Когда рѣчь идетъ о доказательствѣ какой-нибудь истины, къ чему тутъ всѣ тонкіе обороты, намеки, насмѣшки—и даже *брань*?.. Читавши многія спорныя сочиненія нынѣшняго времени, качаю головою и повторяю съ Буало:

Chaque age a ses plaisirs, ses moeurs et ses esprits...

Не спорю, что яркія краски остроумія не лишнее въ

*) „Вѣстникъ Европы“ 1820 г., № 16. („Отвѣтъ на Письмо къ Издателю Сына Отечества“. Жителя Бутырской слободы).

**) Извините! *Вѣстникъ* теперь и безъ того въ немаломъ затрудненіи; онъ не знаетъ, куда дѣваться отъ писемъ, отвѣтовъ, критикъ и антикритикъ. Laboramus abundantia scriptorum. Р.

критическихъ замѣчаніяхъ; но если онѣ, отвлекая вниманіе отъ цѣли сочиненія, обращаютъ его единственно на самихъ себя: какую пользу получатъ изъ етаго читатели? И можетъ ли такая критика быть поучительною?... Совсѣмъ нѣтъ: она заставляетъ смѣяться, и тогда Ла-Гарповы слова: le plaisir ne nuit point à l'instruction (забавное не мѣшаетъ научаться) выходятъ изъ числа истинъ. Критика, не научая читателей, теряетъ свою цѣль и достоинство, а Словесность—терпитъ большой вредъ. Споры и брань всегда унижаютъ почтенное званіе Писателей; можете на себѣ испытать, какъ трудно снова заслужить выгодное мнѣніе публики, ежели хоть разъ сдѣлаетесь смѣшнымъ или страннымъ.—*Изъ многаго* заключаю, м. г., что вы еще молоды, по крайней мѣрѣ, *не стары*, а потому дружески совѣтую вамъ получше удостовѣриться въ этой истинѣ — она вамъ очень пригодится. Покажите человѣку ошибку его, улыбнитесь, если угодно; но не ссорьтесь, не бранитесь—и тогда, повѣрьте мнѣ, тогда всякой благоразумный человѣкъ отдастъ вамъ справедливость, и согласится съ вами. Кто отказывается отъ полезнаго, добраго совѣта? Несмотря на мою старость, я всегда думаю: *Учиться — нѣтъ стыда; невѣжой—стыдно быть*... У насъ, съ нѣкотораго времени, критика дѣлается наоборотъ. Довольно прочитать кое-какъ сочиненіе, о которомъ хотимъ объявить свои мысли; довольно взять изъ него нѣсколько словъ, переставить ихъ, придать какой угодно смыслъ, не поскупиться на восклицательные знаки, побранить —*и въ шляпѣ дѣло!* Видя изъ письма вашего, что вы знаете Французскій языкъ, прошу васъ выслушать слова почтеннаго писателя, котораго сочиненія вамъ, какъ критику, должны, конечно, быть извѣстны: lorsque je vois des hommes, говоритъ онъ, qui se disputent au lieu de raisonner, je suis fort disposé à n'être de l'avis ni des uns, ni des autres *)—и таково мнѣніе всѣхъ просвѣщенныхъ читателей. Судите сами, м. г., какую пользу послѣ етаго принесутъ вамъ всѣ ваши bon-mots, и убѣ-

*) Когда вижу людей, которые не разсуждаютъ, а только лишь спорятъ между собою, то я не беру ни чьей стороны.

дятъ ли они кого-нибудь, что въ самомъ дѣлѣ мнѣнія мои никуда не годятся?

Впрочемъ, предоставляя себѣ удовольствіе сказать вамъ свое мнѣніе, въ концѣ моего отвѣта, объ остротахъ вашихъ, обращаюсь къ *общему* предмету. Вы не поняли намѣренія моего, если подумали, будто я хотѣлъ только лишь *побранить баллады и неизвѣстнаго Автора* *) Поэмы *Людмила и Русланъ*. Совсѣмъ не то. Мнѣ хотѣлось показать, куда можетъ завести подражателей смѣлый шагъ Писателя оригинальнаго, если господа подражатели и послѣдователи не управляются талантами, равными таланту образца ихъ, и если не слушаются совѣтовъ благоразумной критики; потомъ намѣреніе мое было указать на новое явленіе въ нашей Литературѣ, на явленіе, которое угрожаетъ намъ громадою сочиненій во вкусѣ Еруслана Лазаревича. Слѣдовательно, дѣло не въ томъ, будто меня *разсердила на старости лѣтъ какая-то Баллада*. Не знаю, отъ искренняго ли сердца вы говорите, что мое сравненіе Парнасса нашего съ кладбищемъ *весьма остроумно*. Мнѣ остается поблагодарить васъ за комплиментъ и прибавить, что прочитавши письмо ваше, я не вижу причинъ, по которымъ долженъ бы перемѣнить мое мнѣніе. Сказано, что не однѣ Баллады имѣлъ я въ виду, но вообще уклоненіе многихъ Поэтовъ отъ истиннаго пути, ведущаго къ совершенству; безмѣрное подражаніе не безсмертнымъ красотамъ классиковъ, которыя у насъ вовсе забыты, но блестящимъ, нерѣдко ложнымъ прелестямъ *романтизма*, если не ошибаюсь, *Германическаго*; напыщенный слогъ *многихъ* и странныя, новомодныя слова *нѣкоторыхъ*, впрочемъ, превосходныхъ Писателей нашихъ: вотъ на что надобно было и вамъ обратить свое вниманіе. Будучи увѣренъ, что чѣмъ славнѣе авторъ, тѣмъ безпристрастнѣе онъ къ сужденіямъ объ его сочиненіяхъ, осмѣлюсь указать вамъ, м. г., на начало *роман-*

*) Повторяю—*неизвѣстнаго*; ибо не имѣю дара угадывать по слогу пѣсны, кому принадлежитъ честь сочиненія, которое читаю, если имя автора не напечатано четкими буквами въ концѣ или въ началѣ творенія. Г-нъ... *свѣ* можетъ придавать слову *неизвѣстнаго* какой угодно смыслъ—его воля. Ж. Б. С.

тизма въ Россіи. Вы согласитесь со мною, или лучше сказать съ Буало, что

... La nature fertile en esprits excellents
Sait entre les auteurs partager les talents —

и слѣдовательно всякой авторъ, не принимаясь за перо, или (если угодно) за лиру, долженъ размыслить хорошенько,

.... quid ferre recusent,
Quid valeant humeri.... *)

а потомъ уже, узнавши наклонность своего таланта, смѣло пускаться въ предназначенный судьбою путь. Такъ поступали всѣ великіе Поэты! Уже поприще Литературы Русской наполнено было сподвижниками славными. Ломоносовъ, Державинъ, Петровъ, Нелединскій, Дмитріевъ, Карамзинъ — восхитили, плѣнили соотечественниковъ, когда явился новый Поэтъ. Онъ обозрѣлъ труды предшествовавшихъ ему, и увидѣлъ свое назначеніе. Посмотрите на первые его опыты: они многообразны, относятся ко многимъ родамъ Поэзіи. Басни его смѣло можно поставить выше басенъ многихъ послѣдователей нашего Русскаго Флоріана; но не Апологъ былъ назначенъ ему удѣломъ — и скоро *красоты* Шиллера, Грея, Томсона, Биргера явились въ нашей литературѣ — и Жуковскій достигъ своей цѣли. Тогда-то, м. г., и я, старикъ, *порадовался новому приобрѣтенію въ нашей Словесности.* Надобно быть вовсе безъ вкуса, чтобы не узнать въ Жуковскомъ оригинальнаго Поэта въ своемъ родѣ: его Баллады, Пѣсни, Романсы, исполненные силы, смѣлыхъ выраженій, картинъ неподражаемыхъ, словъ новыхъ, счастливо изобрѣтенныхъ, говорятъ уму и сердцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ спорить, что и въ немъ нѣтъ стиховъ, подверженныхъ сомнѣнію, словъ слабыхъ, невразумительныхъ, повтореній одного и того же, и проч.? Но, замѣчая его ошибки, скажемъ, что онѣ суть погрѣшности превосходнаго писателя.

---

*) Берите трудъ всегда не свыше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ....
Переводъ А. Ѳ. Мерзлякова.

Qui tombait avec art, ne tombait point sans gloire.

Что же *совершенное* выходило изъ рукъ человѣческихъ? А должно ли замѣчать ошибки хорошихъ Писателей для пользы молодыхъ авторовъ, вы можете судить изъ примѣра подражателей и послѣдователей. Плѣненные славою оригинала, наши Поэты пустились въ неизмѣримую бездну *мистицизма*, *романтизма*, и все было забыто—и во имя Гете, Шиллера, Шлегеля, Парнассъ нашъ заваленъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я говорилъ прежде Теперь, м. г., согласитесь сами, правъ ли я былъ, напоминая, что пора нашимъ Поэтамъ перестать, и имѣлъ ли въ виду *только что* раскритиковать Балладу, помѣщенную въ 17 № Сына Отечества? Въ то время, какъ я писалъ мое письмо, *въ самомъ дѣлѣ* она была новѣйшее произведеніе въ *мистико-романтическомъ* *) родѣ, а что я взялъ ее *безъ выбора*, *случайно* для примѣра, послужитъ доказательствомъ то, что я тогда же намекнулъ и на другую такого рода Балладу. И теперь могу показать ихъ *десятка два*, одна другой лучше. Впрочемъ, вамъ угодно защищать *Могильщика*. Вы рады, что *имѣете случай* растолковать мнѣ и *цѣль* и содержаніе Баллады: перваго я въ самомъ дѣлѣ не понималъ; другое кажется мнѣ напраснымъ трудомъ, съ вашей стороны; ибо *содержаніе* уже и самъ я могъ кое-какъ разсказать другимъ; но черезъ двѣ строчки вижу, что содержаніе, *по вашему*, значитъ *пользу*! Таковы-то наши братья старики: мы не можемъ даже различить *стихотворныхъ* нынѣшнихъ терминовъ. Чего добраго! долго-ли до бѣды: они въ самомъ дѣлѣ покажутся намъ termes de chimie! Впрочемъ, за объясненіе цѣли и пользы Баллады я очень много вамъ благодаренъ: но, проклятая закоснѣлось! все мнѣ кажется, будто и въ самомъ простомъ родѣ сочиненій

*) Г-нъ....*евъ* не знаетъ, почему *подобные* стихи (не Баллады, а *вообще стихи*) называются у насъ, на Бутыркахъ, *мистическими* пѣснями. Странно! Если угодно, могу услужить ему изъясненіемъ: пусть онъ прочтетъ въ извѣстномъ сочиненіи г-жи Сталь-Голстейнъ, de l' Allemagne, тома VI, стр. 36 и слѣд. - А какъ растолковать ему, что именно *Могильщикъ* Баллада принадлежитъ къ *мистическимъ*—етого я ужъ не знаю! Ж. Б. С.

Le sujet est commune, mais l'art n'est pas vulgaire....

И кто какъ ни говори, а я буду твердить одно и то же съ любезными стариками, напримѣръ, съ *Делилемъ*:

Soit donc que vous teniez la plume ou le pinceau,
La lyre harmonieuse ou l'habile ciseau,
Soit que *du coeur humain vous traciez la peinture,*
Soit que dans ses travaux vous peigniez la la nature,
C'est *choix du vrai beau qu'il faut étudier.*
N'allez pas imiter cet *artiste grossier*
Qui va choisir sans goût ce qu'il *peint sans adresse.*

Или съ Буало:

Quoi que vous èc riviez, evitez la bassesse.
Le style le moins noble a pourtant sa noblesse.

Вотъ вамъ, м. г., мои мнѣнія о вашемъ *Могильщикѣ!* Можетъ быть, мы не поймемъ другъ друга; не моя вина!— Позвольте обратиться къ другимъ вашимъ обвиненіямъ. Съ самаго почти начала вы хотите представить всѣхъ насъ, *стариковъ*, какими-то сердитыми людьми, которые бранятъ *встрѣчнаго* и *поперечнаго*, и даже нападаютъ на *извѣстныхъ* Писателей, а потомъ включивши меня въ число

Plus enclins a blamer, que savans à bien faire,

заставляете вашего покорнаго слугу дѣлать *наборъ выраженій*, взятыхъ даже изъ *лучшихъ писателей*, какъ будто съ недобрымъ намѣреніемъ.—Не буду вступаться за стариковъ вообще (хотя стариковъ молодымъ людямъ уважать весьма не худо); мнѣ только до себя дѣло: но какъ не видите вы, м. г., что противорѣчите сами себѣ, говоря, что я *сердитый старикъ*, и что вмѣстѣ съ тѣмъ бранюсь *съ необычайною веселостію и простосердечіемъ*, и что *наборъ выраженій* извлеченъ изъ *лучшихъ* писателей? А еслибъ и въ самомъ дѣлѣ изъ лучшихъ! что же? Развѣ должно говорить: *такое-то слово хорошо, потому единственно, что его употребилъ Державинъ*! М. г., въ старину мы судили не такъ; у насъ говаривали:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста. Ломоносовъ употреблялъ слова: *чать*, *тое*, *рыцать сонлнуть*; несмо-

тря на то, мы все-таки называли ихъ низкими, неприличными. Развѣ нынѣ только запрещается сто дѣлать; а прежде такъ, у Гомера находя погрѣшность, читатель въ правѣ былъ сказать съ Гораціемъ: quando que bonus dormitat Homerus (и Гомеръ иногда дремлетъ)! Забавно защищаете вы *отмѣченныя* выраженія, говоря: *всѣ они могутъ быть хороши, если поставлены у мѣста*... М. г..! сею мнимою аксіомой вы только лишь приводите на память намъ, старикамъ, дверь прилагательную, сирѣчь уже приложенную къ своему мѣсту, и дверь существительную, еще не приложенную. Сдѣлаемъ ей повѣрку: читая, напримѣръ, что дѣвица

На берегъ *зыбучій*
Склонившись сидитъ

какъ не подумать, что *зыбучій* значитъ *колеблющійся, зыбкій*—а потомъ, какъ не сказать, что зыбучій берегъ есть—ошибка противъ языка?... Мы видимъ однакожъ, что зыбучій берегъ тотчасъ и былъ принятъ подражателями за *чистое золото*. Вотъ и выходитъ, м. г., что надо *знать ошибки хорошихъ писателей*; ибо есть люди, которые безъ дальнихъ разсужденій и *ошибкамъ* охотно подражаютъ, между тѣмъ извѣстно, что и безъ ошибокъ даже у неутомимыхъ подражателей, сколько бы впрочемъ они не умудрялись.

Тѣ жъ мысли, тѣ жъ слова; однако все не то!

Начинаю опасаться, чтобы неутомить читателей показаніемъ всего того, что вы противъ меня возражали. Еще нѣсколько словъ, и я кончу.—Совсѣмъ не относилъ я Поэмы Людмила и Русланъ *къ какому-то* новому, *необычайному* роду *сочиненій*. Развѣ не читали вы (на стр. 218 Вѣстника Европы, № 11), куда принадлежитъ новая сія Поэма? Образцы, по которымъ она писана, извѣстны всякому: кто не слыхалъ *о Бовѣ Королевичѣ, объ Игнатьѣ Царевичѣ, объ Иванѣ Царевичѣ, о Силѣ Царевичѣ, о Булатѣ Молодцѣ* и о знаменитомъ *Иванушкѣ Дурачкѣ?*—Если вамъ нравится передѣланный въ Черномора *мужичокъ самъ съ ноготь, борода съ локоть*; то не худо взять и другія, столь же *сти-*

хотворныя выдумки: можно Руслана заставить взлѣзть въ ушко *сивки-бурки*, конюшимъ придать ему *Ивашку бѣлу рубашку*, заставить его сдѣлать визитъ *Ягой-бабѣ*, а въ оправданіе сослаться, что у Мильтона, у Шекспира, у Данта, у Камоенса многія подробности—*ничѣмъ не лучше!*... Кто споритъ, что Отечественное хвалить похвально; но можно-ль согласиться, что все выдуманное Киршами Даниловыми хорошо, и можетъ быть достойно подражанія. Предположеніе мое о пародіи Киршѣ Данилову не основывается на умозаключеніяхъ, а на самомъ дѣлѣ, на опытахъ нашихъ Поетовъ.

Остается упомянуть о двухъ вашихъ *шуткахъ*, ибо иначе *не умѣю*, или *не смѣю* назвать словъ вашихъ, будто *Людмила и Русланъ* принадлежатъ къ одному роду *съ Одиссеею*, а къ Одиссеѣ будто причисляются *Роландъ* (Орландъ?) Аріостовъ, *Налой* Буало и *Оберонъ* Виланда: если вы въ самомъ дѣлѣ еще не знаете различія между Одиссеею, Орландомъ и Налоемъ, то — и изъяснять вамъ ненужно, да и трудъ мой будетъ напрасенъ.

Къ разряду же шутокъ причисляю и замѣчаніе ваше касательно Богдановича, у котораго Греческая (кажется такъ вы ее назвали?) Царевна *ѣдетъ на щукѣ шестерной*. Ошибка всегда ошибка, кѣмъ бы она ни была сдѣлана. Повѣрьте, м. г., что и у насъ на Бутыркахъ шутки понимаютъ, и что вы имѣете ложныя понятія о просвѣщеніи жителей слободы Бутырской.

Еще скажу вамъ, что вы взводите на меня напраслину, будто я ставлю Сумарокова (котораго вамъ едва ли удастся истребить въ памяти потомства) рядомъ съ Державинымъ и Ломоносовымъ; что старость освобождаетъ отъ труда говорить порусски *) и что я хочу изгнать изъ поетическаго разсказа всѣ риторическія фигуры. Далѣе, признаюсь въ

*) Опять таки нападеніе на *старость*... Г-нъ критикъ! надобно же будетъ когда нибудь и вамъ состарѣться. Въ разсужденіи Грамматики замѣчу вамъ, что послѣ выраженій вашихъ: *давать причину диву, дивить отъ нечего дѣлать* и послѣ беззаконной частички *de* знаніе ваше въ Россійскомъ языкѣ заставляетъ меня воскликнуть: je m'étonne et je me tais (удивляюсь и молчу)! Ж. Б. С.

моемъ невѣжествѣ: нескоро нахожу красоты въ выраженіяхъ *истинно стихотворныхъ*, если они подобны *умирающему лучу солнца*, при Руслановой поговоркѣ: *ѣду ѣду не свищу* и проч. и проч.

На остроумныя же ваши привѣтствія, какъ то *литтературный инвалидъ, литтературный старикъ, старецъ знатокъ Поэзіи, Аристархъ, самолюбивый критикъ и наконецъ le singe qui est copiste de l'homme*—могу отвѣчать словами одного изъ любезныхъ нашихъ Поетовъ:

Браниться всѣмъ легко, полезнымъ трудно быть.

Изъ „Вѣстника Европы“ 1820 г.

* * *

*) Чрезвычайная легкость и плавность стиховъ—отмѣнная версификація составили бы существенное достоинство сего произведенія, если бы піитическія красоты, въ немъ заключающіяся, не были перемѣшаны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладострастными картинами и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ. Поэтъ умѣлъ устлать для читателя путь цвѣтами. Не спорю, что это дорога къ обогащенію нашей Словесности; но она не поведетъ къ образованію и облагородствованію вкуса. Черноморъ и всѣ его братья и сестры свиты Вельзевула могутъ нравиться болѣе грубому, необразованному народу. Должно отдать справедливость Г. Пушкину; какою смѣлою и роскошною рукой раскидываетъ онъ красоты Поэзіи? въ стихахъ его то живость, то легкость—кажется, будто они выливались у него сами собою. Такъ велико и непримѣтно искусство!—Н[illegible] оживлены описываемые предметы, многія картины—прекрасны. Это показываетъ въ немъ Поэта. При всемъ томъ надобно жалѣть, что дарованіе не избрало для себя болѣе благороднаго и возвышеннаго предмета, а обратилось на [illegible], который могъ занимать тогда только, когда умы и знанія были еще

*) „Невскій Зритель“ 1820 г., № 7. (Статья подъ заглав.: „Замѣчанія на Поэму: Русланъ и Людмила, въ шести пѣсняхъ, соч. А. Пушкина. 1820“).

въ младенчествѣ. Кто бы подумалъ до появленія сего произведенія, что, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, старинная сказка Еруслапъ Лазаревичъ найдетъ себѣ подражателей? Теперь можно надѣяться, что у насъ расплодятся и Бовы Королевичи и Ильи Муромцы. Не спорю, что такого рода повѣсти въ стихахъ могутъ нравиться—какъ и опера Русалка. Прекрасная музыка! прекрасныя декораціи!

Прочитавъ Руслана и Людмилу, я думалъ было предложить подробный разборъ сему повѣствованію; но въ то же время оный появился и въ Сынѣ Отечества. И потому я ограничусь замѣчаніями, и не буду много говорить о содержаніи Руслана. Прочитавъ его, всякой узнаетъ. Не стану доказывать — можно ли назвать его Поэмою: въ новѣйшія времена всякой почти разсказъ, гдѣ слогъ возвышается предъ обыкновеннымъ, называется Поэмою, хотя прежде сіе имя давали только тѣмъ произведеніямъ, въ коихъ описывались геройскіе подвиги касательно Религіи, Нравственности, или такихъ происшествій, которыми рѣшалась судьба Царствъ, гдѣ если не заключалось участія цѣлаго человѣчества, то по крайней мѣрѣ какого-либо народа—и гдѣ причины дѣйствій сверхъестественны *). Въ Русланѣ болѣе грубое простонародное волшебство, а не чудесное, которое составляетъ сущность Поэмы. Въ немъ чудеса безъ правдоподобія, которое есть основаніе,—первый законъ Поэзіи. Надобно, если не знанія, то чтобы вѣра дѣлала происшествіе возможнымъ, а Поэма Русланъ показалась бы странною и для Славянъ язычниковъ, и потому она справедливо названа въ сынѣ Отечества: *богатырскою*. Сохрани насъ Боже отъ Поэмъ карловъ и Пигмеевъ! Поэма Русланъ и Людмила раздѣлена на пѣсни, написана яркими красками; но это все одна одежда. Я согласенъ съ Д' Аламбертомъ, что главное въ сочиненіи есть предметъ, и не должно даже дѣлать раздѣленій самаго слога: на высокій, средній и низкій. Предметъ высокій и—краски будутъ возвышены, и никакія блестящія красоты не прида-

*) Поэмы въ смѣшномъ и прочихъ родахъ суть Пародіи; а Дидактическія—фальшивой родъ Поэзіи.

дутъ много цѣны и благородства малозначущему предмету. Въ какое платье ни одѣнь урода, все будетъ уродъ. Телемакъ Фенелона написанъ и прозою, но онъ всегда будетъ стоять выше многихъ Поэмъ въ стихахъ—выше Руслана. Скажемъ объ немъ наше мнѣніе.

Поэма Русланъ и Людмила могла бы почесться народнымъ старининымъ разсказомъ, если бы борода Черномора и голова брата его—существовали хотя въ изустныхъ преданіяхъ. Поэтъ сотворилъ ихъ самъ, подражая только онымъ, и представилъ никѣмъ нечитанныя и неслыханныя чудеса. Онъ желалъ итти по слѣдамъ Аріоста, но не имѣя столь возвышенныхъ дарованій, вмѣсто дѣйствія цѣлаго міра, который является у сего Поэта-Генія, изобразилъ четыре или пять лицъ, сдѣлавъ изъ всего чудесную смѣсь смѣшнаго съ простонароднымъ, нѣжнымъ и разными картинами. Онъ рѣдко возвышается. Одинъ только *пустынникъ* у него великое лицо, и хотя представленъ посторонимъ, но имъ движется все дѣйствіе: жизнь его, открытіе имъ *живой* и *мертвой* воды, которую онъ черпалъ въ *дѣвственныхъ* волнахъ: все останавливало мое вниманіе и заставляло ему удивляться. Русланъ крѣпко спитъ, у него у соннаго похищаютъ Людмилу; онъ хорошо рубится съ Рогдаемъ, когда еще не было причины къ бою; они съѣхались, какъ и разстались, поѣхавъ оба искать Людмилу. Впрочемъ, Русланъ томится, вздыхаетъ и обнаруживаетъ нѣжныя чувства, какъ *Селадонъ*. Безъ совѣта пустынника, онъ, кажется, оставилъ бы Людмилу, и на свадебномъ съ нею пиру онъ уже сердился и щипалъ себѣ усы; безъ помощи пустынника, лежать бы ему убитымъ отъ Фарлафа. Онъ не опомнился съ перваго удара; три раза молодецъ-богатырь въ *перчаткахъ*, Фарлафъ, вонзалъ въ него хладную сталь. Самого Руслана одинъ только великій подвигъ—ударъ по щекѣ головы рукавицей: съ бородою карла-Черномора онъ, имѣя и чудесный мечъ, не могъ вдругъ сладить, и только утомилъ его, державшись за бороду, и такимъ образомъ летавъ съ нимъ по воздуху: — *превосходная картина!* достойно въ то время и занятіе Руслана: онъ

щипалъ изъ бороды волосы. Чудесно — духъ устаетъ и предлагаетъ самъ себя въ волю героя, котораго носилъ въ атмосферѣ. Таково главное лицо Поэмы! Людмила *мила*, особливо когда визжитъ и подымаетъ кулакъ на Черномора. Рогдай не возбуждаетъ никакого участія; онъ стоитъ, чтобъ быть похищеннымъ Русалкой. *Ратмиръ прекрасенъ*, послѣ того какъ его омыли красавицы въ Русской банѣ. Лицо Фарлафа списано съ натуры. Напрасно только Поэтъ называетъ его героемъ доблестнымъ, скромнымъ средь мечей — это совсѣмъ смѣшно, Фарлафъ вездѣ изображенъ по Русской пословицѣ: „блудливъ какъ кошка, а труслив какъ заяцъ“. Ему покровительствуетъ Наина — вѣдьма, которая превращается въ *змѣя* и *кошку*. Противуборствующія силы Руслану представлены чрезвычайными. Какое гигантское воображеніе! Что за голова, что за борода?.. Надобно бы только припомнить извѣстное посланіе Горація къ Пизонамъ:

Когда маляръ въ жару трудяся надъ картиной *и проч.*

И еще правило въ Поэмѣ: сверхъестественныя силы надобно приводить въ движеніе тогда только, какъ дѣйствіе не можетъ совершаться обыкновенными. Фантазія, вышедшая изъ границъ, творитъ выродковъ. Не достойно ли критикуютъ въ Виргиліи, что онъ превратилъ флотъ въ птицъ. Мильтонѣ сраженіе ангеловъ съ горами, и то, что онъ втащилъ на небеса огромную пушку; въ Камоэнсѣ, что онъ заставилъ Бахуса читать Литургію; въ Малербѣ, что онъ сравнивалъ слезы Св. Петра съ быстрымъ водопадомъ, а вздохи уподоблялъ разъяренному грому; и въ Шекспирѣ, что у него плавалъ корабль при берегахъ Богеміи? Не одни Поэты подвергаются укоризнѣ за упущеніе здраваго смысла и правдоподобія, — тоже и живописцы. Хорошо ли сдѣлалъ Рафаэль, который одѣлъ Св. Дѣву въ платье италіянскихъ крестьянокъ; Рембрантъ, который ставилъ всегда польскаго всадника при крестѣ Спасителя; Тинторетъ, который вооружалъ ружьями Израильтянъ, проходящихъ чрезъ Чермное море? Можно ли похвалить находя-

щуюся въ Аугсбурской церкви картину, гдѣ жена Ноя одѣта въ богатое платье султанши, и несетъ въ ковчегъ на рукахъ болонскую собачку? Послѣ сего не должно ли вооружиться правилами самаго искусства, утвержденными образованнымъ вкусомъ вѣковъ, противъ всѣхъ уродливостей, помѣщенныхъ въ Русланѣ, и тѣмъ болѣе, что, кажется, самъ Поэтъ желалъ сообразоваться съ правдоподобіемъ. Онъ между необыкновенными героями своей Поэмы помѣстилъ и историческое лицо: Великаго Князя Владиміра—просвѣтителя Россіи. Всякой Русской, всякій христіанинъ при одномъ имени его исполняется чувствъ благоговѣнія. Впрочемъ хорошо, что онъ показывается только въ первой и послѣдней пѣсняхъ Поэмы. Въ началѣ онъ пируетъ, потомъ, узнавъ о похищеніи Людмилы, распаляется гнѣвомъ, и вопрошаетъ съ ужаснымъ пламеннымъ челомъ... сжалиться надъ старикомъ, а въ концѣ при немъ Кіевъ, осажденный Печенѣгами, и онъ, одинъ оставшись близъ дочери своей, молится и, наконецъ, послѣ оживленія ее, пируетъ. Ходъ Поэмы Русланъ довольно хорошъ. Одно лишь—Поэтъ очень часто любитъ говорить о себѣ и обращаться то къ красавицамъ, то наставникамъ, то артистамъ и проч. — вотъ что замедляетъ и останавливаетъ шествіе его дѣйствія и препятствуетъ единству. Я желалъ бы быть очарованъ, забыться—и въ то же время Поэтъ останавливаетъ мои восторги, и—вмѣсто древности—я узнаю, что живу въ новѣйшія времена: несообразность дѣлается видимою, и, сверхъ того, это развлекаетъ вниманіе, уменьшаетъ цѣну предметовъ.

Почитаю излишнимъ входить въ подробности и замѣчать несвойственность выраженій и проч., и тѣмъ болѣе, что стихи въ Поэмѣ вообще хороши, хотя между ими часто встрѣчаются слабые и прозаическіе, каковы, напр.:

Въ душѣ несчастные таятъ (*стр. 10*).
Любви и ненависти ядъ (*стр. 11*).
Знай нашихъ! *молвилъ* онъ *жестоко* (*стр. 105*).
Но наконецъ—дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною (*стр. 18*).

Отшельникъ мирный и безвѣстный (*стр. 117*).
Однако жить еще возможно (*стр. 13*).
Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ—(*стр. 15*).
Мысль о потерянной невѣстѣ—
И каждый конь не чуя стали
По волѣ путь избралъ себѣ (*стр. 17*).
Во мракѣ старой жизни вяну (*непонятно!*) (*стр. 18*).
Супругу только сторожилъ (*стр. 110*).
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.—
Русланъ насъ долженъ занимать—(*стр. 91*).
Русланъ на лугъ жену слагаетъ (*стр. 114*).
Душевныя движенья кроя (*стр. 121*).
Влача въ душѣ печали бремя.—
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ; (*стр. 104*).
Сошлись—и *заварился* бой (*стр. 137*). и проч. и проч.

Мнѣ остается теперь сказать только о цѣли Поэмы. Авторъ говоритъ о ней въ своемъ предисловіи:

„Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои".

Нравиться прекраснымъ—цѣль хорошая и довольно трудная. Онѣ одарены тонкимъ вкусомъ. Самые ихъ капризы и вѣтреность поставляютъ преграду въ томъ, чтобъ постоянно имъ нравиться. Но что возвышаетъ ихъ въ собственномъ мнѣніи? Что придаетъ неизмѣняемую прелесть ихъ красотѣ? Это невинность и скромность. чистота нравовъ, нѣжность, чувствительность—вотъ чѣмъ преимущественно обладаютъ красавицы, если онѣ любятъ, то въ обожаемомъ предметѣ видятъ болѣе нежели человѣка. Чувство высокой, нѣжной, истинной любви столь тѣсно соединено съ добродѣтелью, что прекрасная перестаетъ любить, когда перестаетъ быть добродѣтельною. Искусство, которое желаетъ нравиться прекраснымъ, должно развивать одни благородныя чувствованія, и болѣе всего не оскорблять ихъ стыдливости. Авторъ Руслана могъ бы нравиться нѣжностью. Онъ весьма искусенъ въ описаніи разнообразныхъ картинъ.

Весьма жаль, что онъ слишкомъ увлекся воображеніемъ: волшебство его болѣе способно пугать. Нынѣ и дѣти мало читаютъ Персидскія и Арабскія сказки, ибо не вѣрятъ уже коврамъ-самолетамъ, а въ Русланѣ чудеса столько же невѣроятны. Но еще болѣе надобно сожалѣть, что онъ представляетъ часто такія картины, при которыхъ невозможно не краснѣть и не потуплять взоровъ. Прекраснымъ ли читать такія описанія и сравненія, каковы, напримѣръ:

„Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спѣсивой,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ". И проч.

Или:

„Вы знаете, что ваша дѣва
Была одѣта въ эту ночь
По обстоятельствамъ, точь въ точь
Какъ наша прабабушка Ева.
Нарядъ невинный и простой!
Нарядъ Амура и Природы!
Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!

Или:

„А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь:
Людмила шапкой завертѣла;
На брови; прямо; набекрень
И задомъ на передъ надѣла".
(Чудесно).

Или:

„Что будетъ съ бѣдною Княжной?
О страшный видъ! Волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщеной рукой
Младыя прелести Людмилы;
Къ ея плѣнительнымъ устамъ
Прильнувъ увядшими устами,
Онъ, вопреки своимъ годамъ,
Ужъ мыслитъ хладными трудами

Сорвать сей нѣжный, тайный цвѣтъ,
Хранимый Лелемъ для другаго.
Уже. . . . .

Въ началѣ пятой пѣсни слѣдуетъ сравненіе Княжны съ Дельфирою:

Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А та—подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!

Тогда какъ во Франціи въ концѣ минувшаго столѣтія стали въ великомъ множествѣ появляться подобныя сему произведенія, произошелъ не только упадокъ Словесности, но и самой нравственности.

Пожелаемъ успѣха нашей Литтературѣ, и чтобъ Писатели и Поэты избирали предметы, достойные своихъ дарованій. Цѣль Поэзіи есть возвышеніе нашего духа—чистое удовольствіе. Картины же сладострастія плѣняютъ только грубыя чувства. Онѣ недостойны языка боговъ. Онъ долженъ возвѣщать намъ о подвигахъ добродѣтели, возбуждать любовь къ отечеству, геройство въ несчастіяхъ, плѣнять описаніемъ невинныхъ забавъ. Предметъ Поэзіи —изящное. Изображая только оное, талантъ заслуживаетъ дань справедливой похвалы и удивленія.—

Изъ „Невскаго Зрителя" 1820 г.

* * *

*) Русланъ и Людмила, Поэма въ 6 пѣсняхъ. Сочиненіе А. Пушкина. С.П.Б. 1820, въ тип. Н. Греча 8°, 143 стр.

Мы ограничиваемся въ нынѣшней книжкѣ *извѣстіемъ* о выходѣ въ свѣтъ сего прекраснаго произведенія: въ буду-

*) „Сынъ Отечества" 1820 г., ч. 63, № 32 („Современная Русская библіографія").

щей напечатаемъ подробный разборъ ея. Поэму сію можно получать въ типографіи Издателя Сына Отечества, и въ книжныхъ лавкахъ Гг. Плавильщикова и Сленина. Цѣна ей на бѣлой бумагѣ, въ цвѣтной оберткѣ 10 р. Принадлежащая къ ней виньетка, на которой изображены всѣ лица и главнѣйшія явленія Поэмы, еще не кончена. Она нарисована весьма удачно, гравируется искуснымъ художникомъ, и купившимъ Поэму раздаваться будетъ безденежно.

Изъ „Сына Отечества“ 1820 г.

***

*) Происшествіе, здѣсь воспѣваемое почерпнуто изъ старинныхъ Русскихъ сказокъ. Онѣ всѣ, сколько до сихъ поръ извѣстно, писаны прозою; нашъ молодой Поэтъ поступилъ очень хорошо, написавъ сію богатырскую Повѣсть стихами, и предпочелъ идти по слѣдамъ Аріоста и Виланда, а не Флоріана. Хорошіе судіи, истинные знатоки изящнаго не одобряютъ такого рода твореній въ прозѣ. Они не знаютъ до сихъ поръ, какъ назвать ихъ; ибо прозаическая Поэма есть противорѣчіе въ словахъ, чудовищное произведеніе въ Искусствѣ; они также не называютъ ихъ Романами, ибо величественный ходъ и возвышенный языкъ Эпопеи не допускаютъ въ сіи страннаго рода сочиненія ни простоты подробностей ни описанія простонародныхъ обычаевъ, и обыкновенныхъ страстей, составляющихъ достоинство хорошихъ Романовъ. Изъ всего этого слѣдуеть, что стихотвореніе, нами разсматриваемое, по всей справедливости названо *Поэмою.* Оно заключаетъ въ себѣ описаніе героическаго подвига, движется пружинами сверхъестественными, раздѣлено на пѣсни, и написано свѣжими яркими красками.

Однако Поэма Русланъ и Людмила не эпическая, не описательная и не дидактическая. Какая же она? *Богатырская;* въ ней описываются богатыри Владиміровы, и основаніе ея почерпнуто изъ старинныхъ Русскихъ Сказокъ; *волшебная*,

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 64, № 34—37 (Статья В., подъ заглавіемъ: „Разборъ Поэмы: Русланъ и Людмила, сочин. А. Пушкина“).

ибо въ ней дѣйствуютъ волшебники; *шуточная*, что доказывается слѣдующими многочисленными изъ нея выписками:

И щипля усъ отъ нетерпѣнья.

—

Въ пирахъ никѣмъ непобѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей.

—

Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.

—

И важно подбочась, Фарлафъ,
Надувшись, ѣхалъ за Русланомъ.

—

Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ.

—

Ты дразнишь бѣгуна лихова.

—

Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало сильной страстью.

—

Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!

—

Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжко въ грязный ровъ.

—

Тѣ, кои правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудетъ въ зеркало заглянуть,
То грустно ей ужъ не на шутку.

—

Араповъ длинный рядъ идетъ

. . . .

И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ,
И входитъ съ важностью за нею
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головѣ обритой
И острой шапкою покрытой

Принадлежала борода.
Ужъ онъ приближался; тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдого карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій подняла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ какъ громомъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ...

—

Не то шутите вы со мною,
Всѣхъ удавлю васъ бородою.

—

Щекотитъ ноздри копіемъ,
И сморщась голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
. . . .
. . . . съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Чихнуло эхо . . . .

—

И въ щеку тяжкой рукавицей
Сразмаху голову разитъ.

—

Твою пощечину забуду.

—

Не правъ Фернейскій злой крикунъ.

—

А та, подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры.

—

Запрыгалъ карла за сѣдломъ.

—

Нынѣ сей родъ Поэзіи называется *романтическимъ*. Содержаніе Поэмы: Великій Россійскій Князь Владиміръ выдалъ дочь свою Людмилу за Князя Руслана, но злой волшебникъ Черноморъ похитилъ ее въ первую ночь брака. Храбрый Русланъ, вспомоществуемый благодѣтельнымъ волшебникомъ, Финскимъ уроженцемъ, преодолѣлъ безчисленныя препятствія, побѣдилъ трехъ сильныхъ соперниковъ, не взирая на ужасную силу колдуна Черномора и колдуньи Наины, вырвалъ ее изъ когтей чудовища, и возвратился

съ нею благополучно въ Кіевъ къ изнуренному печалью и уже начинающему терять надежду свиданія съ дочерью Владиміру.

Содержаніе первой пѣсни. Могущественный Владиміръ выдавалъ меньшую дочь свою Людмилу за храбраго Князя Руслана, и пировалъ въ высокой гридницѣ съ могучими сынами и друзьями. Гости пили золотой медъ изъ тяжелыхъ серебряныхъ чашъ, и слушали соловья-Баяна: въ сладкогласныхъ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ звонкими гуслями, прославлялъ онъ красоту невѣсты и славные подвиги жениха. Три несчастные соперника Руслановы: мрачный Рогдай, сладострастный Хазарскій Ханъ и робкій Фарлафъ съ пасмурнымъ лицемъ сидѣли за столомъ брачнымъ: они всѣ трое обожали прелесть-Людмилу. Веселое пиршество кончилось; бояре, охмѣлѣвшіе отъ меду, убрались домой, и невѣсту проводили на брачную постель... но вдругъ съ громомъ и свистомъ одѣтый въ тучу колдунъ Черноморъ влетѣлъ въ чертогъ брачный, и унесъ молодую. Великій Князь, сраженный печальною вѣстью, вызываетъ рыцарей гнаться за нею въ погоню, и въ отмщеніе Руслану за то, что онъ не умѣлъ сберечь жены своей, обѣщаетъ отдать ее въ супруги тому, кто ее отыщетъ и возвратитъ въ родительскія объятія. Русланъ, Рогдай, Князь Хазарскій и Фарлафъ сѣдлаютъ коней, скачутъ, но дорога раздѣляется и идетъ въ четыре стороны. „Разъѣдемся!“ вскричали они, и каждый поскакалъ своей особенной дорогой. Русланъ видитъ пещеру и свѣтъ въ ней; находитъ тамъ старца, который, принявъ его съ благоволеніемъ, сказываетъ витязю, что онъ долго ждалъ его, объявляетъ ему, что Людмила похищена Черноморомъ, ободряетъ его—и предсказываетъ, что онъ, побѣдивъ всѣ препятствія, соединится съ своею возлюбленною, и возвратится въ Кіевъ. Ночью старецъ-Финнъ повѣствуетъ юному богатырю свои странныя приключенія. Но едва блеснулъ разсвѣтъ, какъ благодарный витязь прощается съ своимъ хозяиномъ, который напутствуетъ его своими благословеніями и увѣщеваетъ не забывать его совѣтовъ.

Содержаніе второй пѣсни. Послѣ обращенія къ воинамъ, Поэтамъ и любовникамъ, Поэтъ описываетъ, какъ неукротимый Рогдай, погруженный въ мрачную задумчивость, предпринялъ звѣрское намѣреніе умертвить Руслана, чтобы тѣмъ надежнѣе завладѣть его невѣстою-женою. Онъ оборачиваетъ коня и во весь опоръ спѣшитъ догнать счастливаго соперника. Въ это время трусъ — Фарлафъ обѣдалъ на берегу ручья, но увидѣвъ, что кто-то мчится къ нему на конѣ, бросилъ обѣдъ, копье, шлемъ, вскочилъ на лошадь и поскакалъ опрометью какъ заяцъ, Рогдай за нимъ. Примчавшись ко рву, ретивый конь Фарлафа перепрыгнулъ черезъ него, но его всадникъ свалился въ грязный ровъ. Свирѣпый Рогдай, узнавъ, что онъ принялъ сего негодяя за Руслана, смѣялся самъ надъ собою. Вѣдьма Наина вытащила Фарлафа изъ тины, а Рогдай поскакалъ къ вѣрной смерти. Безъ труда нагналъ онъ печальнаго Руслана—началось единоборство! — но Авторъ, возбудивъ до высочайшей степени наше любопытство, оставляетъ богатырей, и своенравною кистью рисуетъ полетъ Черномора съ похищенною Людмилою, лишившеюся чувствъ и памяти. Онъ перенесъ ее въ страшный свой замокъ, гдѣ пролежала княжна до утра, объятая тяжкимъ забвеніемъ. Проснувшись, она протягиваетъ руки къ возлюбленному супругу, но обнимаетъ одинъ воздухъ, зоветъ его, но никто не отвѣчаетъ; озирается вокругъ себя—и видитъ, что она одна лежитъ на пуховыхъ подушкахъ, окруженная ужасною тишиною. Тутъ Авторъ описываетъ великолѣпные чертоги, уборы, утварь въ замкѣ злаго волшебника. Людмила одѣлась, выглянула въ окно — и видитъ снѣжныя равнины, ледяныя горы, обнаженные лѣса. Въ слезахъ отчаянія бѣжитъ она въ серебряную дверь, и очутилась въ саду, украшенномъ, какъ садъ Армиды. Ахъ, Природа не утѣшаетъ одинокой! она груститъ, рѣшается спрыгнуть въ воду, и не прыгнула, уморить себя съ голоду—и кушаетъ. Наступаетъ ночь: обремененная горестью и усталостью княжна засыпаетъ въ саду, невѣдомая сила переноситъ ее въ спальню; три прежнія горничныя дѣвушки ее раздѣли.

Она пробуждается отъ шума. Карла Черноморъ торжественно входитъ въ ея комнату. Княжна разсердилась, бросилась на него, и бѣднякъ, испуганный такою отвагою, бросился бѣжать, запутался въ бородѣ — Арапы насилу его распутали и унесли. Черноморъ въ торопяхъ покинулъ у Людмилы шапку-невидимку. Здѣсь Поэтъ съ сожалѣніемъ оставляетъ свою Людмилу, и летитъ на помощь къ своему богатырю, котораго оставилъ въ великой опасности: онъ описываетъ ужасное единоборство и побѣду Руслана надъ Рогдаемъ.

Содержаніе третьей пѣсни. Послѣ обращенія къ своему Зоилу, нашъ Стихотворецъ описываетъ досаду бородатаго колдуна, зѣвающаго на кровати. Наина, злая вѣдьма, прилетѣла его утѣшить, предложила ему свою помощь, и оборотившись чернымъ змѣемъ, улетѣла. Черноморъ одѣлся въ парчевую одежду, намастился благоуханіями, и рѣшился еще разъ испытать своего счастья. Увы! напрасно ищетъ онъ Людмилу: она пропала. Поэтъ разсказываетъ намъ, что рѣзвая красавица, найдя Черноморову шапку, вздумала ее примѣрить передъ зеркаломъ, и когда, изъ своенравія, перевернула ее задомъ напередъ, то пропала въ зеркалѣ. Тутъ она узнала, что это шапочка невидимка, и поспѣшила ею воспользоваться, чтобы скрыться отъ преслѣдованій безобразнаго карлы. Между тѣмъ Русланъ, окончa бой съ Рогдаемъ, наѣхалъ на старое поле битвы. Описаніе сего поля, размышленіе витязя. Онъ вспомнилъ, что въ послѣднемъ бою лишился онъ копья, щита и шлема, и такъ выбралъ ихъ на полѣ битвы; но меча никакъ не могъ найти себѣ по рукѣ.

Смерклось; всходитъ мѣсяцъ, и нашъ витязь, продолжая путь, видитъ вдали черный холмъ; онъ—ближе и замѣчаетъ, что холмъ дышитъ. Это голова Черноморова брата, стерегущая волшебный мечъ, которымъ однимъ можно было отсѣчь бороду карлѣ, а все могущество карлы заключалось въ бородѣ его. Онъ сразился съ огромною головою, оттолкнулъ ее и взялъ мечъ богатырскій. Голова разсказываетъ Руслану о злодѣйскомъ поступкѣ съ нею Черномора.

Содержаніе четвертой пѣсни. Стихотворецъ благодаритъ Бога за то, что въ наше время нѣтъ волшебниковъ, и, обращаясь къ друзьямъ своимъ, совѣтуетъ имъ беречься волшебниковъ другаго рода, которые несравненно опаснѣе, и коихъ можно узнать по ихъ улыбкѣ, прелестнымъ очамъ и милому голосу. Онъ у сѣвернаго Орфея проситъ прощенія въ томъ, что облчитъ во лжи Музу его: ведетъ Ратмира въ обитель двѣнадцати пробужденныхъ дѣвъ. Одна изъ нихъ плѣнительною пѣснію зоветъ молодаго рыцаря въ свою обитель; Ханъ не можетъ противиться. Его съ ласкою встрѣчаютъ у воротъ; двѣ дѣвы уводятъ коня его; въ чертогахъ снимаютъ съ него оружіе; ведутъ въ Русскую баню, отводятъ въ роскошную опочивальню; ночное приключеніе.

Между тѣмъ, какъ Русланъ день и ночь скачетъ на сѣверъ, невѣста его подъ шапкою-невидимкою безопасна отъ нападеній Черномора. Разъяренный колдунъ рѣшился во что бы то ни стало поймать ее; онъ принимаетъ видъ раненаго Руслана; онъ кличетъ милаго друга — Людмила летитъ къ нему стрѣлою — и очутилась въ объятіяхъ ненавистнаго карлы. Злодѣй усыпляетъ ее волшебнымъ сномъ и сморщенною рукой ласкаетъ младыя ея прелести... Вдругъ раздался звукъ рога, и смятенный чародѣй, надѣвъ на дѣвицу шапку свою, выбѣгаетъ безъ памяти. Рогъ продолжаетъ трубить громче и громче — и онъ летитъ отразить незнаемаго непріятеля.

Содержаніе пятой пѣсни. Сравненіе чувствительной и нѣжной Людмилы съ угрюмою сердитою Дельфирою. Это Русланъ, пламенѣющій местью, вызываетъ чародѣя на битву; онъ получаетъ внезапный ударъ по шлему, поднимаетъ глаза и видитъ Черномора съ огромною булавою, надъ нимъ летающаго. Русланъ прикрылся щитомъ, хотѣлъ разить, но противникъ взвился подъ облака — и, съ быстротою молніи, снова устремился на Князя; проворный витязь увернулся — и чародѣй со всего размаха упалъ въ снѣжный сугробъ, и завязъ. Русланъ сходитъ съ коня, хватаетъ его за бороду; колдунъ силится вырваться, подни-

мается на воздухъ съ богатыремъ, который виситъ на бородѣ и щиплетъ изъ нея волосы. Два дни колдунъ носилъ Руслана надъ морями и лѣсами; на третій началъ просить пощады. Рыцарь приказываетъ ему нести себя къ Людмилѣ; Черноморъ повинуется. Какъ скоро опустились они на землю, то Рыцарь отрубаетъ ему бороду, обвиваетъ сѣдые волосы его вокругъ шлема, сажаетъ самого его въ котомку за сѣдло, и бѣжитъ въ волшебный замокъ. Арапы, увидя бороду ихъ повелителя на шлемѣ молодаго богатыря, съ почтеніемъ пропустили его. Но напрасно Русланъ зоветъ свою Людмилу, перебѣгаетъ по всѣмъ комнатамъ, ищетъ ее въ саду, въ рощахъ, въ бесѣдкахъ. Онъ теряетъ наконецъ терпѣніе, приходитъ въ бѣшенство, начинаетъ рубить и крутить мечомъ все, что ему ни попадается, и махая имъ туда и сюда, нечаяннымъ ударомъ сбиваетъ съ Княжны шапочку-невидимку. Тогда исчезла сила очарованія — и открылась Людмила, сѣтями опутанная; однако напрасно онъ ее будитъ: она спитъ попрежнему. Отчаянный Рыцарь слышитъ голосъ благодѣтельнаго Финна: волхвъ приказываетъ ему ѣхать со спящею Княжною въ Кіевъ, и предсказываетъ, что Княжна передъ очами родителя возстанетъ отъ сна очарованнаго.

И Русланъ, съ карлою за сѣдломъ и съ сонною Людмилою на рукахъ, поѣхалъ въ Отечество. Онъ проѣзжаетъ мимо исполинской головы Черноморова брата, и видитъ совершившуюся судьбу ея; находитъ юнаго Хазарскаго Князя Ратмира, который въ угожденіе своей пастушкѣ, отрекся отъ мірской славы, и сдѣлался рыбакомъ. Бесѣда двухъ рыцарей и прощанье. Вѣщій сонъ Руслана. Низкій злодѣй Фарлафъ, подущенный вѣдьмою Наиною, наѣзжаетъ на спящаго Рускаго богатыря, измѣннически умерщвляетъ его, и съ драгоцѣнною добычею въ объятіяхъ скачетъ къ Кіеву.

Содержаніе шестой пѣсни. Обращеніе поэта къ своей возлюбленной. Русланъ лежитъ мертвый въ чистомъ полѣ; Черноморъ, забытый вѣдьмою, сидитъ за сѣдломъ въ котомкѣ. Фарлафъ, покровительствуемый Наиною, въѣзжаетъ

въ Кіевъ торжественно, разсказываетъ Владиміру выдуманную имъ басню объ освобожденіи имъ Княжны Руской отъ лѣшаго. Людмила спитъ глубокимъ сномъ, и власть Наины не можетъ разбудить ее. Благодѣтельный Финнъ узнаетъ о злосчастной судьбѣ, постигшей его любимаго рыцаря; спѣшитъ за *живою* водою и *мертвою*; оживляетъ Руслана.

Между тѣмъ Печенѣги осаждаютъ Кіевъ; сраженіе. Ночь прерываетъ кровопролитіе. Вмѣстѣ съ зарею воспрянулъ съ шумною тревогою станъ вражескій; чудесный воинъ въ лучезарной бронѣ носится между Печенѣгами, колетъ, давитъ, трубитъ въ рогъ: это Русланъ! Славяне, смотря съ Кіевскихъ стѣнъ на бѣгущихъ въ безпорядкѣ непріятелей, хлынули изъ городскихъ воротъ на помощь своему защитнику.

Кіевъ празднуетъ побѣду. Русланъ вступаетъ въ чертоги Великокняжескіе и безмолвный теремъ Людмилы, гдѣ дремала она сномъ чуднымъ. Къ удивленію своему, находитъ тамъ труса Фарлафа, который, чуждаясь опасной воинской славы, сидѣлъ праздно у дверей, и упалъ на колѣни передъ Русланомъ, раскаиваясь въ своемъ злодѣяніи... Рыцарь летитъ къ Людмилѣ, прикасается къ ней волшебнымъ кольцемъ. Княжна открываетъ глаза, узнаетъ Руслана, Фарлафъ прощенъ, карла, лишенный силы чародѣйства, остался при дворѣ, и Владиміръ запировалъ въ счастливомъ своемъ семействѣ.

Чудесное и характеры силъ сверхъестественныхъ. Suum cuique. Въ Поэмахъ чудесное бываетъ четырехъ родовъ. 1. Основанное на разумѣ Религіи Христіанской, когда противу Промысла Всевышняго возстаютъ низверженные духи злобы: такого рода чудесное найдемъ мы въ Мильтоновомъ Потерянномъ Раѣ, Клопштоковой Мессіадѣ. 2. Когда дѣйствуютъ Боги Греческой и Римской Миѳологіи: сія многочисленная, богатая вымыслами махина чудеснаго употреблена Гомеромъ, и составляетъ одно изъ величайшихъ украшеній его Поэмы, которой чертежъ выше критики. Въ Виргиліевой Энеидѣ тѣ же силы сверхъестественныя; но это не блестящая часть сей Поэмы: Римскій

эпическій Поэтъ далеко отсталъ отъ образца своего. 3. Чудесное, въ которомъ дѣйствующія лица суть волшебники и волшебницы, добрые и злые: они съ достоинствомъ и блескомъ являются въ Тассовомъ Освобожденномъ Іерусалимѣ, въ Аріостовомъ Роландѣ, въ Виландовомъ Оберонѣ. 4. Божества аллегорическія: они не что иное, какъ оборотъ риторическій, тропъ, фигура.

Сочинитель Людмилы и Руслана отмѣнно благоразумно поступилъ въ выборѣ *чудеснаго* для своей Поэмы. Онъ видѣлъ, что Миѳологія Грековъ была бы не у мѣста въ Русской народной сказкѣ, что самъ Вольтеръ, со всѣмъ необъятнымъ умомъ своимъ, охолодилъ Генріаду божествами аллегорическими, видѣлъ и остерегся отъ сихъ погрѣшностей. Онъ, подобно Аріосту, Виланду и отчасти Тассу, выбралъ самое приличное чудесное для сего рода Поэмъ – добрыхъ и злыхъ волшебниковъ и волшебницъ. Сіе чудесное, основанное на чародѣйствѣ, перенесено въ Европейскую Поэзію изъ Арабскихъ и Персидскихъ сказокъ; оно родилось на Востокѣ.

*) Въ Поэмѣ Пушкина дѣйствуютъ: благодѣтельный волшебникъ Финнъ, котораго имени, не знаю почему, Сочинитель не объявилъ намъ, злой колдунъ Черноморъ, голова Черноморова брата и злая волшебница Наина.

Характеры ихъ хорошо нарисованы, и въ продолженіе шести пѣсенъ постоянно и ровно выдержаны. *Финнъ-старецъ* имѣетъ

. . . . ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.

Онъ вездѣ является Ангеломъ-хранителемъ Руслана, ободряетъ его, утѣшаетъ, остерегаетъ, вспомоществуетъ ему, убѣждаетъ, что добро восторжествуетъ надъ зломъ.

Русланъ! лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;

*) „Сынъ Отечества" 1820 г., ч. 64, № 35.

Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все—не унывай!
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай!

Въ первый разъ прощаясь съ Русланомъ,

Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: счастливый путь!
Прости! люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!

Когда Русланъ измѣннически погибъ отъ руки Фарлафа, тогда

Вѣщій Финнъ,
Духовъ могущій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Напрасно было ожиданіе сего благодѣтельнаго волшебника: онъ узнаетъ о смерти своего любимца, и летитъ искать лекарства туда, гдѣ

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится;
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной *живою*;
По камнямъ весело журча,
Тотъ льется *мертвою* водою...

Волхвъ почерпаетъ той и другой цѣлительной влаги, переносится на то мѣсто, гдѣ убитый Русланъ плаваетъ въ крови своей, оживляетъ его, и въ радости сердца заключаетъ поприще свое въ Поэмѣ слѣдующею рѣчью:

Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ;

Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы,
Враговъ смутитъ твое лице,
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... тамъ за дверью гроба—
Не прежде—свидимся съ тобой.

Черноморъ, злой волшебникъ, сѣдой влюбчивый карла, убійца роднаго брата, похититель Людмилы, имѣетъ и наружность отвратительную. Посмотримъ на торжественное шествіе его къ грустной, одинокой Людмилѣ, похищенной имъ изъ чертоговъ нѣжнаго родителя, изъ объятій милаго супруга.

Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма нощная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головѣ обритой
И острой шапкою покрытой
Принадлежала борода.

Испугъ стараго колдуна написанъ шутливою рѣзвою кистью Аріоста:

Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;
Зажавши уши поскорѣе,
Хотѣлъ бѣжать, и въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;

Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку,
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Лишь только развѣло, сердитый карла вздумалъ снова попытать своего счастья. Характеръ сѣдаго любовника, его хлопотливость, угрозы невольникамъ, тщетные поиски—прекрасно изображены въ ту минуту, когда онъ нигдѣ не находитъ Людмилы:

Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати.
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы;
Межъ тѣмъ для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились...
. . . .
Блистая въ ризѣ парчевой
Колдунъ . . . .
Развеселясь рѣшился вновь
Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ карликъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты,
Проходитъ длинный комнатъ рядъ!
Княжны въ нихъ нѣтъ! онъ далѣ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вкругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла! пропалъ и слѣдъ!
Кто выразитъ его смущенье,
И ревъ и трепетъ изступленья?
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
Сюда, невольники! бѣгите
Сюда! надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе! Слышите-ль? сейчасъ!

Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою.

Коварный чародѣй, видя напрасными всѣ свои поиски, и догадавшись, что Людмила скрылась подъ шапкою невидимкою, находитъ въ черномъ умѣ своемъ средства заставить ее открыть себя; онъ принимаетъ образъ Руслана, раненаго, изнемогающаго.

Скучая, бѣдная Княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близь окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ—кличутъ: милый другъ!
И видитъ вѣрнаго Руслана;
Его черты, походка, станъ,
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ
И на бедрѣ живая рана—
Въ ней сердце дрогнуло. „Русланъ,
Русланъ!... онъ точно!“—и стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ трепеща говоритъ:
„Ты здѣсь!... ты раненъ!... что съ тобою?“
Уже достигла, обняла,
О ужасъ! призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя слышитъ грозный крикъ:
„Она моя!“ и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.

Сраженіе Черномора съ Русланомъ требовало, чтобы Поэтъ на нѣкоторое время перемѣнилъ шуточный тонъ на важный, и громче ударилъ въ струны своей лиры. Съ его талантомъ гибкимъ, разнообразнымъ ко всему готовымъ, это не мудрено для него.

Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ!—онъ, местью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,

Призывный рогъ, какъ буря, воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мочнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подъемлетъ смутный взоръ,
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака;
На мигъ исчезъ—и свысока
Шумя летитъ на Князя снова.

Портретъ коварнаго карлы нарисованъ достойною его чертою. Когда подъѣхалъ съ нимъ Русланъ къ головѣ брата Черномора, лишеннаго имъ жизни, то

Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

Мы ни слова не скажемъ здѣсь объ огромной головѣ Черноморова брата, потому что будемъ подробно говорить объ ней, разсматривая эпизоды. или вводныя повѣсти.

Характеръ волшебницы Наины, злой гонительницы Руслана, также отъ начала до конца Поэмы выдержанъ. Немаловажною погрѣшностью въ чудесномъ, почитаю то, что Авторъ не объявилъ намъ причины, заставляющей волшебника Финна благодѣтельствовать Русскому витязю и ожидать его въ пещерѣ, а волшебницу Наину ненавидѣть и гнать его.

Въ Иліадѣ Юнона и Минерва ищутъ погибели Троянъ за то, что Паридъ отдалъ Венерѣ яблоко; Венера защищаетъ Троянъ потому, что Эней, сынъ ея, и Паридъ любимецъ—Трояне. Въ Энеидѣ Юнона продолжаетъ гнать родъ Ламедонта и желаетъ погубить флотъ Энеевъ потому, что ей хочется вручить скипетръ вселенной Карѳагену, а Зе-

весъ обѣщалъ Венерѣ сдѣлать потомковъ Энеевыхъ обладателями свѣта. Въ Мильтоновомъ раю сатана изъ зависти ищетъ погубить Адама и Евву. Въ Виландовой Поэмѣ судьба Оберона, Царя волшебниковъ, и супруги его, Царицы волшебницъ, тѣсно соединена съ участью рыцаря Поэмы и его возлюбленной. Желательно было и намъ знать, почему Наина, примчавшись къ Черномору, говоритъ ему:

... Тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общею враждой;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ.

Вижу, что опасность угрожаетъ Черномору, и что туча надъ нимъ нависла; но не постигаю, какимъ образомъ и по какой причинѣ *тайный рокъ соединяетъ съ нимъ Наину тайною враждой*; еще менѣе, почему *оскорбленная Финномъ честь ея*, или справедливѣе сказать *отверженная имъ любовь ея* зоветъ ее къ отмщенію Руслану, и какое удовлетвореніе льститься она получить, погубивъ сего витязя. Развѣ одно то, что чрезъ сіе сдѣлаетъ она непріятность благодѣтельному Финну? но въ такомъ случаѣ, надлежало бы, какъ выше сказано, изложить причины, заставляющія сего послѣдняго принимать сильное, отеческое участіе въ судьбѣ Руслана.

Отъ чудеснаго и характеровъ существъ сверхъестественныхъ перейдемъ къ *характерамъ* героевъ, въ Поэмѣ дѣйствующихъ. И въ этой части, одной изъ труднѣйшихъ, молодой Стихотворецъ нашъ торжествуетъ. Конечно, въ маленькой Поэмѣ его только шесть лицъ: *Русланъ*, *Людмила*, *Владиміръ*, *Рогдай*, *Ратмиръ* и *Фарлафъ*; конечно, легче отдѣлать и выдержать шесть характеровъ, нежели двадцать; зато славнѣе для Поэта изобразить шесть характеровъ хорошо, нежели пятьдесятъ дурно. Онъ остерегся отъ легкаго, но сухаго и холоднаго способа, познакомить читателей съ своими героями, изображая ихъ портреты и силуэты, какъ дѣлаетъ Тацитъ въ Исторіи, Вольтеръ въ Поэмѣ. Онъ

помнитъ, что ни Гомеръ ни Виргилій не рисовали ихъ, и, по слѣдамъ своихъ великихъ учителей, умѣлъ выставить героевъ *въ дѣйствіи*, показать ихъ образъ мыслей въ рѣчахъ, дать каждому особенную, ему только приличную физіогномію, которая противъ воли обнаруживается въ рѣшительныя минуты опасности, несчастія, сильной страсти. Герои Пушкина не выходятъ изъ натуры, дѣйствуютъ прилично, ровно, не похоже одинъ на другого, но согласно съ ихъ особеннымъ характеромъ. Характеры ихъ отъ начала до конца выдержаны.

Главный герой Поэмы, *Русланъ*, великодушенъ, храбръ, чувствителенъ, рѣшимъ, вѣренъ любви своей, чести и добродѣтели, но вспыльчивъ и нетерпѣливъ. Онъ напоминаетъ Ахиллеса. На свадебномъ пиру

... Страстью пылкой утомленный,
Не ѣстъ, не пьетъ Русланъ влюбленный;
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И щиплетъ усъ отъ нетерпѣнья.

Отправляясь вмѣстѣ съ тремя своими соперниками отыскивать похищенную Людмилу,

На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
. . . .
Русланъ уныньемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.

Въ пещерѣ благодѣтельнаго Финна, лежа на постели изъ мягкаго моху передъ погасающимъ огнемъ,

... Ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! витязь, наконецъ:
„Не спится что-то мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить“.

Нетерпѣливый, онъ считаетъ каждое мгновеніе—и едва показался день,

Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ;
. . . .
И скачетъ по пустому лугу.

Грозный Рогдай, умысливъ, прежде нежели освободить Людмилу, умертвить Руслана, догоняетъ его и вызываетъ на смертный поединокъ.

Русланъ вспылалъ, вздрогнувъ отъ гнѣва;
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Начинается единоборство—и неукротимый Рогдай, ужасъ сильныхъ, погибъ отъ руки Руслана. Мы будемъ имѣть случай ниже говорить о семъ прекрасномъ отрывкѣ подробнѣе.

Размышленія Русскаго богатыря на старомъ полѣ брани выведены изъ его положенія; они показываютъ его возвышенный образъ мыслей, чувствительность сердца и ненасытимую жажду славы.

О поле, поле! кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Баяновъ
Не будутъ говорить объ немъ.

Разсерженный огромною головою Черноморова брата, задержавшею его на пути, *въ вспыльчивости* онъ даетъ ей пощечину, и опомнясь даруетъ жизнь; *мужественно* бьется дорогою то съ богатыремъ, то съ вѣдьмою, то съ великаномъ, достигаетъ цѣли желаній своихъ, побѣждаетъ Черномора, и не находя нигдѣ своей супруги, снова *теряетъ терпѣніе, сердится*...

Неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушитъ, все крушитъ мечемъ—
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты, въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ—
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ... нечаянный ударъ
Съ Княжны невидимой сбиваетъ

шапочку-невидимку! Людмила найдена—и витязь нашъ утихаетъ; съ унынiемъ и слезами беретъ онъ ее на руки, и тихимъ шагомъ ѣдетъ къ Кiеву. Ласково привѣтствуетъ Русланъ чудовищную голову Черноморова брата:

Здравствуй, голова!
Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ! злодѣй нашъ плѣнникъ!

Нѣжно бесѣдуетъ онъ съ юнымъ Ратмиромъ, сдѣлавшимся пустынникомъ, и, какъ Божiй громъ, упадаетъ на безпечный станъ Печенѣговъ, рубитъ, колетъ, топчетъ богатырскимъ конемъ, освобождаетъ престольный, прощаетъ убiйцу Фарлафа, похитителя Черномора, пробуждаетъ Людмилу, и вмѣстѣ съ нею упадаетъ въ объятiя Владимiра.

Владимiръ, благочестивый, великолѣпный, могущiй Монархъ, солнце подданныхъ, нѣжный отецъ дѣтей своихъ, изображенъ здѣсь такъ точно, какъ представляетъ его намъ правдивая исторiя:

Въ толпѣ могущихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой,
Владимiръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ

За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.

. . . .

Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій Князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

Владиміру доносятъ о похищеніи новобрачной его дочери:

Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
„Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаетъ
Съ ужаснымъ пламеннымъ челомъ.
. . . . „Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги—
О сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей!—
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?..“

Фарлафъ, умертвивъ измѣннически Руслана, привозитъ усыпленную волшебнымъ сномъ Людмилу въ Кіевъ; народъ въ радостномъ волненіи тѣснится вкругъ рыцаря, бѣгутъ къ отцу обрадовать его живительною вѣстью о возвращеніи похищенной волшебникомъ дочери.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время,
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой;
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась, передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный...

. . . .

Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый Князь...

Мастерскою кистью описана борьба надежды со страхомъ въ душѣ нѣжнаго родителя. Юный Авторъ съ опытностію стараго Художника воспользовался положеніемъ Владиміра, умѣлъ сдѣлать изъ него трагическую нѣмую сцену, поддержать и постепенно увеличить занимательность до самой развязки. Старый Князь

Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходитъ; отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы.—Всѣ глядятъ
На Князя въ смутномъ ожиданьѣ;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньѣ.

Въ сихъ стихахъ нашъ Поэтъ не разскащикъ, а Живописецъ. Онъ не просто повѣствуетъ намъ о происшествіи, но изображаетъ: мы видимъ его, видимъ отца, который, долго томясь въ мучительной безызвѣстности о милой и несчастной дочери, внезапно получаетъ радостную вѣсть объ ней; онъ пораженъ ею. Здѣсь исчезаетъ могущій обладатель Россіи, здѣсь виденъ чадолюбивый, горестный отецъ, который

Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами.

Но Русланъ таинственною силою кольца разбудилъ дочь Владимірову,

И старецъ, въ радости нѣмой
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Все оживотворилось и процвѣло въ чертогахъ Великаго Князя Кіевскаго,

И бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

*) Характеръ *Рогдая* изображенъ смѣлою кистью Орловскаго, мрачными красками Корреджія:

Угрюмъ, молчитъ—ни слова,
Страшась невѣдомой судьбы,
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ;
И часто взоръ его ужасной
На Князя мрачно устремленъ.

Прочитавъ сіи стихи, мы съ ужасомъ видимъ передъ собою одного изъ тѣхъ хладнокровныхъ воиновъ-убійцъ, которые не умѣютъ прощать, для которыхъ кровопролитіе есть забава, а слезы несчастныхъ—пища.

— — Рогдай неукротимый
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный,
И ѣхалъ межь пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
„Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ...“
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Мрачный витязь догналъ, наконецъ, ненавистнаго соперника.

Стой! грянулъ голосъ громовой.

Русланъ погруженный въ глубокую задумчивость,

...Оглянулся: въ полѣ чистомъ
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ, и грозой
Помчался Князь ему на встрѣчу.
„Ага! догналъ тебя! постой!“
Кричитъ наѣздникъ удалой:
„Готовься, другъ, на смертну сѣчу;

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 64, № 36.

Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ:
А тамъ ищи своихъ невѣстъ“.

Рогдай кончилъ ролю свою въ Поэмѣ такъ, какъ онъ кончилъ бы ее въ свѣтѣ, то-есть погибъ, готовя погибель ближнему.

Для начертанія характера женолюбиваго Хазарскаго Хана *Ратмира*, нашъ Стихотворецъ взялъ перо сладострастнаго Парни.

Хозарскій Князь въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня, надежды полонъ взоръ.

Изнѣженный Ратмиръ гнался за супругою Руслана. Однажды вечеромъ искалъ онъ взоромъ ночлега, увидѣлъ вдали черныя башни стариннаго замка, и поворотилъ къ нему, желая лучше провесть ночь на мягкой перинѣ, нежели на черствой землѣ. Онъ слышитъ прелестный дѣвичій голосъ, манящій его къ отдыху; подъѣзжаетъ къ воротамъ, и толпа красныхъ дѣвицъ окружила его; онѣ уводятъ коня его, снимаютъ оружіе, ведутъ въ Рускую баню:

Восторгомъ витязь упоенный,
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданіемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Хазарскій Князь вездѣ одинъ и тотъ же. Говоря объ эпизодахъ, мы представляемъ себѣ говорить подробнѣе о превращеніи сего героя въ рыбака пустынника, изъ любви къ сельской красавицѣ. Здѣсь скажемъ только, что оно совершенно въ его характерѣ.

Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей,

смѣшилъ бы читателей хвастовствомъ и трусостью, еслибъ не былъ въ душѣ злодѣемъ, готовымъ изъ корысти на всякое преступленіе.

Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ,
Онъ говоритъ: „насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!
Повеселись, мой вѣрный мечъ!
Повеселись, мой конь ретивой!“

Не спѣша нагонять похитителя Людмилы, Фарлафъ послѣ сладкаго продолжительнаго сна обѣдалъ для подкрѣпленія силъ душевныхъ,

Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ
Какъ буря мчится на конѣ;
И времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло—и безъ оглядки
Летитъ...

Конь его перепрыгнулъ черезъ ровъ, всадникъ упалъ, неистовый Рогдай догналъ его, но опустилъ мечъ, узнавъ Фарлафа, и не желая марать рукъ въ подлой крови его, поѣхалъ далѣе искать себѣ достойнѣйшаго сопротивника.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ лежа думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
„Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня,
Вставай, послушайся меня“.
Смущенный витязь по неволѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ,
Окрестность робко озирая,

Вздохнулъ и молвилъ, оживая:
„Ну, слава Богу! я здоровъ!
. . . .
. . . .
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о Княжнѣ младой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и потъ.

И долго скрывался Фарлафъ въ пустынномъ уединеніи, ждалъ Наины, достойной своей покровительницы, и часъ злодѣйства насталъ:

Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: „знаешь-ли меня?
Ступай за мной; сѣдлай коня!“
И вѣдьма кошкой обратилась;
Осѣдланъ конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубравъ
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.
. . . .
Предъ нимъ открылася поляна;
. . . .
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ...
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукою презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Онъ уже въ Кіевѣ; граждане бѣгутъ за нимъ ко Двору велико-княжескому; но зная трусость Фарлафа, не хотятъ вѣрить, чтобы онъ въ состояніи былъ избавить княжну изъ сильныхъ рукъ ея похитителя; они съ недовѣрчивостью вопрошаютъ одинъ другого:

„Людмила здѣсь! Фарлафъ? Ужели?“

Чувство народное очень вѣрно въ такихъ случаяхъ; оно рѣдко ошибается! По возвращеніи истиннаго освободителя Руской Княжны,

Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство.

Намъ остается разобрать характеръ Людмилы. Она веселонравна, рѣзва, вѣрна любви своей; нѣжна и сильна душа ея, непорочно сердце. Жаль только, что Авторъ некстати шутитъ надъ ея чувствительностью; его долгъ вселить въ читателя уваженіе къ своей героинѣ; это не Фарлафъ, паяцъ Поэмы. Совсѣмъ неприлично блистать остроуміемъ надъ человѣкомъ, убитымъ несчастіемъ, а Людмила несчастна. Увѣряю Автора, что читатель на сторонѣ страждущей супруги Руслановой, разлученной со всѣмъ, что для нея въ свѣтѣ драгоцѣнно: съ любезнымъ мужемъ, нѣжнымъ родителемъ, милымъ Отечествомъ. Богдановичъ иначе поступилъ въ подобномъ случаѣ. Пушкинъ, описывая отчаяніе Людмилы, увидѣвшей себя во власти злаго чародѣя, осыпаетъ ее насмѣшками за то, что она не рѣшилась утопиться или уморить себя съ голоду.

Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умыселъ ужасный
Раждался... страшный путь отверстъ:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньѣ тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ—и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть—
Однако въ воду не прыгнула.

. . . .
. . . .

Вдали отъ милаго, въ неволѣ
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ—

Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!“ —
Подумала—и стала кушать.

Человѣкъ, терпѣливо умѣющій сносить жизнь, показываетъ силу души, самоубійца же подлость и малодушіе. Самъ Авторъ въ послѣдствіи оправдалъ свою героиню: она освободилась отъ ненавистнаго ей похитеjя, возвращена Отечеству, родителю и милому другу. Оставшись жить, она думала не объ одной себѣ; ибо если бъ лишила себя жизни, то сдѣлала бы Руслана и Владиміра вѣчно несчастными.

Вообще, хотя Поэма Русланъ и Людмила *безъ начала* (т. е. въ ней нѣтъ *изложенія*, *призыванія*; Поэтъ, какъ будто съ неба упадаетъ на пиръ Владиміровъ; *переходы*, такъже, какъ у Аріоста, слишкомъ скоры изъ тона въ тонъ въ нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, мѣстахъ; но *ходъ* ея живъ, правиленъ, не запутанъ, *завязка* безъ хитростей, приключенія развертываются легко, *развязка* проста, естественна, удовлетворительна. *Эпизоды* занимательны, разнообразны, хорошо привязаны къ главному дѣйствію, и съ жаромъ написаны; но можно бъ было посовѣтывать молодому Автору эпизодическую повѣсть объ любви Финна и Наины, разговоры сего волшебника (Пѣснь 1) и эпизодъ, въ коемъ онъ разсказываетъ намъ приключеніе Ратмира въ замкѣ, гдѣ

Не монастырь уединенный,
Но робкихъ инокинь соборъ,

при второмъ изданіи замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ, не столько низкимъ и грубымъ. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, найдетъ въ богатомъ и пламенномъ своемъ воображеніи двѣ вводныя повѣсти, которыя придадутъ Поэмѣ его разнообразія и степенности. Эпическій Поэтъ ни на минуту не долженъ выпускать изъ виду своихъ слушателей, передъ коими онъ обязанъ вести себя вѣжливо и почтительно. Просвѣщенная Публика оскорбляется площадными шутками. — „*Основаніе Поэмы взято изъ простой народной сказки*“, скажутъ мнѣ; я это знаю; но и между простымъ народомъ есть своя

благопристойность, свое чувство изящнаго. Говоря объ простомъ народѣ, я не разумѣю толпы пьяницъ, буяновъ, праздношатающихся лѣнивцевъ, но почтенный, работающій и промышленный разрядъ гражданъ общества. По моему мнѣнію, самый приличный, самый цѣломудренный и самый лучшій по содержанію и слогу во всей Поэмѣ есть эпизодъ объ отреченіи отъ міра роскошнаго Хана Хазарскаго.

Въ *слогѣ* юнаго Поэта, уже теперь занимающаго почтенное мѣсто между первокласными отечественными нашими Писателями, видна вѣрная рука, водимая вкусомъ: нѣтъ ничего неяснаго, неопредѣленнаго, запутаннаго, тяжелаго. Почти вездѣ точность выраженій, съ разборчивостью поставленныхъ; стихи, плѣняющіе легкостью, свѣжестью, простотою и сладостью, кажется, что они не стоили никакой работы. а сами собой скатывались съ лебединаго пера нашего Поэта. Онъ никогда не прибѣгаетъ къ натянутымъ, холоднымъ, риторическимъ фигурамъ, симъ сокровищамъ Писателей безъ дарованія, которые, не находя въ душѣ своей потребнаго жара для оживотворенія ихъ мертвыхъ произведеній, по неволѣ прибѣгаютъ къ симъ неестественнымъ украшеніямъ и блестящимъ бездѣлкамъ.

Извѣстно, что *описанія* и *подробности* составляютъ душу стихотворенія повѣствовательнаго, такъ же какъ *картины* и *образы* сущность Поэзіи лирической. *Картина* заключаетъ въ себѣ нѣсколько *образовъ*; *описаніе* есть собраніе картинъ. *Описывая*, нашъ Поэтъ почти вездѣ свободно, легко и, если позволено такъ выразиться, рѣзвясь, переходитъ отъ ужаснаго къ нѣжному, отъ важнаго къ шутливому, отъ печальнаго къ веселому, всегда умѣетъ быть заманчивымъ плѣнить, испугать, растрогать. Мы надѣемся, что при второмъ изданіи авторъ исправитъ небольшое число слишкомъ *быстрыхъ и рѣзкихъ переходовъ*. Послушаемъ самого его: онъ описываетъ единоборство Руслана съ Рогдаемъ. Это образчикъ *ужаснаго!*

Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны,

Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены,
Ужь копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены,
Объяты молча, костенѣютъ,
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ,
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ колеблются, слабѣютъ—
Кому-то пасть!... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною—рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ предъ собой,
И въ волны съ берега бросаетъ.
. . . .
. . . .
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ Русалка молодая
На хладны перси приняла,
И жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла.

Во всемъ отрывкѣ я замѣтилъ только два неправильныя выраженія, первое: *сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены*; гнѣвъ не стѣсняетъ, а расширяетъ сердце; другое: *съ сѣдла наѣздника срываетъ;* слово наѣздникъ низко, и выходитъ изъ общаго тона.

Далѣе слѣдуетъ *печальное описаніе* стараго поля сраженія, и образчикъ того искуства, съ какимъ поэтъ умѣетъ заставить грусть вкрасться въ нашу растроганную душу. Русланъ,

Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ,
Предъ нимъ открылся долъ широкій

При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь по неволѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Долины сей не нарушаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Здѣсь подробности величественно-печальной картины изображены сильно, исчислены не скупо и не расточительно; черный покровъ задумчивости слегка наброшенъ на предметы, сами собою возбуждающіе грустное или печальное предвѣстіе.

Вотъ образчикъ *веселаго*, *шутливаго*:

Но между тѣмъ никѣмъ не зрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя Княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслитъ и вздыхаетъ,
. . . .
. . . .
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась;

Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда! сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою;
Но въ сторону—незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упадали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ Княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна.—
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко, рѣдко предъ зарей
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею.
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Сіи стихи, въ своемъ родѣ, не уступаютъ прежде нами приведеннымъ: плавны и легки, быстро бѣгутъ они одинъ за другимъ, какъ свѣтлые струи ручейка по цвѣтному лугу;

шутливый тонъ автора благороденъ безъ напыщенности, точенъ безъ сухости.

Еще одинъ примѣръ! Перейдемъ отъ пріятныхъ предметовъ къ ужаснымъ. Самъ Тассъ не описалъ бы лучше того грознаго утра, когда Рускій богатырь одинъ напалъ на цѣлое воинство Печенѣговъ. Стихи Пушкина кипятъ и волнуются, какъ смятенный станъ непріятелей, гремятъ, какъ мечъ Руслана, поражающій все, что ему противится. Послушаемъ!

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна сребрилася въ потокѣ,
Сомнительный раждался день,
На отуманенномъ востокѣ
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ;
Внезапно крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце Кіевлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ, въ полѣ межъ врагами,
Блистая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ витязь палъ *на басурмана*;
Онъ рыщетъ съ карлой за сѣдломъ
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы летаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валился.
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,

Сразились... гибни, *басурманъ!*
Объемлетъ ужасъ Печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней,
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ Кіевскихъ мечей...
Обречены на жертву аду.

Въ цѣломъ отрывкѣ мы замѣтили только низкое слово: *басурманъ*; и неточное выраженіе: *питомцы бурные набѣговъ*. *Набѣгъ* есть быстрое, безостановочное движеніе, и никого *ни питать* ни воспитывать не имѣетъ времени.

Рѣчи составляютъ одну изъ важныхъ частей повѣствовательнаго стихотворенія; мы выписали бы всю Поэму, если бы захотѣли выписывать все хорошее; ограничимся означеніемъ мѣстъ и страницъ, для показанія краснорѣчивыхъ, сильныхъ рѣчей, которыя нашъ Поэтъ заставилъ произнесть своихъ героевъ и героиню. Рѣчь Владиміра (Пѣснь 1, стр. 14); благодѣтельнаго Финна (тамъ же, стр. 18); Руслана, тоскующаго о своей Людмилѣ (Пѣснь 2, стр. 40); Людмилы (Пѣснь 2, стр. 51); Наины (Пѣснь 3, стр. 63); волшебника Финна (Пѣснь 5, стр. 108) и такъ далѣе. Признаемся, что сіи рѣчи пейдутъ въ сравненіе съ Гомеровыми; однако не надобно забывать, что Иліада есть Поэма эпическая, а Русланъ и Людмила—романтическая. Совсѣмъ не кстати было заставить въ ней говорить длинныя во сто стиховъ рѣчи, когда вся Поэма состоитъ только изъ шести пѣсенъ и написана четырехстопнымъ размѣромъ. Со всѣмъ тѣмъ пріятно для народной гордости Россіянина видѣть, что герои Пушкина больше говорятъ и дѣйствуютъ, нежели Вольтеровы въ Генріадѣ. Прошу читателей, которые не захотятъ повѣрить сему, заглянуть въ Лагарповъ курсъ Словесности, томъ VII. Тамъ напечатано: Cette richesse d'invention qui produit l'intérêt, manque certainement à la Henriade: les personnages agissent peu, et parlent encore moins. On a été surpris, avec raison, que l'auteur, ne avec un génie si dramatique, en aie mis si peu dans son Poéme.

*) *Сравненія, уподобленія* новы, разительны, объясняютъ мысль, придаютъ ей силу, оживляютъ сухое описаніе, и всегда приведены кстати. Кромѣ примѣровъ, которые читатель найдетъ въ отрывкахъ, прежде приведенныхъ, представимъ здѣсь нѣсколько. Описывая постыдный побѣгъ Фарлафа, преслѣдуемаго грознымъ Рогдаемъ, Авторъ говоритъ:

Такъ точно заяцъ торопливой,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, чрезъ лѣса
Скачками мчится ото пса.

Прекрасно сравненіе Черномора съ хищнымъ коршуномъ, также какъ усмиряющагося гнѣва со льдомъ, тающимъ на долинѣ въ полдень. Еще лучше слѣдующее: Ратмиръ выѣзжаетъ на долину

И видитъ—замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ,
Чернѣютъ башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
Идетъ зарей освѣщена.

Воскрешенный волшебникомъ Русланъ встаетъ

. . . . На ясный день
Очами жадными взираетъ,
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.

Пушкинъ, подражая Аріосту и Флоріану, поставилъ себѣ за правило начинать каждую изъ шести пѣсней Поэмы своей какимъ-то *обращеніемъ*, или, справедливѣе сказать, *прологомъ*. Но сіи *обращенія* не совсѣмъ счастливы; онъ хотѣлъ быть въ нихъ забавнымъ, блистать остротою ума, и, вмѣсто того, почти вездѣ остроты его натянуты, плоски. Примѣры объяснятъ это лучше.

Вторая Пѣснь начинается обращеніемъ къ соперникамъ въ военномъ искусствѣ: Авторъ позволяетъ имъ браниться

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 64, № 37.

и драться сколько угодно; далѣе говоритъ къ соперникамъ въ искуствѣ писать, и также позволяетъ имъ браниться, и заключаетъ слово обращеніемъ къ соперникамъ въ любви, которыхъ убѣждаетъ жить между собою дружно. „Повѣрьте мнѣ“, говоритъ онъ къ послѣднимъ, „если вы несчастливы въ любви, то

Вамъ остаются въ утѣшенье
Война и Музы и вино.

То же самое можно сказать и соперникамъ воинамъ:

Вамъ остаются въ утѣшенье
Любовь и Музы и вино.

И опять то же еще разъ повторить можно къ соперникамъ Поэтамъ:

Вамъ остаются въ утѣшенье
Война, любовь, вино.

Гдѣ же логика?

Обращеніе въ III Пѣсни къ Зоилу не имѣетъ той замысловатости, какою Авторъ хотѣлъ его приправить, притворяясь простодушнымъ. Къ нему самому не шутя можно обратить стихъ его:

Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!

Краснѣй, забывъ должное уваженіе къ читателямъ.

Четвертая Пѣсиь начинается общею и сто разъ уже сказанною и пересказанною мыслію, что волшебство красавицъ опаснѣе волшебства настоящихъ чародѣевъ, и что мы должны беречься голубыхъ очей, прелестной улыбки и милаго голоса.

Въ *прологѣ* пятой Пѣсни находимъ сравненіе идеальной Людмилы съ какою-то суровою Дельфирою; но не понимаемъ. какъ случилось, что улыбка и разговоры Руской Княжны, воображеніемъ поэта поселенной за VIII вѣковъ передъ симъ въ Кіевѣ, раждаютъ въ немъ споръ любви. Видимъ только, что и здѣсь онъ проговорился стишкомъ, который не можетъ понравиться читателямъ образованнымъ.

Совѣтуемъ впередъ при такихъ стихахъ ставить оговорку: *съ позволенія сказать.*

Введеніе въ шестую Пѣснь, гдѣ Поэтъ дѣлаетъ *обращеніе* къ своей возлюбленной, ясно и хорошо написано.

Въ полной увѣренности, что Авторъ исправитъ ихъ при второмъ изданіи, замѣтимъ здѣсь маленькія погрѣшности противъ языка.

> Считаетъ *каждыя мновенья*;

надлежало бы сказать: каждое мгновенье.

> Вотъ подъ горой *путемъ широкимъ*
> *Широкій* пересѣкся *путь.*

Мы говоримъ: зимній путь, лѣтній путь; но пересѣкается широкая *дорога* другою *дорогою*, а не путемъ.

> Трепеща, *хладною рукою*
> *Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой.*

Вопрошать нѣмой мракъ смѣло до непонятности, и если допустить сіе выраженіе, то можно будетъ написать: *говорящій мракъ, болтающій мракъ, болтунъ мракъ, спорящій мракъ, мракъ дѣлающій неблагопристойные вопросы и не краснѣя на нихъ отвѣчающій: жалкій, пагубный мракъ.*

> Съ ужаснымъ, *пламеннымъ челомъ.*

То-есть *съ краснымъ, вишневымъ лбомъ.*

> Старикъ, *измученный тоской.*

Измученный показываетъ продолжительное страданіе, а Владиміръ за минуту только получилъ вѣсть о похищеніи дочери.

> *Изъ* мощныхъ рукъ узду *покинувъ.*

Или просто *узду покинувъ*, или изъ мощныхъ рукъ *узду кинувъ.*

> Нашъ витязь *старцу палъ къ ногамъ.*

Надлежало бы сказать: *къ ногамъ старца*, или *въ ноги старцу.*

Свѣтлѣетъ *міръ его очамъ.*

По-Русски говорится: свѣтлѣетъ міръ въ его очахъ.

Въ пустыню кто тебя *занесъ?*

Занесъ—говорится только въ шутливомъ тонѣ, а здѣсь, кажется, онъ не приличенъ.

Какъ милый *цвѣтъ уединенья.*

Цвѣтъ пустыни можно сказать, но уединеніе заключаетъ понятіе отвлеченное, и цвѣтовъ не произращаетъ.

И *мламень роковой.*

Растолкуйте мнѣ, что за пламень? Ужъ не братъ ли онъ *дикому пламени?*

Узналъ я силу заклинаньямъ.

По-Русски говорится: *силу заклинаній.*

Могильнымъ голосомъ.

Къ стыду моему, долженъ признаться, что я не постигаю, что такое *могильный, гробовый голосъ.* Не голосъ ли это какого-нибудь неизвѣстнаго намъ музыкальнаго орудія?

Отъ ужаса *зажмуря очи.*

Славянское слово *очи* высоко для простонароднаго Рускаго глагола: *жмуриться.* Лучше бы Автору *зажмурить глаза.*

Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ *старца колдуна.*

Подъ словомъ *колдунъ* подразумѣвается понятіе о старости, и слово *старецъ* въ стихѣ совершенно лишнее.

Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено.

Надлежало бы сказать: „повѣрьте мнѣ, кому суждено сердце какой дѣвушки, тотъ на зло вселенной будетъ ей милъ“.

Копье, кольчугу, шлемъ, *перчатки.*

Полно, существовали ли тогда *рыцарскія перчатки!* Помнится, что еще нѣтъ.

Все утро сладко *продремавъ.*

Не опечатка ли это? Надобно бы сказать: все утро продремавъ.

Гдѣ ложе радости *младой?*

На что поставленъ эпитетъ *младой* къ слову: радость? Ужъ не для различія ли молодой радости отъ радости среднихъ лѣтъ, отъ радости старухи?

Княжнѣ *воздушными перстами.*

Объясните мнѣ; я не понимаю.

Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный паръ.

Съ курильницъ златыхъ встаетъ, подъемлется ароматный паръ, это понятно; но прочитавъ: *курильницы подъемлютъ паръ*, я не могу никакъ вообразить себѣ этого дѣйствія.

Летятъ алмазные *фонтаны.*

Не грѣшно ли употреблять въ Поэзіи слово *фонтанъ*, когда у насъ есть свое прекрасное, выразительное *водометъ?*

Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно *сколь возможно.*

Слова: *сколь возможно* здѣсь совсѣмъ лишнія, и сверхъ того дѣлаютъ стихъ шероховатымъ.

Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой.

Правильнѣе: *по слуху, по одной молвѣ.*

Всѣхъ удавлю васъ бородою.

Отвратительная картина!

На встрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила.

Воля ваша, а тутъ недостаетъ чего-то.

Но всѣ легки *да* слишкомъ малы.

Слово *да* низко.

А Князь *красавецъ* былъ *не вялый.*

А стихъ вышелъ *вялый.*

Объѣхавъ голову *кругомъ,*
Щекотитъ ноздри *копіемъ.*
Дразнила страшнымъ *языкомъ.*
Грозилъ ей молча *копіемъ.*

Мужицкія риѳмы!

Къ великолѣпной *Руской банѣ.*

То-есть въ *Рускую баню.*

Уже достигла, обняла.

Слово *достигла* здѣсь очень высоко.

Колдунъ упалъ — *да тамъ и сѣлъ.*

Выраженіе слишкомъ низкое.

Предъ нимъ *Араповъ* чудный *рой.*

Желательно было бы видѣть пчельникъ этого *роя Араповъ*; вѣроятно, что въ немъ и самый медъ чернаго цвѣта.

Дикій пламень.

Скоро мы станемъ писать: ручной пламень, ласковый, вѣжливый пламень.

Бранился молчаливо.

Желаніе сочетавать слова, не соединяемыя по своей натурѣ, заставитъ, можетъ быть, написать: *молчаливый крикъ, ревущее молчаніе:* здѣсь молодой Поэтъ заплатилъ дань огерманизованному вкусу нашего времени. Счастливъ онъ, что его собственный вкусъ вѣренъ, и даетъ себя рѣдко обмануть! стократно счастливъ, въ сравненіи съ тѣми жалкими Стихотворцами, которые прямо изъ-за букваря начали

сочинять стихи, и у которыхъ, и Грамматика, и Синтаксисъ, и выраженія взяты изъ Готтедовой Нѣмецкой Грамматики. Руской языкъ ужасно страдаетъ подъ ихъ перомъ, очиненнымъ на маперъ Шиллерова.

Власами *свѣтлыми въ кольцо.*

Или *продѣтыми сквозь кольцо*, или свитыми въ *кольца*, въ *кудри*, въ *локоны*.

Качаютъ вѣтры черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ.

Картина уродливая!

Уста дрожащія *открыты*,
Огромны зубы *стѣснены*.

Или открыты и уста и зубы, или уста закрыты, а зубы стиснуты.

Вотъ все, что привязчивая критика нашла худаго въ слогѣ. Заключимъ: Поэма Русланъ и Людмила есть новое, прекрасное явленіе въ нашей Словесности. Въ ней находимъ: совершенство слога, правильность чертежа, занимательность эпизодовъ, приличный выборъ чудеснаго и выдержанные отъ начала до конца характеры существъ сверхестественныхъ, разнообразность и ровность въ характерахъ дѣйствующихъ героевъ и выдержанность каждаго изъ нихъ въ особенности. Прелестныя картины на самомъ узкомъ холстѣ, разборчивый вкусъ, тонкая, веселая, острая шутка; но всего удивительнѣе то, что Сочинитель сей Поэмы не имѣетъ еще двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія!

Окончивъ литературныя наши замѣчанія, съ сожалѣніемъ скажемъ о злоупотребленіи столь отличнаго дарованія, и это не въ осужденіе, а въ предосторожность молодому Автору на будущее время. Понятно, что я намѣренъ говорить *о нравственной цѣли*, главномъ достоинствѣ всякаго сочиненія. Вообще въ цѣлой Поэмѣ есть цѣль нравственная, и она достигнута: злодѣйство наказано, добродѣтель торжествуетъ; но, говоря о подробностяхъ, нашъ молодой Поэтъ имѣетъ право называть стихи свои *грѣшными*.

Онъ любитъ *проговариваться, изъясняться двусмысленно, намѣкать*, если сказать ему не позволено, и кстати и не кстати употреблять эпитеты: *нагія*, *полунагія*, въ *одной сорочкѣ*; у него даже и *холмы нагія* и *сабли нагія*. Онъ безпрестанно *томится какими-то желаніями*, *сладострастными мечтами*, *во снѣ и на яву ласкаетъ младыя прелести дѣвъ*; *вкушаетъ восторги*, и проч. Какое несправедливое понятіе составятъ себѣ наши потомки, если по нѣсколькимъ грубымъ картинамъ, между прелестными картинами разставленнымъ, вздумаютъ судить объ испорченности вкуса нашего въ XIX столѣтіи!

Изъ „Сына Отечества“ 1820 г.

* * *

*) Прекрасная Поэма, коею мастерское перо Пушкина обогатило Словесность нашу, дала поводъ къ пространному разбору оной, въ издаваемомъ вами Журналѣ.—Хотя снисхожденіе, заставившее васъ напечатать сіе плодовитое сочиненіе, даетъ намъ право думать, что вы, Милостивый Государь, движимы были нѣкоторымъ сочувствіемъ къ неизвѣстному намъ Критику, но надежда на справедливость вашу раждаетъ въ насъ твердое увѣреніе, что вы не откажетесь принять и наши замѣчанія. Писавъ оныя, мы не имѣли иной цѣли, кромѣ желанія показать, что рѣшительный тонъ, который позволяютъ себѣ иногда Гг. Критики, ни мало не доказываетъ познаній ихъ въ тѣхъ предметахъ, кои они берутся разбирать. Поэма Пушкина, конечно, свыше Критики Г. В., и мы бы не обратили никакого на оную вниманія, еслибъ не опасались, что учительскій видъ, имъ на себя взятый, можетъ привесть въ заблужденіе нѣкоторыхъ читателей вашего Журнала. Люди, одаренные слишкомъ нужливою совѣстью, могутъ, упираясь на остроумое изрѣченіе Г. В., подумать, что стихи Пушкина въ самомъ дѣлѣ *грѣшные*; другіе опасаться будутъ, что нѣж-

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 65, № 42. „Замѣчанія на разборъ Поэмы Русланъ и Людмила, напечатанный въ 34, 35, 36 и 37 книжкахъ Сына Отечества“. Статья П. К—ва.

ный слухъ ихъ потерпитъ отъ риѳмъ, кои примѣрная учтивость Г. Разбирателя назвала *мужицкими*; — зачѣмъ же, Милостивый Государь, и тѣхъ и другихъ лишить удовольствія читать превосходное сочиненіе?

Но, не имѣя плодовитости Г. В., и желая, чтобъ замѣчанія наши помѣститься могли не въ 4-хъ, а въ одной книжкѣ Сына Отечества, мы спѣшимъ приступить къ дѣлу.

Большая часть разбора состоитъ изъ переложенія въ скучную прозу прекрасныхъ стиховъ Пушкина. Отъ времени до времени являются разсужденія и сентенціи, которыя либо ничего не значатъ, либо совершенно ложны. — Изъ уваженія къ терпѣнію читателей, мы быстро пробѣжимъ 34, 35 и 36 №, и не много долѣе остановимся на 37-мъ, гдѣ Авторъ разбора, представляя намъ, такъ сказать, въ экстрактѣ мнимыя ошибки Пушкина, наиболѣе обнаруживаетъ, что онъ взялся за такое дѣло, котораго совсѣмъ не понимаетъ. — Съ самаго начала (№ 34, стр. 12) Г. В., желая доказать намъ, что Поэмы должны быть писаны въ стихахъ, говоритъ: „хорошіе судьи полагаютъ, что прозаическая Поэма, есть противорѣчіе въ словахъ, чудовищное произведеніе въ Искусствѣ“.

Если Г. В. считаетъ себя въ числѣ сихъ хорошихъ судей, то мы замѣтимъ ему, что онъ вѣроятно не знаетъ различія между прозаическою Поэмою и Поэмою, писанною въ прозѣ. Не стихи составляютъ отличительный характеръ Поэзіи. Напр., въ Поэмѣ: Марѳа Посадница, писанной въ прозѣ, несравненно болѣе Поэзіи, нежели въ Поэмѣ: Искусства и Науки, писанной въ стихахъ. —На страницѣ 13 Г. Критикъ говоритъ: „Поэма Русланъ и Людмила не эпическая, не *описательная* и не дидактическая. — Какая же она? *богатырская*: въ ней описываются богатыри. *волшебная*: въ ней дѣйствуютъ волшебники; *шуточная*, что доказывается слѣдующими многочисленными выписками“ (Слѣдуютъ выписки на 2½ страницахъ). „Нынѣ“, продолжаетъ Г. В., „сей родъ Поэзіи называется *романтическимъ*.

Слѣдовательно, смѣсь богатырскаго, волшебнаго и шуточ-

наго составляетъ романтическое!—Прекрасная дифиниція!—Неужели не случалось никогда Г. В. читать творенія такъ называемыя романтическія, въ коихъ не было ничего ни волшебнаго, ни богатырскаго, ни шуточнаго? Совѣтуемъ ему прочитать Лорда Бейрона, признаннаго первымъ сочинителемъ въ семъ родѣ: тамъ онъ найдетъ многое, гдѣ нѣтъ ничего ни волшебнаго, ни шуточного, ни богатырскаго. — Желательно бы было также знать, почему Г. В. къ тремъ опредѣленіямъ своимъ не прибавилъ еще четвертаго: *описательная*, потому что въ ней описываются богатыри, волшебники, сраженія, сады и пр. — Гдѣ-же тутъ Логика?—Еще вопрошаемъ Г. Критика: почему онъ счелъ за нужное третье опредѣленіе свое, что Поэма *шуточная*, подкрѣпить выписками на двухъ съ половиною страницахъ, тогда когда при первыхъ двухъ опредѣленіяхъ онъ полагалъ, что довольно одного его слова, *безъ* выписокъ? Гдѣ-же опять Логика? И не значитъ-ли это, тратить бумагу попустому?

Обращаемся къ 35 №, стр. 66.

„Въ Поэмѣ Пушкина дѣйствуютъ: благодѣтельный Финнъ, „*котораго имени, не знаю почему, Сочинитель не объявилъ намъ*, „злой Колдунъ Черноморъ, голова Черноморова брата и злая „волшебница Наина. Характеры ихъ хорошо нарисованы, „и въ продолженіе шести пѣсенъ постоянно и ровно вы„держаны“.

Легкій упрекъ Г. В. за то, что Пушкинъ не объявилъ имени волшебника Финна, доказываетъ тонкую разборчивость Критика. Въ самомъ дѣлѣ жаль, что любопытство его остается неудовлетвореннымъ: просимъ убѣдительно Пушкина во второмъ изданіи исправить сію важную ошибку! Но мы надѣемся, что Г. В. изъ благодарности согласится удовлетворить и насъ. Мы, напр., весьма любопытны знать: какой характеръ онъ нашелъ въ головѣ Черноморова брата, выдержанный, по его словамъ, постоянно и ровно въ продолжвніе шести пѣсенъ?

Далѣе: стр. 74. „Немаловажною погрѣшностію въ чудес„номъ, почитаю то, что Авторъ не объявилъ намъ при-

„чины, заставляющей волшебника Финна благодѣтельство-„вать Русскому витязю, а волшебницу Наину ненавидѣть и гнать его".

Сожалѣемъ, что никакъ не можемъ согласиться считать сіе погрѣшностію.—Увѣряемъ Г. В., что, читая Поэму Пушкина, мы безъ большого напряженія ума догадались: что Финнъ благодѣтельствуетъ Руслану потому, что онъ добрый волшебникъ, а Наина его ненавидитъ потому, что она злая колдунья.—Во всѣхъ почти сего рода повѣстяхъ дѣйствуютъ добрые и злые волшебники, изъ которыхъ первые защищаютъ героя отъ гоненій послѣднихъ. — Сверхъ того ненависть Наины къ Руслану объясняется злобою ея на Финна:

Уже зоветъ меня могила:
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.—
Душею черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидитъ и тебя, *и проч.*

Чѣмъ-же виноватъ Пушкинъ, что Г. В. и тутъ еще не догадался, зачѣмъ Наина гонитъ Руслана? Еслибъ молодой Поэтъ нашъ писалъ для одного только Г. Разбирателя, то, конечно, надлежало бы ему примѣняться къ *его* понятливости, но такъ какъ Поэма писана не для него одного, то Пушкину позволено было надѣяться, что большая часть его читаталей будетъ догадливѣе Г. В. Г. Критикъ, доказавъ въ семъ случаѣ довольно ясно свою недогадливость, за то далѣе недостатокъ сей вознаграждаетъ съ лихвою. Suum cuique!

„Характеръ Рогдая (говоритъ онъ, № 36, стр. 97) изо-„браженъ смѣлою кистью, мрачными красками Корреджія:

.... Угрюмъ, молчитъ—ни слова,
Страшась невидимой судьбы,
И мучаясь ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ;

И часто взоръ его ужасный
На Князя мрачно устремленъ.

„Прочитавъ сіи стихи, мы *съ ужасомъ* видимъ предъ со-„бою одного изъ тѣхъ *хладнокровныхъ воиновъ убійцъ*, кото-„рые *не умѣютъ прощать*, для которыхъ *кровопролитіе „есть забава, слезы несчастныхъ—пища*“.

Удивляемся пылкому воображенію Г. В.! Изъ взоровъ Рогдая, мучимаго ревностью, мрачно устремленныхъ на Князя, заключаетъ съ ужасомъ, что онъ изъ тѣхъ хладнокровныхъ воиновъ убійцъ, которые не умѣютъ прощать и проч.

Объясните намъ, Г. В., отъ чего произошла у васъ такая ненависть къ сему несчастному? Краснорѣчивое описаніе того, что вы *съ ужасомъ видите передъ собою*, помышляя о Рогдаѣ, гораздо бы приличнѣе было, говоря о Фарлафѣ, который хладнокровно убилъ спящаго Руслана, тогда когда Рогдай сражался съ счастливымъ соперникомъ своимъ честнымъ образомъ.—Кто далъ вамъ право такъ строго судить о Рогдаѣ, котораго вѣроятно самъ Пушкинъ не считалъ такимъ кровопійцею, каковымъ онъ представляется въ вашихъ очахъ?—На стр. 105 того же № робкое цѣломудріе Г. В. строго вооружается противъ нѣкоторыхъ шуточныхъ эпизодовъ Пушкина. Эпизоды сіи, конечно, напоминаютъ намъ, что пламенный геній юнаго Поэта не освободился еще отъ пылкихъ страстей, впрочемъ весьма извинительныхъ въ его лѣта, но положимъ, что дѣвственный слухъ Г. В. справедливо оскорбился описаніемъ приключеній Ратмира въ замкѣ, все не надлежало ему упускать изъ виду, что самая строгая нравственность не исключаетъ учтивости, и что можно быть или казаться Катономъ, не бывъ притомъ невѣжливымъ.—Называть стихи Пушкина *площадными шутками*, значитъ не имѣть понятія о достоинствѣ Критика.

Наконецъ, добрались мы до 37 №.—

„Обращенія или прологи Пушкина (говоритъ Г. В. стр. 146) „не совсѣмъ счастливы: онъ хотѣлъ быть въ нихъ „забавнымъ, блистать остротою ума и вмѣстѣ того *почти „вездѣ* остроты его натянуты, плоски“.

Почти вездѣ, г. Критикъ?—Какъ милостиво! что, если

докажемъ вамъ, что острота, коею *вы* блистать хотѣли, *вездѣ* плоска? Желали бы мы привесть вамъ на память извѣстную истину: что часто въ глазѣ ближняго мы видимъ былинку, когда въ собственномъ глазѣ не видимъ бревна; но опасаемся, чтобъ вы не назвали сію истину: *общею и сто разъ сказанною и пересказанною мыслію!* (см. 37 №, стр. 147).

„Въ полной увѣренности, продолжаетъ Г. В., что Авторъ „исправитъ ихъ при второмъ изданіи, замѣтимъ здѣсь ма„ленькія погрѣшности противъ языка“.

Не знаемъ, на чемъ основываетъ г. Критикъ *полную* свою *увѣренность*, но надѣемся, что Пушкинъ не слѣпо довѣрять будетъ его замѣчаніямъ. Въ доказательство неосновательности оныхъ, приведемъ въ примѣръ слѣдующія:

Вотъ подъ горой *путемъ широкимъ*
Широкій пересѣкся путь.

„Мы говоримъ: Зимній путь, лѣтній путь, но пересѣ„кается дорога другою дорогою, а не путемъ“.

Признаемся откровенно, что до сихъ поръ, мы не знали сего тонкаго различія. Намъ кажется, что путь и дорога все равно; говорится: зимній путь, лѣтній путь, зимняя дорога, лѣтняя дорога. Въ военной терминологіи даже принято выраженіе: *покрытый путь*, а покрытая дорога не употребляется.

Трепеща хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой.

„*Вопрошать мракъ нѣмой*, смѣло до непонятности, и „если допустить сіе выраженіе, то можно будетъ написать: „*говорящій мракъ, болтающій мракъ, болтунъ мракъ; спорящій „мракъ, мракъ, отлагающій неблагопристойные вопросы и не крас„нѣя на нихъ отвѣчающій: жалкій, пагубный мракъ!*“

Какъ остро, Г. В.! Какое богатство въ мысляхъ и какая убѣдительная логика въ доказательствахъ! Вы не допускаете выраженія: *мракъ нѣмой* потому, что не можно написать: *мракъ болтающій*. По сему правилу нельзя будетъ сказать: монументъ *стоитъ* на площади, потому что нельзя сказать: монументъ *прыгаетъ* на площади!

Съ ужаснымъ пламеннымъ челомъ.

„То есть съ *краснымъ*, *вишневымъ лбомъ*“.

Какъ это плоско, Г. В.!

И пламень роковой.

„Растолкуйте мнѣ, что это за пламень? Ужъ не братъ ли онъ *дикому* пламени?“ Какая натянутая острота, Г. В.! желательно знать, почему вамъ не нравится роковой пламень? Роковымъ назвать можно каждый предметъ, который служитъ орудіемъ року. — Роковой мечъ, роковой ударъ, роковой пламень, роковой часъ и пр.

Могильнымъ голосомъ.

„Къ стыду моему, долженъ признаться, что *я не пости-* „*гаю*, что такое могильный гробовой голосъ: не голосъ ли „это какого-нибудь неизвѣстнаго намъ музыкальнаго орудія?“

Признайтесь, г. Критикъ, что вы воображаете, что сказали тутъ весьма острое словцо? Крайне ошибаетесь, Г. В.: оно и плоско, и натянуто, и жалко! Что же касается до того, что вы не *постигаете*, что такое могильный голосъ, то, между нами будь сказано, вы, видно, многаго еще не постигаете: могильный голосъ значитъ: голосъ, который кажется выходящимъ изъ могилы, по-Нѣм. Grabes stimme, по-Франц. voix sépulcrale.

Отъ ужаса зажмуря очи.

„Славянское слово *очи* высоко для простонароднаго рус- „скаго глагола: *жмуриться*. Лучше бы Автору *зажмурить* „*глаза*“.

И эта шутка не изъ послѣднихъ! Но въ простонародномъ русскомъ языкѣ слово *очи* также употребительно, какъ слово *глаза*, слѣдовательно, и шутка не у мѣста и привязка совершенно пустая.

Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ *старца колдуна*.

„Подъ словомъ колдунъ, подразумѣвается понятіе о ста- „рости, и слово старецъ въ семъ стихѣ совершенно лиш- „нее“.

Полно, такъ ли, Г. В.? Колдунъ можетъ быть и старый и молодой и среднихъ лѣтъ; не знаемъ, на чемъ вы основываете мнѣніе ваше о колдунахъ.

Копье, кольчугу, шлемъ, *перчатки.*

„Полно существовали ли тогда рыцарскія перчатки? — „Помнится, что еще нѣтъ“.

Эй, Г. В.! Такъ вы, видно, не только ученый Критикъ, но и искусный Антикварій?—Вамъ помнится, что перчатки тогда не *существовали?* — Обяжите насъ, объяснивъ, когда именно онѣ *начали существовать,* если вамъ о томъ помнится.—

Все утро *сладко* продремавъ.—

„Не опечатка ли это? — Надобно бы сказать: все утро „продремавъ“.

Ужъ этого-то никакъ не понимаемъ!—Почему же нельзя сладко дремать?—Правда вы тотчасъ найдетесь; вы скажете что: если допустить выраженіе *сладко* дремать, то можно будеть написать *кисло* дремать (см. выше: нѣмой мракъ, болтающій мракъ). Позвольте вамъ на сіе отвѣчать, что мы изъ опыту знаемъ, что выраженіе сіе справедливо: ибо, читая вашъ разборъ, мы нѣсколько разъ принимались дремать, и *помнится,* довольно *сладко.*

Объѣхавъ голову кругомъ.
Щекотитъ ноздри копіемъ *и проч.*

„Мужицкія риѳмы!“—

Человѣкъ, менѣе васъ образованный, назвалъ бы ихъ просто *бѣдными.* Что значатъ мужицкія риѳмы? — Слѣдуя собственному примѣру вашему, имѣемъ право спросить: развѣ бываютъ мѣщанскія риѳмы, поповскія риѳмы, дворянскія риѳмы, купеческія риѳмы—и проч.?

Дикій пламень.

„Скоро мы станемъ писать: ручной пламень, ласковый, вѣжливый пламень“.

Не знаемъ, *что* вы скоро станете писать, но не можемъ

не замѣтить вамъ, Г. изобрѣтатель термина: *мужицкія риѳмы*, что вы благоразумнѣе бы поступили, оставивъ въ покоѣ *дикій пламень*.

Уста дрожащія открыты,
Огромны зубы стѣснены.

„Или открыты и уста и зубы, или уста закрыты, а зубы стиснуты“.—

Вотъ это новое!—Желательно бы знать, какое препятствіе Г. В. находитъ въ томъ, чтобъ открыть уста, когда зубы стиснуты? Вообще замѣтить должно, что понятія г. Критика о наружныхъ и внутреннихъ дѣйствіяхъ тѣла человѣческаго довольно необыкновенны. Такъ, напр., въ № 36, стр. 108, упоминая о стихѣ Пушкина:

Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены,

Г. В. утверждаетъ, что гнѣвъ не *стѣсняетъ*, а *расширяетъ* сердце!—Совѣтуемъ Пушкину не писать стиховъ, не изучившись прежде анатоміи у Г. В.—

Вотъ мнѣніе наше о разборѣ Руслана и Людмилы!—Отдавая полную справедливость отличному дарованію Пушкина, сего юнаго гиганта въ Словесности нашей, мы однако увѣрены, что основательный разборъ его Поэмы, поясненный свѣтомъ истинной критики, былъ бы полезенъ и занимателенъ.—Мы желаемъ только, чтобы трудъ сей на себя принялъ писатель: опытнѣе, ученѣе и учтивѣе Г-на В.—

Изъ „Сына Отечества“ 1820 г.

*) Одинъ знаменитый Архипастырь и изыскатель отечественныхъ древностей, въ письмѣ своемъ къ трудолюбивому Библіографу нашему, В. Г. А—ичу, говоритъ: „жаль, что Г. В. потерялъ надъ разборомъ Руслана много времени; зная его занятія, я увѣренъ, что онъ могъ бы полезнѣе употребить его“. Будучи совершенно согласны съ мнѣніемъ сего славнаго Историка-Литератора, мы, подобно К. Б.,

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 65, № 43. „Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе Г. К—ва“. Статья М. К—ва.

остроумно разрѣшившему запросы Г. Н. М., вмѣсто Г. В., хотимъ избавить сего послѣдняго отъ неблагодарнаго труда отвѣчать на замѣчанія Г. К—ва.

Мы пойдемъ шагъ за шагомъ за Г. Анти-рецензентомъ.

I. Г. Замѣчатель думаетъ, что Издатель С. О. *изъ снисхожденія* напечаталъ въ журналѣ своемъ разборъ Г. В. Мы сами увѣрены, что это *снисхожденіе*; но такое, въ которомъ *онъ подражалъ* Россійской Академіи, Обществу любителей Россійской Словесности при Московскомъ и таковому же при Казанскомъ Университетѣ, избравшимъ Г. В. въ свои дѣйствительные члены; Санктпетербургскому Обществу Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и Вольному Обществу Любителей Словесности, избравшимъ Г. В. въ свои почетные члены; Дерптскому Университету, сдѣлавшему Г. В. ординарнымъ Россійскаго языка и Словесности Профессоромъ и Докторомъ Философіи, и Гг. Издателямъ Вѣстника Европы, Каченовскому, Жуковскому и В. В. Измайлову, четырнадцать лѣтъ съ постояннымъ *снисхожденіемъ* печатавшимъ сочиненія и переводы его въ своемъ, по всѣмъ отношеніямъ, превосходномъ Журналѣ.

II. Г. Замѣчатель изъявилъ похвальное желаніе доказать, что Г. В. не имѣетъ познаній въ тѣхъ предметахъ, кои онъ разбираетъ, т. е. въ Словесности и особенно въ томъ, что составляетъ сущность Поэмъ. Трудъ совершенно лишній! Г. В. уже давно доказалъ *a posteriori* свое *невѣжество*: a) переводомъ Виргиліевыхъ Эклогъ, Георгикъ и Энеиды *съ Латинскаго.* b) Переводомъ разныхъ мелкихъ стихотвореній, Проповѣдей и Повѣстей *съ Нѣмецкаго.* c) Переводомъ Вольтерова вѣка Лудовика XIV и Делилевой Поэмы Сады *съ Французскаго.* d) Сочиненіемъ Поэмы: Искуства и Науки, Рѣчей, произнесенныхъ въ разныхъ ученыхъ Обществахъ, Посланій и Сатиръ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ, послѣднія не безъизвѣстны г. ученому Замѣчателю.

III. Г. Замѣчателю не нравится плодовитость Г. В.: что же дѣлать? Онъ руководствовался при сочиненіи своей рецензіи дурными образцами, и именно: имѣлъ въ виду: Mercure de France, Allgemeine Litteratur-Zeitung, Revue Ency-

clopédique, Cours de Littérature par La Harpe и рецензіи, въ Вѣстникѣ Европы и Сѣверномъ Вѣстникѣ помѣщенныя.

IV. Пушкинъ самъ, въ предисловіи къ Поэмѣ, назвалъ стихи свои *грѣшными*. Г. В. повторилъ это, съ оговоркою, что онъ это дѣлаетъ *не въ осужденіе, а въ предосторожность* молодому Автору. Впрочемъ, одинъ ли Г. В. называетъ стихи Пушкина *грѣшными?* — Увѣнчанный, первоклассный отечественный писатель, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: „я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувствъ: вижу одну чувственность“. — Въ Іюлѣ мѣсяцѣ Невскаго Зрителя о сей Поэмѣ напечатано: „Еще болѣе надобно сожалѣть, что Пушкинъ представляетъ часто такія картины, при которыхъ невозможно не краснѣть и не потуплять взоровъ... Картины сладострастія плѣняютъ только грубыя чувства. Онѣ недостойны языка боговъ“. — Г. Замѣчателю много будетъ хлопотъ, если онъ захочетъ съ этой стороны оправдать Пушкина.

V. Напрасно Г. Замѣчатель разглагольствуетъ о цѣли, для коей онъ написалъ свою антикритику: она очень ясно видна: досада на рецензента за то, что онъ не призналъ стихотворенія Пушкина *непогрѣшительнымъ*, водила перомъ его. Но Г. В. упрямъ! И одинъ ли онъ находитъ ошибки въ Поэмѣ Пушкина? Загляните въ 11 книжку Вѣстника Европы: тамъ ужъ не то говорятъ, что Г. В.!

VI. Г. Замѣчатель часто употребляетъ уловку Софистовъ: онъ отрываетъ двѣ строчки изъ цѣлаго логическаго предложенія Г. В., и перетолковываетъ ихъ по своему. Напримѣръ: онъ хочетъ увѣрить, что въ разборѣ написано только: *„хорошіе судьи полагаютъ, что прозаическая Поэма есть противорѣчіе въ словахъ, чудовищное произведеніе въ Искусствѣ“*. Загляните въ Разборъ, почтенные читатели С. О., и вы увидите весьма четко напечатаннымъ слѣдующее предложеніе: „нашъ молодой Поэтъ поступилъ очень хорошо, написавъ сію богатырскую повѣсть *стихами*, и предпочелъ итти по слѣдамъ Аріоста и Виланда, а не Флоріана. Хорошіе судьи, истинные знатоки изящнаго не одобряютъ такого рода твореній въ *прозѣ*; ибо прозаическая поэма есть про-

творѣчіе въ словахъ, чудовищное произведеніе въ Искусствѣ“. То ли это?

VII. Въ другомъ мѣстѣ, г. Замѣчатель, желая доказать, что Г. В. несправедливо назвалъ Поэму Пушкина романтическою, дѣлаетъ силогизмъ такого рода: *Освобожденный Іерусалимъ есть Поэма, въ немъ есть волшебство, а какъ въ Энеидѣ нѣтъ волшебства, то она и не должна называться Поэмою.* Это софизмъ.

VIII. Замѣчанія о риѳмахъ показываютъ его глубокія по сей части свѣдѣнія, за которыя мы весьма благодарны ему; но развѣ не дошло до него, что стихотворный языкъ боговъ долженъ быть выше обыкновеннаго, простонароднаго? Поэзія требуетъ, чтобы мы писали: *коніемъ*. Стихотворцы, по вольности, сократили сіе слово и стали писать: *коньемъ:* потомъ и *коньёмъ;* послѣднее есть уже слово *низкое, простонародное:* какъ же назвать прикажете *грубое* слово: *коніёмъ?*

IX. Г. Замѣчатель заговорилъ было что-то о перчаткахъ, и мы надѣялись, что онъ откроетъ намъ, въ которомъ вѣкѣ начали въ Европѣ рыцари носить желѣзныя перчатки, и когда переняли сію моду Россіяне: но ему угодно было *ученымъ* образомъ пошутить надъ *невѣжествомъ* Г. В. и только!

X. Г. Замѣчатель иногда очень забавно оправдываетъ Сочинителя Поэмы; напр.: у Пушкина написано: *зубы стиснены*, а онъ въ замѣчаніяхъ ставитъ: *зубы стиснуты*, и отъ всей души вѣритъ, что дѣло въ шляпѣ.

XI. „По какой Анатоміи *гнѣвъ стѣсняетъ*, а *не распаляетъ сердце?*“ Объясните намъ это, многоученый Г. Антикритикъ: вашъ рѣшительный тонъ, также какъ рѣшительный тонъ Г. В., ничего не доказываетъ.

XII. Мудрено ли, что *многоученый* остроумецъ-замѣчатель, *безъ большаго напряженія ума*, догадался, что Финнъ благодѣтельствуетъ Руслану, потому, что онъ *добрый волшебникъ?* Мы, невѣжи, и теперь еще объ этомъ не догадалися, и въ *невѣжествѣ* своемъ спрашиваемъ: ежели *собственно доброта* побудила Финна благодѣтельствовать Руслану, то зачѣмъ не всѣ *добрые волшебники и волшебницы* ему покровительствуютъ, а онъ одинъ? Кто далъ Финну такое исключительное право?

XIII. Несмотря на краснорѣчивые доводы г. Замѣчателя, признаемся, что также, какъ Г. В., мы никакъ не можемъ одобрить выраженія: *путемъ широкимъ широкій пересѣкся путь.* Въ военной и гражданской терминологіи безсмыслица есть безсмыслица: постигаете ли вы это, ревностный защитникъ молодого Поэта нашего?

XIV. Г. Антикритикъ съ торжествующимъ видомъ спрашиваетъ: „Какой характеръ онъ нашелъ въ головѣ Черноморова брата“?— Отвѣчаемъ, что огромная голова сердится, усмиряется, разсказываетъ свои приключенія; слѣдовательно, имѣетъ страсти, характеръ: *что намъ и надо доказать.*

XV. Напрасно также ревностный защитникъ добродѣтели хлопочетъ о томъ, чтобъ возстановить добрую славу Рогдая. Его черный характеръ Пушкинъ изобразилъ яркими красками: кто, кромѣ *хладнокровнаго, закоренѣлаго злодѣя*, рѣшится умертвить счастливаго любовника-супруга единственно для того, чтобъ заставить поплакать несчастную вдову его — его обожающую? Кто, кромѣ *убійцы*, для котораго *кровопролитіе есть забава, а слезы невинныхъ пища*, можетъ безъ ужаса произнесть слѣдующіе стихи:

„Убью... преграды всѣ разрушу...
. . . .
Теперь-то дѣвица поплачетъ“.

Но Г. Замѣчателю вездѣ угодно выдавать добродѣтель за порокъ, а порокъ за добродѣтель: c'est son fort!

XVI. Г. К. въ своей Антикритикѣ, безпрестанно упрекая Г. В. *въ неучтивости*, самъ на каждой строчкѣ осыпаетъ его грубостями, и беретъ тотъ *рѣшительный* тонъ, который ему въ Г. В. не нравится. Напримѣръ: *остроумное изрѣченіе* Г. В.; Г. В. доказалъ въ семъ случаѣ *свою неошадливость: острота*, коею вы блистать хотите, *весьма плоска; какъ остро*, Г. В.! Признайтесь, г. Критикъ, что вы воображаете, что сказали тутъ *острое словцо! Крайне ошибаетесь, Г. В.*, оно и *плоско, и натянуто, и жалко; и эта шутка не изъ посмѣшныхъ.* Мы могли бы наполнить цѣлыя страницы выписками учтивостей и нѣжностей г. Антикритика; но,

зная страсть его къ краткости, мы не станемъ объ этомъ распространяться, а услужимъ ему однимъ Виргиліевымъ стихомъ, который впредь ему пригодится:

Degeneres animos timor arguit.

XVII. Г. Антикритикъ говоритъ: „*Робкое цѣломудріе* Г. В. строго вооружается противъ нѣкоторыхъ эпизодовъ Пушкина. Эпизоды сіи конечно *напоминаютъ* намъ, что пламенный геній Поэта не освободился еще отъ пылкихъ страстей, впрочемъ весьма извинительныхъ въ его лѣта“. Только *напоминаютъ*, Г. К.? Неужели рѣшились бы вы прочесть сію Поэму вслухъ *цѣломудренной* своей матушкѣ, *цѣломудреннымъ* сестрицамъ, *цѣломудреннымъ* дочерямъ, если вы ихъ имѣете?

XVIII. „Отдавая полную справедливость отличному дарованію Пушкина, сего юнаго гиганта въ Словесности нашей, мы однако увѣрены, что основательный разборъ его Поэмы, поясненный свѣтомъ истинной Критики, былъ бы полезенъ и занимателенъ“. Не понимаемъ, какого разбора желаетъ Г. Замѣчатель. Г. В. сдѣлалъ разборъ методическій: предложилъ сокращенное содержаніе Поэмы и каждой пѣсни въ особенности, разобралъ чудесное, характеры, ходъ, дѣйствіе, завязку и развязку, показалъ достоинство слога и наконецъ коснулся нравственности, перваго достоинства всякаго сочиненія.—Если же Г. Замѣчатель желаетъ, чтобы кто-нибудь, разбирая Поэму Русланъ и Людмила, назвалъ ее *Училищемъ нравственности*, то совѣтуемъ ему поискать Рецензента *опытнѣе, ученѣе* и *учтивѣе* Г. В.: мы его коротко знаемъ; онъ къ этому совершенно неспособенъ.

Заключимъ: Г. Антикритикъ показалъ рѣдкое искусство на пяти страничкахъ убѣдить насъ, что у него *нѣтъ робкаго цѣломудрія, и что совѣсть его не пугива*: впередъ, Г. Антикритикъ!

Изъ „Сына Отечества“ 1820 г. Статья М. К—ва.

* * *

*) Подробный разборъ сей Поэмы (Русланъ и Людмила, Поэма въ шести пѣсняхъ. Соч. А. Пушкина. С.П.б. 1820. въ тип. Н. Греча, въ большую 8-ку, 143 стран. **) напечатанъ уже въ четырехъ книжкахъ *Сына Отечества* (№ 34, 35, 36 и 37). Не сравнивая молодаго Поэта ни съ Гомеромъ, ни съ Аріостомъ, ни съ Тассомъ, ниже съ Вольтеромъ; несмотря на неуваженіе его къ Зоиламъ (стр. 147) *плоскія натянутыя остроты* (146), *вялые* стихи, *мужицкія* риѳмы ***), иностранныя слова, каково напримѣръ: *фонтанъ* ****), недостатокъ Логики, и прочіе столь же важные недостатки и погрѣшности, замѣченные безпристрастнымъ Рецензентомъ В.,—скажемъ, что *богатырская*, *волшебная*, *шуточная*, т. е. Романтическая Поэма: *Русланъ и Людмила* есть прекрасный феноменъ въ нашей Словесности. Главное достоинство этой Поэмы, или какъ другіе, не менѣе строгіе критики, говорятъ — *Повѣсти*, *Сказки*, составляютъ, по нашему мнѣнію, картинныя описанія, живость и пріятность разсказа и легкая, непринужденная версификація.

Изъ „Благонамѣреннаго“ 1820 г. Рецензія II.

*
* *

*) „Благонамѣренный“ 1820 г. ч. II, № 8. „Извѣстія о новыхъ книгахъ“. Статья II.

**) Продается въ типографіи Издателя С. О. и въ книжныхъ лавкахъ Плавильщикова и Слениныхъ. Цѣна, въ цвѣтной обверткѣ, 10 р.

***) Вотъ новый терминъ, который не былъ еще употребленъ ни въ какой Піитикѣ! *Мужицкими* риѳмами Г. Рецензентъ называетъ слѣдующія: кругомъ, копьемъ—языкомъ, копьемъ (см. 37 № С. О., стр. 152). Итакъ, если не ошибаюсь, подъ *мужицкими* риѳмами разумѣетъ онъ тѣ, изъ которыхъ одна имѣетъ въ окончаніи букву *о*, а другая *е*. Однако такія риѳмы употребляются и лучшими нашими стихотворцами, напримѣръ, въ этой же самой книжкѣ С. О., т. е. въ 37 №, напечатанъ отрывокъ изъ Поэмы: *Искусства и Науки*, соч. А. Ѳ. *Воейкова*, гдѣ между прочимъ есть риѳмы: звѣздочетства, мореходство—ревётъ, оплотъ.

****) „Не грѣшно ли“—спрашиваетъ Г. Рецензентъ В., „употреблять въ Поэмѣ слово: *фонтанъ*, когда у насъ есть свое прекрасное, выразительное—*водометъ*?“—Конечно, въ Поэмѣ *героической*, напр. въ Отѣ, въ Поэмѣ Эпической, непремѣнно должно употребить *водометъ*, но въ Поэмѣ *шуточной*, или въ Сказкѣ, которыхъ слогъ весьма близко подходитъ къ обыкновенному разговорному слогу, почему не сказать: *фонтанъ*? Въ *Причудницѣ* Дмитріева и въ *Душенькѣ* Богдановича находимъ мы слова: *фонтанъ* и [illegible] (водометъ). *Изд. Бл.*

(Примѣч. Издат. „Благонамѣр.“ А. Измайлова).

*) Вы разбирали одно изъ лучшихъ произведеній Литературы сего года; позвольте васъ попросить объяснить нѣкоторыя мѣста, о которыхъ вы ничего не говорите. Я увѣренъ, что вы возьмете на себя трудъ отвѣчать на мои вопросы. Начнемъ съ первой пѣсни. Commençons par le commencement:

Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана? Зачѣмъ онъ разсказываетъ Руслану свою Исторію, и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи *съ жадностію внимать раскäзы* (или по-Руски *расказамъ*) старца?

Зачѣмъ Русланъ *присвистываетъ*, отправляясь въ путь; показываетъ-ли это огорченнаго человѣка? Зачѣмъ Фарлафъ со своею трусостью поѣхалъ искать Людмилы? Иные скажутъ: затѣмъ, чтобы упасть въ грязный ровъ: et puis on en rit et cela fair toujours plaisir.

Справедливо ли сравненіе (стр. 43), которое вы такъ хвалите? случилось-ли вамъ это видѣть?

Зачѣмъ маленькій карло съ большою бородою (что между прочимъ совсѣмъ не забавно) приходилъ къ Людмилѣ? Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль схватить съ колдуна шапку (впрочемъ, въ испугѣ чего не надѣлаешь?), и какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать? Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая, какъ ребенка, въ воду, когда

Они схватились на коняхъ;
. . . .
Ихъ члены злобой съединенны;
Объяты молча, костенѣютъ, *и проч.*

Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы это. — Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидввши поле битвы (которое совершенный hors d'oeuvre), зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле! кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
. . . .
. . . .

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 64, № 38. „Письмо къ Сочинителю Критики на Поэму Русланъ и Людмила.“ Статья XX.

Зачѣмъ же поле, смолкло ты
И поросло *травой забвенья*....
Временъ *отъ вѣчной темноты*,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! *и пр.*

Такъ ли говорили Русскіе богатыри? и похожъ-ли Русланъ, говорящій *о травѣ забвенья и вѣчной темнотѣ временъ*, на Руслана, которой черезъ минуту послѣ восклицаетъ *съ важностію сердитой*:

— „Молчи, пустая голова!
. . . .
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!“
..... Знай нашихъ! *и пр.*

Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечъ, положилъ его на полѣ, подъ головою брата; не лучше ли бы было взять его домой?—Зачѣмъ будить 12 спящихъ дѣвъ и поселять ихъ въ какую-то степь, куда, не знаю какъ, заѣхалъ Ратмиръ? Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда поѣхалъ? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно-ли, что Русланъ побѣдилъ Черномора и пришедъ въ отчаяніе, не находя Людмилы, махалъ до тѣхъ поръ мечемъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги? Зачѣмъ карло не вылѣзъ изъ котомки убитаго Руслана? Что предвѣщаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ:

. . . .
Шатры бѣлѣютъ на холмахъ?

Зачѣмъ, разбирая Руслана и Людмилу, говорить объ Иліадѣ и Энеидѣ? Что есть общаго между ими? Какъ писать (и кажется серьезно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдутъ въ сравненіе съ Гомеровыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю, и которыхъ многіе другіе также не понимаютъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: Cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis in errore perseverare. (Philippic) XII. [21].).

Изъ „Сына Отечества“ 1820 г. Статья XX.

* * *

*) Бѣдный Поэтъ! Не успѣлъ онъ еще отдохнуть отъ тяжкаго нападенія Г-на В., какъ является Г. NN съ полною котомкою вопросовъ, изъ которыхъ одинъ хитрѣе другого!—Оба господа сіи вѣроятно вступятъ въ ученую переписку, и вашъ счастливый Журналъ выбранъ циркомъ, на коемъ происходить будетъ сей assaut d'esprit! — Спѣшимъ, Милостивый Государь, поздравить васъ съ сею радостью.—Какой свѣтъ изліется на Россійскую Словесность изъ вопросовъ Г-на NN, изъ отвѣтовъ Г-на В'!—Но раздѣляя сію пріятную надежду со всѣми любителями Русскаго слова, мы, съ другой стороны, не можемъ не пожалѣть о Сочинителѣ Поэмы, который, при первомъ почти шагѣ на Парнассъ, встрѣчаетъ такихъ судей! Вопросъ за вопросомъ, —ударъ за ударомъ—ахъ, Милостивый Государь!—какой молодой Стихотворецъ можетъ выдержать такой строгій допросъ, какъ мы читали въ письмѣ Г-на NN.—Иной подумаетъ, что дѣло идетъ не о Поэмѣ, а объ уголовномъ преступленіи:

„Зачѣмъ Финнъ разсказывалъ свою исторію? Зачѣмъ Русланъ внималъ его разсказамъ?—Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ? — Зачѣмъ Фарлафъ ищетъ Людмилу? Зачѣмъ „маленькій карло съ большою бородою?—Зачѣмъ онъ приходилъ къ Людмилѣ?—Зачѣмъ она сорвала съ него шапку?—Зачѣмъ онъ позволилъ ей это сдѣлать?—и проч. и „проч.“

Trop est trop! Et il faut avouer que vous êtes trop curieux, Monsieur NN! (Однажды навсегда просимъ извинить насъ, Г. Издатель, что мы Русское письмо наше приправляемъ Французскими фразами: онѣ и для слуха пріятнѣе и несравненно выразительнѣе). Но обратимся къ дѣлу:

Прочитавъ со вниманіемъ письмо Г-на NN (которое признаться понравилось намъ гораздо болѣе критики Г-на В., по той причинѣ, что оно гораздо короче), мы не могли не пожалѣть о томъ, что самого Сочинителя Поэмы нѣтъ теперь въ Петербургѣ.—Конечно, никто лучше его не могъ

*) „Сынъ Отечества“ 1820 г., ч. 65, № 41. („Замѣчаніе на письмо къ Сочинителю Критики на Поэму: Русланъ и Людмила“. *К. Григорій Б—въ*).

бы удовлетворить любопытству вопрошателя, и мы увѣрены, что онъ бы не отказалъ служить Г. N N всѣми свѣдѣніями, которыя нужно ему имѣть о герояхъ Руслана и Людмилы. — Почтенный Критикъ обратился съ вопросами своими къ Г. В.; — но будетъ ли сей послѣдній разрѣшать оные! — Судя по разбору его, напечатанному въ 4-хъ книжкахъ вашего Журнала, онъ и самъ не могъ разгадать, напр., почему *добрый* Финнъ дѣлалъ *добро* Руслану тогда, когда *злая* Наина ему дѣлала *зло*? Въ семъ недоумѣніи мы рѣшились принять на себя трудъ отвѣчать на вопросы, и если наши отвѣты покажутся недостаточными, то мы надѣемся, что насъ извинятъ ради добраго намѣренія.—

Начнемъ съ перваго вопроса: Commençons par le commencement: „Зачѣмъ Финнъ дожидается Руслана?" — Пусть отвѣчаетъ самъ Финнъ Г-ну NN.

Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но, наконецъ,—*дождался дня*
Давно предвидѣннаго мною.

Изъ сего мы видимъ, что волшебникъ имѣлъ даръ предузнавать будущее, и такъ онъ дожидался Руслана потому, что давно предвидѣлъ, что онъ къ нему пріѣдетъ.—Кажется, довольно ясно?—

„Зачѣмъ Финнъ разсказывалъ Руслану свою исторію?"

Затѣмъ, чтобы Русланъ зналъ, кто онъ таковъ: впрочемъ, старики обыкновенно бываютъ словоохотны, и гораздо удивительнѣе бы было, если бы Финнъ не разсказывалъ своей исторіи.—

„Какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи *съ жадностью* внимать разсказамъ старца?"—

И тутъ нѣтъ ничего мудренаго.—Положеніе Руслана уже не было несчастное, когда онъ внималъ съ жадностію разсказамъ. Финнъ ободрилъ его съ самаго начала и поселилъ въ него надежду:

Но *зла* промчится *быстрый* мигъ,
На *время* рокъ тебя постигъ.
. . . .

Узнай, Русланъ, твой оскорбитель
Волшебникъ, страшный Черноморъ,
. . . .
Еще ни чей въ его обитель
Не проникалъ донынѣ взоръ;
Но *ты, злыхъ козней истребитель*,
Въ нее ты вступишь, *и злодѣй*
Погибнетъ отъ руки твоей.—
.............Тебѣ ужасна
Любовь сѣдого колдуна:
Спокойся—*знай, она напрасна,*
И юной дѣвѣ не страшна и проч.

Что же въ томъ удивительнаго, что ободренный и успокоенный Русланъ съ жадностію слушалъ исторію своего благодѣтеля?

„Зачѣмъ Русланъ *присвистываетъ*, отправляясь въ путь?

Дурная привычка, Г. NN! больше ничего. Не забудьте, пожалуйста, что вы читаете сказку, да къ тому жъ еще *шуточную* (какъ весьма остроумно замѣтилъ Г. В. въ своей критикѣ): зачѣмъ же Руслану не присвистывать?—Можетъ быть, рыцари тогдашняго времени, вмѣсто употребляемыхъ нынѣ Англійскихъ хлыстиковъ, присвистывали на лошадей? Еслибъ Авторъ сказалъ, что Русланъ просвисталъ арію изъ какой нибудь Оперы, то это, конечно, показалось бы страннымъ въ его положеніи, но присвистнуть, право ему можно позволить!—

„Зачѣмъ Фарлафъ, съ своею трусостію, поѣхалъ искать „Людмилы? Иные скажутъ—затѣмъ, чтобъ упасть въ гряз„ный ровъ: et puis on en rit cela fait toujours plaisir“,

Фарлафъ поѣхалъ искать Людмилу, несмотря на трусость свою, потому, что трусы часто ѣздятъ туда же, куда ѣздятъ храбрые люди. — Таковые примѣры совсѣмъ не рѣдки. — Что же касается до bon mot на счетъ грязнаго рва, то надобно отдать ему справедливость: оно довольно остро!—

„Справедливо ли сравненіе, которое вы такъ хвалите? Случалось ли вамъ это видѣть?“—

Сравненіе точно справедливо, Г. NN, и Г. В. не на-

прасно его хвалитъ: оно нравится весьма многимъ. Случалось ли Г-ну В. *это* видѣть? — Не знаемъ, Милостивый Государь! Такія рѣдкости не всякому удается видѣть. Сочинитель Поэмы говоритъ:

С порога хижины моей
Такъ видѣлъ *я*, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой *и пр.*

Предоставляемъ самому Г. В. отвѣчать на сей вопросъ, который не касается до Русской Словесности. И въ самомъ дѣлѣ, какая до того нужда ученому свѣту, случалось ли Г-ну В. видѣть, какъ пѣтухи бѣгаютъ за курицами? Это вопросъ совсѣмъ партикулярный.

„Зачѣмъ маленькій карло съ большою бородою приходилъ къ Людмилѣ?“ —

Ceci est bien meshant, Mr. NN.! — Мы, простодушные люди, полагаемъ, что онъ приходилъ къ Людмилѣ изъ одной только учтивости: — она жила у него, и онъ — какъ хозяинъ дома, за нужное счелъ сдѣлать ей визитъ. Впрочемъ, можетъ быть, и другія намѣренія имѣлъ, но — не надобно судить о ближнемъ слишкомъ строго.

„Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль, схватить съ колдуна шапку? (впрочемъ, въ испугѣ чего не надѣлаешь“). —

Такъ точно, Г. NN.! Другой причины не было, и намъ очень пріятно видѣть, что вы сами собой успѣли разрѣшить сей важный вопросъ! —

„Какъ колдунъ позволилъ Людмилѣ *это* сдѣлать?“

Вы ошибаетесь, Г. Критикъ! — Колдунъ не позволилъ ей *это* сдѣлать. — Прочитайте опять со вниманіемъ Поэму, и вы увидите сами, что она *это* сдѣлала безъ позволенія. —

„Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая какъ ребенка въ воду?“

Здѣсь отвѣтъ не затруднителенъ. Читайте Пушкина:

Они схватились на коняхъ
. . . .
Ихъ члены злобой съединенны;
Объяты молча, костенѣютъ,

По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ,
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ—колеблются, слабѣютъ—
Кому-то пасть... вдругъ *витязь мой,*
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ—
Подъемлетъ—держитъ надъ собой
И въ волны съ берега бросаетъ.

Какого еще требуете толкованія?

Есть еще много вопросовъ въ письмѣ Г. ХХ. столь же важныхъ, но желая раздѣлить съ Г. В. благодарность читателей, мы предоставляемъ ему удовольствіе отвѣчать на оные. Мы увѣрены, что онъ исполнитъ сію пріятную обязанность — какъ нельзя лучше! — Одинъ только изъ сихъ вопросовъ, можетъ быть, затруднитъ его—и въ самомъ дѣлѣ трудно догадаться:

„Зачѣмъ карло не вылѣзъ изъ котомки убитаго Руслана? И намъ сіе сначала показалось весьма страннымъ; но въ послѣдствіи времени, мы узнали отъ достовѣрныхъ особъ, что карло не вылѣзъ изъ котомки затѣмъ, что онъ никакъ *не могъ* вылѣзть. Русланъ, прежде смерти, крѣпко-на-крѣпко затянулъ котомку ремнемъ, оставивъ небольшое отверстіе, чрезъ которое карло могъ просовывать одну только голову. Мы весьма рады, что судьба доставила намъ случай узнать о семъ важномъ обстоятельствѣ, и долгомъ считаемъ довести оное до всеобщаго свѣдѣнія.

Въ заключеніе: благодаримъ Г. ХХ. за то, что вопросами своими онъ подалъ поводъ къ объясненію нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ въ Поэмѣ...

Изъ „Сына Отечества“ 1820 г. Статья К. Григорія Б—ва.

1821 г.

*)... Plus forts par le nombre, et vantés en tous lieux,
Les corrupteurs du goût en paraissent les dieux.

Gilbert.

Сей свѣтъ наполненъ противорѣчіями. Какъ жаль, что вы не знали покойнаго моего учителя Брумбергіуса, которой могъ служить емблемою сихъ противорѣчій! Онъ хвалилъ и бранилъ учениковъ своихъ въ одно и то же время, за одни и тѣ-же поступки. Вотъ образчикъ такихъ похвалъ: „Хлонской! я тобою сегодня доволенъ: ты велъ себя хорошо, учился прилежно; правда, ты и всегда бываешь тихъ, внимателенъ и прилеженъ, и мнѣ пріятно отдать тебѣ справедливость за сіи добрыя качества. Одно въ тебѣ худо: ты рѣзовъ, часто лѣнишься и почти безпрестанно разсѣянъ. Слушай, Хлонской! бѣда тебѣ, если не исправишься! Къ сожалѣнію, долженъ я тебѣ сказать, что выхожу изъ терпѣнія".—Какъ назвать такія несообразности словъ со здравымъ разсудкомъ? Не правда ли, что онѣ очень странны?..

Такъ, милостивый государь мой! сей свѣтъ наполненъ противорѣчіями. Часто мы встрѣчаемъ *печатныя* доказательства сей жалкой истины; видимъ ихъ въ сочиненіяхъ такихъ людей, кои, принимая на себя видъ наставниковъ, сами ежеминутно дѣлаютъ тѣ же самыя ошибки, за которыя они укоряли другихъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ безпрестанно твердятъ намъ о чистотѣ языка, и — дѣлаютъ ученическія погрѣшности въ словосочиненіи; шутятъ надъ нелѣпостями въ чужихъ стихотвореніяхъ, и— не видятъ уродливыхъ картинъ въ своихъ собственныхъ; осуждаютъ каждое низкое слово, каждое смѣлое выраженіе, и—подобными имъ начиняютъ свои стихи и прозу. Но— le chapitre des contresens est inépuisable! Поищемъ лучше примѣровъ.

Намъ обѣщали въ нѣкоторомъ Журналѣ помѣщать только

*) „Вѣстникъ Европы" 1821 г., ч. 116, № 4. Письмо къ Редактору Вѣстника Европы". Статья Семена Осетрова.

хорошія стихотворенія лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Вотъ одно изъ трехъ Посланій, помѣщенныхъ въ пяти книжкахъ сего Журнала, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году. Ето *Посланіе къ женѣ и друзьямъ* одного изъ Издателей, написанное въ 1816 году и напечатанное въ 1821 году,— къ сожалѣнію, конечно, безъ поправокъ. Два раза перечитавъ сіе Посланіе, никакъ не могъ я добраться, какая была цѣль сочинителя, и о чемъ оно написано. Вижу, что онъ безпрестанно переходитъ отъ одного предмета къ другому, то вспоминалъ прошедшее, то занимался настоящимъ, даже иногда и будущимъ; вижу разбросанныя картины, шутки и мечтанія, мало мыслей, мало пищи для ума—и, признаюсь, все-таки не нахожу ни цѣли, ни единства въ цѣломъ сочиненіи. Вижу также, что въ заглавіи: *и къ друзьямъ* поставлено только для формы; ибо о сихъ друзьяхъ говорится мимоходомъ въ третьемъ лицѣ, и Посланіе сіе къ нимъ вовсе не относится. Наконецъ, наскучивъ безъ пользы ломать себѣ голову, принимаюсь разбирать сіе стихотвореніе по частямъ.

На первыхъ строкахъ нахожу стихъ:

Волч*цу* и терн*ію* расти ***недопускаетъ***.

Неужели его написалъ тотъ строгій критикъ, которой не позволяетъ г-ну Пушкину сказать:

Узналъ я силу ***заклинаньямъ***?

По-русски говорится: не допускать кого или что. *Я не допустилъ бы его до такого дурачества*; *меня не допустили ко Двору*. Кто же, хотя мало зная Русской языкъ, рѣшится сказать: я не допустилъ бы *ему* до такого дурачества; *мнѣ* не допустили ко Двору?—Погрѣшность г-на Пушкина весьма малозначуща въ сравненіи съ сею погрѣшностію его Рецензента.

И какъ ***года*** уходятъ за годами.

Давно ли *годъ*, сдѣлался въ именительномъ падежѣ множ. числа *года*? Позволяя себѣ такія вольности, мы начнемъ писать судъ, *суда*, вм. суды; трудъ, *труда*, вм. *труды*; садъ, сада, вм. *сады* и брѣдъ, *брѣда*, или *брѣды*.

Мой *полдень* наступилъ: искать *ночлега* стану.

Въ полдень едва начинаютъ искать обѣда; кому же придетъ охота *ночевать въ полдень*?

Пропустимъ *сумазбродную цѣль*, и спросимъ г-на Сочинителя, какого *званія* риѳмы:

. . . . Я паруса свиваю.
И челнъ мой въ пристани знакомой распащаю?

Помнится, онъ разжаловалъ рифмы Пушкина — *кругомъ*, *коніемъ*; *языкомъ*, *коніемъ* — *въ мужицкія*. Принимая Профессорское слово за техническое въ наукѣ, мы осмѣливаемся придать названіе *мужицкихъ* всѣмъ полубогатымъ и совершенно бѣднымъ рифмамъ: а такія часто встрѣчаются въ етомъ посланіи, напр.: тебя — зря — бродя; ножемъ — перстомъ; тебѣ — семьѣ — въ простотѣ; окриленный — бездны; духовныхъ — безплотныхъ; устремя — меня — тебя.

Москва! при имени твоемъ
Рука до *полноженъ* мечъ острый обнажаетъ.

Что за слово: до *полноженъ*? Оно похоже на какой-то неудачный каламбуръ. Впрочемъ, мы скорѣе готовы думать, что рука Сочинителя въ ето время старалась потуже очинить перо.

Свой Царь, Отечество, свобода, вѣра, честь,
Душѣ сильнѣй вѣщ*аетъ*.

Для чего по крайней мѣрѣ не обѣ руки до полноженъ мечъ острый обнажаютъ? Въ такомъ случаѣ Стихотворецъ не былъ бы принужденъ, для рифмы, послѣ шести подлежащихъ поставить сказуемое въ единственномъ числѣ, на перекоръ грамматикѣ.

Поля Тарутина, холмы Бородина,
Нашъ Мараѳонъ и Ѳермопилы.

Эти же самые стихи мы находимъ въ одномъ стихотвореніи г-на Иванчина-Писарева. Les beaux esprits se rencontrent!

Знакомецъ лѣсъ . . . .

Не братъ-ли онъ *роднаго ока*, которое намъ когда-то случилось видѣть въ томъ же Журналѣ? О тайна *словошвенья!*

И брегъ Москвы рѣки, обставленный горами.

Какъ выискано это слово *обставленный*, и какъ оно не у мѣста!

Вотъ златоглавая обитель женъ, дѣвицъ,
Съ оградой, *кольями*, рѣшетками, крестами.

Эти колья чрезвычайно оживляютъ картину! Кажется, они такъ и торчатъ передъ глазами *)...

Пусть мнѣ будетъ позволено сдѣлать отступленіе, и обратиться съ просьбою къ самому Сочинителю Посланія.— Разрѣшите, г. Сочинитель, нѣкоторыя мои недоумѣнія касательно сихъ стиховъ: ето будетъ очень полезно для меня и читателей моихъ и вашихъ, а вамъ доставитъ случай сообщить свѣту полезныя и остроумныя ваши замѣчанія. Indocti discant et ament meminisse periti! Для лучшей удобности, я предложу вопросы мои по пунктамъ:

1. Что хорошаго мечтать о такихъ важныхъ предметахъ, какъ тѣ, которые вы здѣсь приводите? Неправило-ли ето тѣхъ людей, о коихъ вы мечтали?

2. Почему въ стихотвореніи, коего главное достоинство должно составлять легкость слога, попадается, и еще не одинъ разъ, слово *глава*, когда говорится объ головѣ человѣческой? Также, хорошо ли сказать: *минуты свадушки?*

3. Какое особенное достоинство въ *смыслѣ*, когда онъ *брѣетъ себѣ бороду? Степеннѣе* ли онъ етаго дѣлается?

4. Почему къ стиху: *казалось, что не билъ, трепалъ Дашковъ*, нѣтъ рифмы?

5. Что значатъ: густыя уши? Неужели есть *уши жидкія*? И какимъ образомъ изъ сихъ густыхъ ушей *пробивались лавровыя вѣтви?* Находите ли вы ету картину пріятною для воображенія? Признаюсь, мнѣ кажется она еще *уродливѣе головы Черноморова брата, на челѣ которой поросъ черный лѣсъ*, уродливѣе потому, что совсѣмъ не у мѣста въ Посланіи.

*) Подобный разборъ продолжается еще на двухъ страницахъ.
Примѣч. В. Зелинскаго.

6. Наконецъ, есть ли во всѣхъ сихъ ѣдкихъ шуткахъ та замысловатая острота, которую называютъ Аттическою солью? – Вы весьма меня (и надѣюсь, многихъ) одолжите вашими объясненіями на сіи пункты.

Подкопанъ тронъ, въ крови *потопло* Царство,
На *плахъ* добрый Царь
И *опрокинутый* олтарь.

Г. Рецензентъ Поемы *Русланъ и Людмила*, разбирая стихъ: „въ пустыню кто тебя занесъ?“ замѣчаетъ, что слово *занесъ* говорится только въ шутливомъ тонѣ, и что ему кажется, будто бы сей Поемѣ оный неприличенъ. Здѣсь мы можемъ спросить: какому тону приличны выраженія: *подкопанъ*, говоря о тронѣ, *потопло* Царство, вмѣсто потонуло; на *плахъ*, вмѣсто на эшафотѣ или лобномъ мѣстѣ: олтарь *опрокинутый*, вм. ниспроверженный или разрушенный? Какое странное сочетаніе словъ, кои сообщаютъ понятіе о предметахъ высокихъ и внушающихъ благоговѣніе, съ словами низкими, приличными только *Енеидѣ на изнанку*, или *Елисею* Майкова! не говоря уже, что слово *потопло* есть областное, которое не можетъ быть употреблено ни въ какомъ слогѣ *)...

. . . . *Одинокій*
И *молчаливый* кабинетъ,
Отъ спальни столь далекій.

Въ разборѣ Поемы г-на Пушкина сказано было, по поводу выраженія *дикій пламень*, что *мы скоро станемъ писать*: ручной пламень, ласковый, вѣжливый пламень. Видно, что подобное тому писали и въ 1816 году; ибо, если можно сказать: *одинокій и молчаливый кабинетъ*, то почему же не написать: *самъ-другъ, самъ-третей кабинетъ; шумливый, бранчивый кабинетъ?*...

Отъ *скуки свѣчка дремлетъ.*

Снова принимаемся за разборъ Поемы *Русланъ и Людмила*. Тамъ сказано: „*коротать нѣмой мракъ* смѣло до невѣроят-„ности, и если допустить сіе выраженіе, то можно будетъ

*) Далѣе идутъ замѣчанія критика относительно словоударенія разбираемой имъ пьесы. *Примѣч. В. Земскаго.*

„написать: *говорящій мракъ*, *болтающій мракъ*, *болтунъ мракъ*; „*спорящій мракъ*; *мракъ дѣлающій неблагопристойные вопросы* „и не краснѣя на нихъ *отвѣчающій*: жалкій, пагубный „мракъ!“ —Здѣсь еще лучше: *свѣча одушевляется*, *чувствуетъ скуку и дремлетъ*. Слѣдовательно, она можетъ также *жрать*, *бодрствовать*, *пѣть* или *плясать*, если ей вздумается...

Ученыхъ вѣжливые споры,
Миролюбивыя ихъ ссоры.

А! а! Заглянемъ въ разборъ Руслана. Пушкинъ сказалъ: *бранился молчаливо*; посмотримъ, что говоритъ объ етомъ г-нъ Рецензентъ. „Желаніе сочетавать слова, не „соединяемыя по своей натурѣ, заставитъ, можетъ быть, „написать: *молчаливый крикъ*, *ревущее молчаніе*: здѣсь моло„дой Поэтъ заплатилъ дань огерманизованному вкусу на„шего времени. Счастливъ онъ, что его собственный вкусъ „вѣренъ, и даетъ себя рѣдко обмануть! Стократно сча„стливъ, въ сравненіи съ тѣми жалкими стихотворцами, ко„торые прямо изъ за букваря начали сочинять стихи, и у „которыхъ и Грамматика, и Синтаксисъ, и выраженія взяты „изъ Готтедовой Нѣмецкой Грамматики. Русскій языкъ ужа„сно страдаетъ подъ ихъ перомъ, очиненнымъ на маперъ „Шиллерова“.—Это значитъ, сколько я понимаю, что Стихотворцы, сближая понятія совершенно противоположныя и несовмѣстныя, подражаютъ въ семъ случаѣ дурному вкусу нынѣшнихъ Нѣмецкихъ писателей и нарушаютъ правдоподобіе. Когда рѣшились употребить выраженіе: *миролюбивыя ссоры*; кто знаетъ, что намъ еще не скажутъ: *бранчивый учтивецъ*, *нѣжныя проклятія*, *мирная драка*, *ласковая оплеуха*?

Разборъ Поэмы: Русланъ и Людмила напечатанъ въ 1820 году; Посланіе къ женѣ и друзьямъ написано въ 1816, а напечатано въ 1821: сблизивъ всѣ сіи обстоятельства, какъ не подивиться, что г. Сочинитель Посланія самъ отдалъ дань тому же огерманизованному вкусу, который онъ находитъ толь страннымъ, и что самъ очинилъ перо свое на маперъ любого изъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ писателей? Какъ не подивиться, что онъ не могъ у себя исправить той

ошибки, за которую дѣлаетъ укоризну другимъ? — Правъ Латинскій баснописецъ, говоря, что мы

Widere nostra mala non possumus,
Alii simul delinquunt, censores sumus.

Изъ „Вѣстника Европы“ 1821 г. Статья Семена Осетрова.

* * *

*) Нota: Піэса сія доставлена при слѣдующей запискѣ:

Небольшія критическія замѣчанія сіи, почтенный Издатель *Рецензента!* на поэму г. Пушкина, написаны были вскорѣ послѣ извѣстной Критики на оную, помѣщенной въ *Сынѣ Отечества*. Нѣкоторыя обстоятельства помѣшали мнѣ тогда же напечатать замѣчанія сіи. И такъ покорнѣйше прошу васъ, М. Г., помѣстить оныя въ Газетѣ вашей: лучше позже, нежели никогда **).

Существенное достоинство поэмы Г. Пушкина, по мнѣнію моему, заключается въ прелести слога: существенный недостатокъ оной нахожу въ бѣдности интересовъ: слѣдовательно, въ поэмѣ Г. Пушкина мало воображенія, или лучше сказать мало вымысловъ.

Версификація Г. Пушкина, говоря вообще, прекрасна; сравненія вѣрны и живописны. Мысли свои выражаетъ онъ всегда смѣло, легко и пріятно. Начало поэмы холодно. Читая сіе произведеніе, я восхищался многими прелестными описаніями: напримѣръ: описаніемъ *садовъ*, *древняго поля битвы*, Хазарскаго Хана, сдѣлавшагося *рыбакомъ* и проч. Словомъ, прелесть поэзіи, но не интересъ дѣйствія, увлекаетъ читателя.

Романтическая поэма Г. Пушкина написана въ родѣ *Роланда* Аріоста и Баярда, *Оберона* Виланда, *Рихардета* Фортигьеры и, можетъ быть, *Орлеанской дѣвы* Вольтера. Далеко стихотворецъ нашъ отсталъ отъ Аріоста, единственнаго Аріоста, которому, впрочемъ, иногда подражалъ онъ

---

*) „Рецензентъ“ 1821 г., № 5. „Мои мысли о романтической поэмѣ Г. Пушкина: *Русланъ и Людмила*“.

**) Не во всякомъ случаѣ. *Примѣч. издат. „Рецензента“*.

довольно успѣшно. Поэму сего пѣвца Италіанскаго можно уподобить длинной золотой цѣпи, которой каждое звѣно составлено изъ интереса или дѣйствія. Виландъ, уступающій Аріосту, пальма первенства въ способности изобрѣтенія піитическаго, превосходитъ въ оной Г. Пушкина. *Гіонъ*, отправившійся въ Багдадъ, по приказанію Карла Великаго, дабы вырвать у Калифа—съ его позволенія—четыре коренныхъ зуба и клокъ волосъ изъ почтенной бороды его, и проч. (что составляетъ главный или общій интересъ поэмы Виланда), несравненно для меня занимательнѣе *Руслана*, пустившагося въ путь отыскивать супругу свою, похищенную—безъ всякой причины—волшебникомъ Черноморомъ (дѣйствіе, составляющее главный или общій интересъ поэмы Г. Пушкина). Я ожидалъ, что стихотворецъ нашъ поведетъ Героя своего сквозь тысячи различныхъ препятствій; словомъ, что онъ будетъ роскошно черпать изъ источника *чудеснаго*; однако я обманулся. Существенное достоинство поэмъ романтическихъ заключается въ изобиліи вымысловъ: этимъ-то именно достоинствомъ бѣдна поэма Г. Пушкина. Также я не нахожу въ оной ни блестящихъ мыслей, ни мѣстъ патетическихъ; а дѣйствія или описанія патетическія суть вѣрнѣйшія средства, чтобы двигать пружины сердца человѣческаго. Прелестная Аманса (въ *Оберонѣ*), терзаемая жаждою и гладомъ на необитаемомъ островѣ, извлекаетъ у меня слезы; Людмила, напротивъ, заключенная въ замкѣ волшебника Черномора, часто смѣшитъ меня. Познаніе сердца человѣческаго есть наука трудная, впрочемъ, необходимая для писателя.

Одинъ изъ почтенныхъ и первокласныхъ нашихъ Литераторовъ охуждаетъ *обращенія* или *прологи*, которыми Г. Пушкинъ, слѣдуя Аріосту, начинаетъ каждую пѣснь своей поэмы. Въ этомъ я съ нимъ не согласенъ; мнѣ кажется, что сіи *обращенія* или *прологи* Г. Пушкина довольно забавны, остроумны, легки и пріятны; впрочемъ, это дѣло, касающееся до частностей вкуса. Сей же самый Писатель порицаетъ также нескромность Г. Пушкина. Не опровергая мнѣніе сіе, скажу только, что должно отличать вольности

непростительныя отъ позволительныхъ, въ особенности стихотворцу романтическому. Тицiанъ и Альбани не могутъ назваться нескромными живописцами потому, что они изображали прелестною кистью наготу тѣла.—„Мнѣ кажется (говоритъ младшiй Плинiй), что истинное правило, касательно поэзiи легкой, заключается въ слѣдующихъ стихахъ:

Nam castum esse docet pium Poëtam
Ipsum, versiculos nihil necesse est;
Qui tunc denique habent salem et leporem,
Si sunt molliculi et parum pudici.

Впрочемъ, я весьма желалъ бы, чтобы Г. Пушкинъ на первую ночь брака Руслана и Людмилы набросилъ покровъ—по крайней мѣрѣ флеровый.

Въ слогѣ Г. Пушкина, хотя оный, говоря вообще, прекрасенъ, я замѣтилъ нѣкоторыя погрѣшности противъ чистоты, нѣкоторыя неравенства и неправильности. Напримѣръ:—„Скачками мчится *отъ* пса, *нварился* бой, *ищетъ позабыться* сномъ“—и другiя подобныя. Впрочемъ, не должно оскорбляться малыми пятнами сочиненiя, вообще блестящаго прелестiю поэзiи.

Окончанiе поэмы бѣдно. Хазарскiй Ханъ, для дѣйствiя оной, лице совершенно лишнее. Трусъ *Фарлафъ* нисколько не смѣшитъ меня; я желалъ бы, чтобы характеръ его былъ представленъ разительнѣе. Вообще поэма сiя мало, такъ сказать, приправлена солью Аттическою.

И такъ, кончу тѣмъ, съ чего началъ. Существенное достоинство поэмы Г. Пушкина, по мнѣнiю моему, заключается въ прелести поэзiи: существенный недостатокъ оной нахожу въ бѣдности интересовъ. Впрочемъ, сочиненiе сiе можетъ по справедливости назваться прекраснымъ цвѣткомъ Русскаго Парнаса.

Изъ „Рецензента“ 1821 г.

1822 г.

*) Пѣвецъ Руслана и Людмилы даритъ насъ новымъ, прекраснымъ произведеніемъ легкаго, пламеннаго, краснорѣчиваго пера („Кавказскій Плѣнникъ“). Пребываніе Поэта въ піитической странѣ, видѣвшей страданія Прометея и пребытіе Аргонавтовъ Греческихъ, въ странѣ и нынѣ отличной воинственными, романтическими нравами своихъ жителей, побудило его воспѣть дикія красоты ея, и оживить картину Кавказскихъ горъ повѣстію о происшествіяхъ, какія нерѣдко случаются въ тѣхъ мѣстахъ. Любители *истинной* Поэзіи найдутъ въ семъ небольшомъ, изящномъ стихотвореніи пріятную для себя пищу.—

Выписываемъ заключеніе Поэмы:

Такъ Муза, легкій другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала,
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ.
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторитъ она
Преданья грознаго Кавказа:
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,

---

*) „Сынъ Отечества“ 1822 г., ч. 80, № 35. „Современная Русская Библіографія“.

Мстислава древній поединокъ,
Измѣны, гибель Россіянъ
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ;
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ Русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ съ дерзостнымъ челомъ
Явился пылкій Цицiановъ.
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...
Но се—Востокъ подъемлетъ вой!...
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ, идетъ Ермоловъ!
И смолкнулъ ярый кликъ войны;
Все Рускому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

Къ сему изданію приложенъ портретъ Автора, въ молодости съ него рисованный, и весьма похожій. Издатели

сей Повѣсти говорятъ: „думаемъ, что пріятно сохранить юныя черты Поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ!“

Изъ „Сына Отечества“ 1822 г.

*
* *

*) Прекраснѣйшія картины, списанныя съ натуры мастерскою рукою; естественный и благородный разсказъ; легкая и исправная версификація **) — вотъ главнѣйшія достоинства сей новой Поэмы („Кавказскій Плѣнникъ“) перваго изъ молодыхъ нашихъ стихотворцевъ А. С. Пушкина. Ни въ одномъ изъ нашихъ Поэтовъ не расцвѣталъ, такъ сказать, столь рано талантъ и не созрѣвалъ столь скоро, какъ въ любезномъ Пѣвцѣ *Руслана и Людмилы*. Сія прежняя его Поэма отличается непринужденною шутливостію, замысловатостію, остроуміемъ; напротивъ того, въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, соотвѣтственно содержанію онаго, видно вездѣ какое-то трогательное уныніе, картины совсѣмъ другаго рода, болѣе чувства, болѣе силы, болѣе возвышенной Поэзіи. Мы помѣстили въ началѣ сей книжки одинъ отрывокъ изъ *Кавказскаго Плѣнника*, подъ заглавіемъ: *Воинскія упражненія и игры Черкесовъ*. Это *классическое стихотворное описаніе* безъ сомнѣнія понравится всѣмъ просвѣщеннымъ любителямъ Словесности. Ожидаемъ подробнаго и весьма основательнаго разбора *Кавказскаго Плѣнника*, который имѣли удовольствіе слышать и который въ скоромъ времени напечатанъ будетъ въ Журналѣ *Соревнователь Просвѣщенія*.

Изъ „Благонамѣреннаго“ 1822 г.

*
* *

---

*) „Благонамѣренный“ 1822 г., ч. 19. № 36. (Статья II., подъ рубрикой: „Извѣстія о новыхъ книгахъ 1822 года“).

**) Жаль только, что и здѣсь встрѣчаются нынѣшнія модныя слова и выраженія, напримѣръ: *приманъ*, *сладострастіе*, *молодая жизнь*, также нѣкоторые излишніе и изысканные *эпитеты*.

Примѣч. изд. „Благонамѣреннаго“ (А. Измайлова).

*) Повѣсть *Кавказскій Плѣнникъ* написана въ родѣ новѣйшихъ Англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона. Разсматривая Шильонскаго Узника, мы замѣтили, что въ нихъ Поэтъ не предается вымысламъ чудеснаго, не составляетъ обширнаго повѣствованія—но, избравъ одинъ случай въ жизни своего героя, ограничивается отдѣлкою картинъ, представляющихся воображенію, смотря по всѣмъ обстоятельствамъ, сопровождающимъ главное дѣйствіе. Въ подобныхъ сочиненіяхъ выборъ происшествія, мѣстныя описанія и опредѣленность характера дѣйствующихъ лицъ составляютъ главное.

Происшествіе въ разсматриваемомъ нами сочиненіи самое простое, но вмѣстѣ самое поэтическое. Одинъ Руской взятъ въ плѣнъ Черкесами. Сдѣлавшись рабомъ ихъ, закованный въ желѣзы, онъ осужденъ смотрѣть за стадами. Сострадавіе рождаетъ любовь къ нему въ молодой Черкешенкѣ. Она своимъ нѣжнымъ участіемъ силится облегчить тяжелое бремя его рабства. Плѣнникъ, преслѣдуемый первою несчастною любовью, которую узналъ онъ еще въ своемъ отечествѣ, равнодушно принимаетъ ласки сострадательной своей утѣшительницы. Все его вниманіе устремлено на любопытный образъ жизни дикихъ своихъ властителей. (Здѣсь оканчивается первая часть Повѣсти). Подруга плѣнника, увлекаемая своею страстью и мучимая его холодною задумчивостію, силится пробудить въ немъ любовь всѣми ласками чистосердечной своей привязанности. Тронутый ея положеніемъ, онъ открываетъ свою тайну, что сердце его отдано другой. Взаимная горесть ихъ разлучаетъ на нѣсколько времени. Между тѣмъ внезапная тревога уводитъ въ одинъ день всѣхъ Черкесовъ изъ селенія къ хищническому ихъ набѣгу. Оставленный плѣнникъ видитъ передъ собою нѣжную свою Черкешенку. Она побѣждаетъ свою пламенную любовь, распиливаетъ оковы плѣнника, и открываетъ ему путь въ отечество. Руской, переплывъ Ку-

*) „Соревнователь Просвѣщенія 1822 г., № 10. Статья Плетнева, подъ заглавіемъ: „*Кавказкій Плѣнникъ*. Повѣсть А. Пушкина“.

банъ, обращается съ берега, чтобъ еще разъ взглянуть на великодушную свою избавительницу, но исчезающій кругъ плеснувшихъ водъ сказываетъ ему, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Симъ оканчивается повѣсть.

Изъ этого содержанія видно, что происшествіе въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* можно бы сдѣлать и разнообразнѣе и даже полнѣе. По обыкновенному понятію о подобныхъ происшествіяхъ, надобно сказать, что ходъ страсти, которая бываетъ изобрѣтательна и неутомима, слишкомъ здѣсь коротокъ. Еще болѣе остается неполнымъ разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна. Нельзя не пожелать, чтобы онъ, хотя въ другой поэмѣ, явился намъ, и познакомилъ насъ съ своею судьбою. Впрочемъ, это не было бы новостію: подобныя появленія встрѣчаются въ поэмахъ Байрона.

Мѣстныя описанія въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* рѣшительно можно назвать совершенствомъ поэзіи. Повѣствованіе можетъ лучше обдумать стихотворецъ и съ меньшими дарованіями противъ Пушкина; но его описанія Кавказскаго края навсегда останутся первыми, единственными. На нихъ остался удивительный отпечатокъ видимой истины, понятной, такъ сказать, осязаемости мѣстъ, людей, ихъ жизни и ихъ занятій, чѣмъ мы не слишкомъ богаты въ нашей поэзіи. Мы часто видимъ усилія людей, которые описываютъ, не въ состояніи будучи сами дать себѣ отчета въ мѣстности: потому что они знакомы съ нею по одному воображенію. Описанія въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* превосходны не только по совершенству стиховъ, но потому особенно, что подобныхъ имъ нельзя составить, не видавъ собственными глазами картинъ природы. Сверхъ того, сколько смѣлости въ начертаніи оныхъ, сколько искуства въ отдѣлкѣ! Краски и тѣни, т. е. слова и разстановка ихъ, перемѣняются, смотря по различію предметовъ. Стихотворецъ то отваженъ, то гибокъ, подобно разнообразной природѣ этого дикаго Азіатскаго края. Чтобы читателямъ понятнѣе сдѣлались наши наблюденія, мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя мѣстныя описанія.

„Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ,
Недвижимъ, на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи;
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Олень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужь гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались.
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ“.

Пусть любопытные сравнятъ эту грозную и вмѣстѣ плѣнительную картину, въ которой каждый стихъ блеститъ новою, приличною ему, краскою, съ описаніемъ окрестностей Бонниваровой темницы, которое сдѣлалъ Байронъ въ своемъ *Шильонскомъ Узникѣ*; тогда легче можно будетъ судить, какъ счастливо, въ одинакихъ обстоятельствахъ, побѣждаетъ нашъ поэтъ Англійскаго. Байронова картина, поставленная подлѣ этой, покажется легкимъ, слабымъ очертаніемъ, кинутымъ съ самаго общаго взгляда.

Мы пропускаемъ въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* другое описаніе, гдѣ изображено вѣрною и быстрою кистію искуство

Черкесовъ, съ какимъ они производятъ опыты отважныхъ своихъ набѣговъ. Даръ поэзіи и сила воображенія могли бы еще навести стихотворца къ составленію хотя подобной картины, если бы онъ и не былъ самъ въ тѣхъ мѣстахъ. Но не можемъ не привести описанія любимой между Черкесами воинской хитрости, которой никакъ не поймать воображеніемъ, если бы стихотворецъ самъ не былъ въ краю, имъ описываемомъ.

„Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженый грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, Казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки,
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, Казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась—и падаетъ Казакъ
Съ окровавленнаго кургана“.

Загадочное начало описанія, подобно тайному предпріятію Черкеса, манитъ читателя къ развязкѣ, и поддерживаетъ

до конца всю занимательность, которая соединена съ любопытствомъ. Но развязка, какъ внезапная смерть Казака, мгновенна. Всѣ сіи мѣстныя частности, схваченныя съ природы, придаютъ поэзіи неизъяснимую и прочную красоту. Величайшіе стихотворцы, особенно древніе, преимущественно держались этого правила—и потому ихъ картины ничего не имѣютъ однообразнаго и утомительнаго. Мы могли бы привести еще множество примѣровъ, для доказательства главнаго нашего мнѣнія, что *Кавказкій Плѣнникъ* по своимъ мѣстнымъ описаніямъ есть совершеннѣйшее произведеніе нашей поэзіи, но предоставляемъ читателямъ самимъ повѣрить наше сужденіе по цѣлому сочиненію: отрывки не могутъ произвести такого впечатлѣнія, какъ вся поэма.

Въ *Кавказкомъ Плѣнникѣ* (какъ можно уже было видѣть изъ содержанія) два только характера: Черкешенки и Рускаго плѣнника. Намъ пріятнѣе сначала говорить о характерѣ первой, потому что онъ обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ второго. Все, что могутъ только представить воображенію поэта нѣжная сострадательность, трогательное простодушіе и первая невинная любовь—все изображено въ характерѣ Черкешенки. Она, повидимому, такъ открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ.

„Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины,
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся Руской. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотритъ онъ,
И мыслитъ: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая.
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладной
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
Онъ ловитъ жадною душой

Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорной,
Привсталъ—и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой;
Но все къ Черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она задумчиво сидѣла;
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались;
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись“.

Чтобы живѣе представить всю трогательную прелесть появленія Черкешенки, надобно знать, что плѣнникъ находился въ это время въ ужасномъ положеніи: привлеченный въ селеніе на арканѣ, обезображенный ужасными язвами и закованный въ цѣпи, онъ жадно ждалъ своей смерти — и вмѣсто нея, въ видѣ богини здравія, приходитъ къ нему его избавительница.

„За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры темная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной;
Когда же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ, и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено.
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ;

На немъ покоитъ нѣжный взоръ;
Съ неясною рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой;
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой“.

Мы не останавливаемся на красотѣ каждаго стиха порознь. Такой разборъ заставилъ бы насъ утомить читателей однообразными восклицаніями. Намъ хочется только дать ясное понятіе объ этомъ характерѣ, который навсегда останется у насъ мастерскимъ произведеніемъ — и потому мы принуждены выбирать мѣста, гдѣ поэтъ умѣлъ раскрыть всю душу своей героини. Послушаемъ, какъ она силится въ уныломъ плѣнникѣ пробудить чувство любви, которая побѣдила ея сердце:

.........Плѣнникъ милый!
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь:
Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня: никто донынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата:
Но умолю отца и брата;
Не то—найду кинжалъ иль ядъ.
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена;
Люблю тебя, невольникъ милой,
Душа тобой упоена“...

Можетъ ли страсть говорить убѣдительнѣе? Это мѣсто приводитъ намъ на память нѣжную Мовну, съ такимъ же про-

стосердечіемъ изображающую любовь свою къ Фингалу. Но въ частной отдѣлкѣ нѣтъ ничего общаго между Озеровымъ и Пушкинымъ; потому что лица, ими описываемыя, взяты изъ разныхъ климатовъ и находились въ разныхъ положеніяхъ. Надобно замѣтить, съ какимъ искуствомъ воспользовался Пушкинъ пламеннымъ и частію неистовымъ характеромъ дикихъ Горцевъ, который долженъ виденъ быть и въ самой невинной Черкешенкѣ! Она, при одной мысли о невольномъ замужествѣ, рѣшительно произноситъ: *найду кинжалъ иль ядъ.* Послѣ столь нѣжнаго изъявленія любви своей она слышитъ отъ него ужасный себѣ приговоръ: плѣнникъ уже не властенъ надъ своимъ сердцемъ. Какой быстрый и сильный долженъ послѣдовать переходъ въ ея душѣ отъ надежды къ отчаянію!

„Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая:
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ;
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука;
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася:
„Ахъ Руской, Руской! Для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася?
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала;
Немного радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала!
Придутъ ли вновь когда-нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?...
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ—лаской притворной;
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга:
Ты не хотѣлъ . . . . . “

Стихотворецъ ничего не опустилъ, чтобы довершить изображеніе этого простодушнаго и нѣжнаго характера. Приведенное нами мѣсто можно назвать образцомъ искуства, какъ привлекать участіе читателей къ дѣйствующимъ въ поэмѣ лицамъ.

Между тѣмъ мы не находимъ такой опредѣленности въ характерѣ плѣнника. Кажется, что это недоконченное лице. Есть мѣста, которыя возбуждаютъ и къ нему живое участіе.

Когда такъ медленно, такъ нѣжно
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь,
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою“.

Или—гдѣ еще яснѣе сказано:

„Не плачь! И я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ! Я не зналъ любви взаимной;
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь“...

Прочитавъ сіи стихи, каждый составилъ бы ясное понятіе о характерѣ человѣка, преданнаго нѣжной любви къ милому предмету, отвергшему его роковую страсть. Въ

этомъ одномъ видѣ плѣнникъ составлялъ бы самое занимательное лице въ поэмѣ. Но въ другихъ мѣстахъ къ изображенію плѣнника примѣшаны посторонія и затемняющія его характеръ черты. Напримѣръ, сочинитель говоритъ, что плѣнникъ лишился отечества,

„. . . . . . Гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье—
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
. . . .
. . . .
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну:
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы“.

По этому описанію воображеніе то представляетъ человѣка, утомленнаго удовольствіями любви, то возненавидѣвшаго порочный свѣтъ, и радостно оставляющаго родину, чтобъ сыскать лучшій край. На первую мысль сочинитель попадаетъ и въ другомъ мѣстѣ.

„Забудь меня; *твоей любви,*
Твоихъ восторговъ я не стою.
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другаго юношу зови.
. . . .
. . . .
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей“.

Столь неясныя слова въ устахъ человѣка, пламенно любимаго, рождаютъ о немъ странныя мысли. Ему бы легче и благороднѣе было отказаться отъ новой любви постоянною своею привязанностію, хотя первая любовь его и отвергнута: тѣмъ вѣрнѣе онъ заслужилъ бы состраданіе и уваженіе Черкешенки. Между тѣмъ, слова: *твоихъ восторговъ я не стою,* или: *безъ желаній я вяну жертвою страстей*— охлаждаютъ всякое къ нему участіе. Несчастный любовникъ могъ бы сказать ей: „мое сердце чуждо новой любви“; но кто имѣетъ причину признаваться, что онъ *не стоитъ восторговъ* невинности, тотъ разрушаетъ всякое очарованіе на счетъ своей нравственности. Вотъ, что заставило сказать насъ, что характеръ Рускаго въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* не совсѣмъ обдуманъ, и слѣдственно не совсѣмъ удаченъ. Впрочемъ, встрѣчая въ этой поэмѣ пропуски, означенные самимъ сочинителемъ, мы полагаемъ, что какія-нибудь обстоятельства заставили его представить публикѣ свое произведеніе не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его состояніи.

Къ числу небольшихъ ошибокъ въ стихахъ мы относимъ въ сей поэмѣ слѣдующее мѣсто:

„Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Остановлялъ онъ долго взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ“.

Въ другомъ мѣстѣ:

„*Но Европейца все вниманье*
Народъ сей чудный привлекалъ“.

Первый стихъ вышелъ очень прозаическій.

Сіи почти единственныя и маловажныя ошибки замѣнены безпрерывными, неподражаемыми красотами истинной поэзіи. Критика не можетъ и не должна говорить хладнокровно о подобныхъ произведеніяхъ, потому что они питаютъ образованный вкусъ; они одними своими появленіемъ уничтожаютъ ложно-прекрасное, очищаютъ поле словесности и разрѣшаютъ шумные толки невѣжества и пристрастія.

Пушкинъ, одаренъ будучи истиннымъ и оригинальнымъ талантомъ, идетъ наравнѣ съ другими превосходными поэтами нашего времени. Конечно, онъ не безъ ошибокъ. Въ первой его поэмѣ: *Русланъ и Людмила*, есть погрѣшность въ планѣ; главныя лица могли бы явиться занимательнѣе, полнѣе и болѣе обнаружить силы въ характерахъ; но сіи ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическомъ, требующемъ величайшихъ соображеній и зрѣлости генія. Можно ручаться, что постоянное вниманіе и любовь къ своему искуству доведутъ его до того совершенства въ планахъ, которое теперь такъ видимо въ частныхъ отдѣлкахъ его произведеній.

Изъ „Соревнователя Просвѣщенія“ 1822 г. Статья Плетнева.

*
* *

[1]) Неволя была, кажется, Музою вдохновительницею нашего времени. *Шильонскій Узникъ* и *Кавказскій Плѣнникъ*, слѣдуя одинъ за другимъ, пѣніемъ унылымъ, но вразумительнымъ сердцу, прервали долгое молчаніе, царствовавшее на Парнассѣ нашемъ. Недавно сожалѣли мы о рѣдкомъ явленіи прозаическихъ твореній, но едва-ли и стихотворческія произведенія не также рѣдко мелькаютъ на поприщѣ пустынной нашей Словесности. Мы богаты именами Поэтовъ, но бѣдны твореніями. Эпоха, ознаменованная дѣятельностію Хераскова, Державина, Дмитріева, Карамзина, была гораздо плодороднѣе нашей. Слава ихъ не пресѣкалась долгими промежутками, но росла постепенно и безпрерывно. Нынѣ уже не существуетъ постоянныхъ сношеній между современными Поэтами и читателями: разумѣется, говоримъ единственно о сношеніяхъ, основанныхъ на взаимности, а не о тѣхъ насильственныхъ и одинокихъ сношеніяхъ Поэта, упорно осаждающаго публику посылками, отъ коихъ она непреклонно отказывается. Явленіе упомянутыхъ произведеній, коими обязаны мы лучшимъ Поэтамъ нашего времени,

[1]) „Сынъ Отечества“ 1822 г., ч. 82, № 49. „О Кавказскомъ Плѣнникѣ, Повѣсти А. Пушкина“. Статья князя Вяземскаго.

означаетъ еще другое: успѣхи посреди насъ *Поэзіи романтической*. На страхъ оскорбить присяжныхъ приверженцевъ старой Парнасской династіи, рѣшились мы употребить названіе еще для многихъ у насъ дикое, и почитаемое за хищническое и беззаконное *). Мы согласны: отвергайте названіе, но признайте существованіе. Нельзя не почесть за непоколебимую истину, что Литература, какъ и все человѣческое, подвержена измѣненіямъ: они многимъ изъ насъ могутъ быть не по сердцу, но отрицать ихъ невозможно, или безразсудно. И нынѣ, кажется, настала эпоха подобнаго преобразованія. Но вы, Милостивые Государи, называете новый родъ чудовищнымъ потому, что почтеннѣйшій Аристотель съ преемниками вамъ ничего о немъ не говорили. Прекрасно! Такимъ образомъ и ботаникъ долженъ почесть уродливымъ растеніе, найденное на неизвѣстной почвѣ, потому что ни Линней, ни Бошаръ не означили его примѣтъ; такимъ образомъ и географъ признавать не долженъ существованія острововъ, открытыхъ великодушною и просвѣщенною щедростію Румянцева, потому что о нихъ не упомянуто въ землеописаніяхъ, изданныхъ за годъ до открытія. Такое разсужденіе могло бъ быть основательнымъ, если бъ Природа и Геній, на смѣхъ вашимъ законамъ и границамъ, не слѣдовали въ твореніяхъ своихъ однимъ вдохновеніямъ смѣлой независимости, и не сбивали ежедневно съ мѣста вашихъ *Геркулесовыхъ столповъ*. Жалкая неудача! Вы водружаете ихъ съ такою важностью и съ такимъ напряженіемъ, а они разметываютъ ихъ съ такою легкостью и небрежностью! Во Франціи еще понять можно причины войны, объявленной такъ называемому *романтическому роду*, и признать право его противниковъ. Народная гордость, одна и безъ союза предубѣжденій, ко-

*) Противники *Поэзіи романтической* у насъ устремляютъ въ особенности удары свои на пораженіе нѣкоторыхъ словъ, будто *модныхъ*, будто *новыхъ*. *Даль, таинственная даль, туманная даль* болѣе прочихъ выраженій возбуждаетъ ихъ классическое негодованіе. Такъ нѣкогда слово *милое* было у нѣкоторыхъ опалено клеймомъ отверженія. Когда увѣрятся всѣ эти *немилые* и *недальные* Литераторы, что привязчивость къ однимъ только словамъ была, есть и будетъ всегда (въ Литературѣ) любимымъ орудіемъ и вѣрнѣйшею вывѣскою ничтожности? *Соч.*

торыя всегда стоятъ за бывалое, должна ополчиться на защиту славы, утвержденной отечественными Писателями, и угрожаемой нынѣ нашествіемъ чужеземныхъ. Такъ называемые классики говорятъ: „зачѣмъ принимать намъ законы отъ Шекспировъ, Бейроновъ, Шиллеровъ, когда мы имѣли своихъ Расиновъ, Вольтеровъ, Лагарповъ, которые сами были законодателями иностранныхъ Словесностей, и даровали языку нашему преимущество быть языкомъ образованнаго свѣта?“—Но мы о чемъ хлопочемъ, кого отстаиваемъ? Имѣемъ ли уже Литературу отечественную, пустившую глубокіе корни, и ознаменованную многочисленными, превосходными плодами? До сей поры малое число хорошихъ Писателей успѣли только дать нѣкоторый только образъ нашему языку; но образъ Литературы нашей еще не означился, не прорѣзался.—Признаемся со смиреніемъ но и съ надеждою: есть языкъ Рускій, но нѣтъ еще Словесности, достойнаго выраженія народа могущаго и мужественнаго! Что кинуло нашъ Театръ на узкую дорогу Французской Драматургіи? Слабые и неудачные сколки Сумарокова съ правильныхъ, но блѣдныхъ подлинниковъ Французской Мельпомены. Кромѣ Княжнина и Озерова, какое дарованіе отличное запечатлѣло направленіе, данное Сумароковымъ? Для каждаго, неограниченнаго предубѣжденіемъ, очевидно, что нашъ единственный Трагикъ, если не формами, то, по крайней мѣрѣ, духомъ своей Поэзіи, совершенно отчуждался отъ Французской школы.—Поприще нашей Литературы такъ еще просторно, что, не сбивая никого съ мѣста, можно предположить себѣ цѣль, и безпрепятственно къ ней подвигаться. Намъ нужны опыты, покушенія: опасны намъ не утраты, а опасенъ застой. И о чемъ сожалѣютъ тѣлохранители Писателей заслуженныхъ, которые въ самомъ дѣлѣ достойны были бы сожалѣнія, когда бы слова ихъ опирались единственно на подобныхъ защитниковъ? Несмотря на то, что пора торжественныхъ Одъ миновалась, принесенная Ломоносовымъ и въ одномъ стихотворномъ отношеніи, не утратила правъ на уваженіе и признательность. Достоинства хорошихъ Писателей не за-

тмятся ни раболѣпными и вялыми послѣдователями, ни отважными и пылкими указателями новыхъ путей.

Авторъ Повѣсти *Кавказскій Плѣнникъ* (по примѣру Бейрона въ Child-Harold) хотѣлъ передать читателю впечатлѣнія, дѣйствовавшія на него въ путешествіи. *Описательная Поэма*, *Описательное Посланіе* придаютъ невольно утомительное однообразіе разсказу. Авторъ на сценѣ представляетъ всегда какое то принужденное и холодное лицо: между имъ и читателемъ выгоднѣе для взаимной пользы имѣть посредника. Пушкинъ, созерцая высоты поэтическаго Кавказа, пораженъ былъ Поэзіею Природы дикой, величественной, Поэзіею нравовъ и обыкновеній народа грубаго, но смѣлаго, воинственнаго, красиваго; и какъ Поэтъ, не могъ пребыть въ молчаніи, когда все говорило воображенію его, душѣ и чувствованіямъ языкомъ новымъ и сильнымъ. Содержаніе настоящей Повѣсти просто и, можетъ быть, слишкомъ естественно: для читателя ея много занимательнаго въ описаніи, но мало въ дѣйствіи. Жаль, что Авторъ не приложилъ болѣе изобрѣтенія въ драматической части своей Поэмы: она была бы полнѣе и оживленнѣе. Характеръ Плѣнника новъ въ Поэзіи нашей, но сознаться должно, что онъ, не всегда выдержанъ, и, такъ сказать, не твердою рукою дорисованъ: впрочемъ, достоинство его не умаляется отъ нѣкотораго сходства съ героемъ Бейрона. Британскій Поэтъ не воображенію обязанъ характеромъ, приданнымъ его герою. Не входя въ изслѣдованіе мнѣнія почти общаго, что Бейронъ себя описывалъ въ изображеніи Child-Harold, утвердить можно, что подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества. Преизбытокъ силы, жизни внутренней, которая въ честолюбивыхъ потребностяхъ своихъ не можетъ удовольствоваться уступками внѣшней жизни, щедрой для однихъ умѣренныхъ желаній такъ называемаго благоразумія; необходимыя послѣдствія подобной распри: волненіе безъ цѣли, дѣятельность, пожирающая, неприкладываемая къ существенному; упованія, никогда несовершаемыя и вѣчно возникающія съ новымъ стремленіемъ — должны неминуемо по-

сѣять въ душѣ тотъ неистребимый зародышъ скуки, приторности, пресыщенія, которыя знаменуютъ харектеръ *Child-Harold*, *Кавказскаго Плѣнника* и имъ подобныхъ. Впрочемъ, повторяемъ: сей характеръ изображенъ во всей полнотѣ въ одномъ произведеніи Бейрона: у нашего Поэта онъ только означенъ слегка; мы почти должны угадывать намѣреніе Автора, и мысленно пополнять недоконченное въ его твореніи. Не лишнее однако же притомъ замѣтить, что въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ характеромъ своего героя, встрѣчаются пропуски, которые, можетъ быть, и утаиваютъ отъ насъ многія черты, необходимыя для совершеннѣйшаго изображенія. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Авторъ представляетъ героя своего равнодушнымъ, охлажденнымъ, но не безчеловѣчнымъ, и мы съ неудовольствіемъ видимъ, что онъ, избавленный отъ плѣна рукою страстной Черкешенки, которая послѣ этого подвига приноситъ на жертву жизнь уже для нея безъ цѣли, и съ коею разорвала она послѣднюю связь, не посвящаетъ памяти ея ни одной признательной мысли, ни одного сострадательнаго чувствованія.

Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Стихи хорошіе, но не соотвѣтствующіе естественному ожиданію читателя, коего живое участіе въ несчастномъ жребіи Черкешенки служитъ осужденіемъ забвенію Плѣнника и Автора.

Лице Черкешенки совершенно поэтическое. Въ ней есть какая-то неопредѣленность, очаровательность. Явленіе ея, конецъ—все представляется тайною. Мы знаемъ о ней только одно, что она любила—и довольны. И подлинно: жребій, добродѣтели, страданія, радости женщины, обязан-

ности ея не могутъ ли заключаться всѣ въ этомъ чувствѣ? По моему мнѣнію, женщина, которая любила, совершила на землѣ свое предназначеніе, и жила въ полномъ значеніи этого слова. Спѣшу пояснить строгимъ толкователямъ, что и слово *любить* пріемлется здѣсь въ чистомъ, нравственномъ и строгомъ значеніи своемъ. Кстати о строгихъ толкователяхъ, или, правильнѣе, *перетолкователяхъ*, замѣтимъ, что, можетъ быть, они поморщатся и отъ новаго произведенія Поэта пылкаго и кипящаго жизнію. Пускай ихъ мертвая оледенѣлость не уживается съ горячностію дарованія во цвѣтѣ юности и силы, но мы, съ своей стороны, уговаривать будемъ Поэта слѣдовать независимымъ вдохновеніямъ своей поэтической Эгеріи, въ полномъ увѣреніи, что бдительная цензура, которой нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ помощи посторонней удерживать Писателей въ предѣлахъ позволеннаго.—Впрочемъ, увѣщеваніе наше излишне: какъ истинной чести двуличною быть нельзя, такъ и дарованіе возвышенное двуязычнымъ быть не можетъ. Въ непреклонной и благородной независимости, оно умѣло бы предпочесть молчаніе языку заказному, выраженію обоюдному и холодному мнѣній неубѣдительныхъ, ибо источникъ ихъ не есть внутреннее убѣжденіе. Все, что принадлежитъ до живописи въ настоящей Повѣсти, превосходно. Авторъ наблюдалъ, какъ Поэтъ, и передаетъ читателю свои наблюденія въ самыхъ поэтическихъ краскахъ. Поэзія въ этомъ отношеніи не исключаетъ вѣрности, а напротивъ, придаетъ ее описанію: ничего нѣтъ лживѣе мертваго и, такъ сказать, буквальнаго изображенія того, что исполнено жизни и души. Въ подражательныхъ твореніяхъ Искуства чѣмъ болѣе обмана, тѣмъ болѣе истины.

Стихосложеніе въ Кавказскомъ Плѣнникѣ отличное. Можно, кажется, утвердить, что въ цѣлой Повѣсти нѣтъ ни одного вялаго, нестройнаго стиха. Все дышитъ свѣжестью, все кипитъ живостью необыкновенною. Авторъ ея и въ раннихъ опытахъ еще отроческаго дарованія уже поражалъ насъ силою и мастерствомъ своего языка стихотворнаго: въ послѣдствіи подвигался онъ быстро отъ усовершенство-

ванія къ усовершенствованію, и нынѣ являетъ намъ степень зрѣлости совершенной. Съ жадною поспѣшностію и признательностію вписываемъ въ книгу литературныхъ упованій обѣщаніе Поэта разсказать *Мстислава древній поединокъ.* Слишкомъ долго Поэзія Руская чуждалась природныхъ своихъ источниковъ, и почерпала въ постороннихъ родникахъ жизнь заемную, въ коей оказывалось одно искуство, но не отзывалось чувству біеніе чего-то роднаго и близкаго. Ожидая съ нетерпѣніемъ давно обѣщанной Поэмы Владиміра, который, и послѣ Хераскова, еще ожидаетъ себѣ Пѣснопѣвца, желаемъ, чтобы молодой Поэтъ, столь удачно послѣдовавшій знаменитому предшественнику въ Искуствѣ создать и присвоить себѣ языкъ стихотворный, не заставилъ насъ, какъ и онъ, жаловаться не давно просроченныя обстоятельства! *).

Изъ „Сына Отечества“ 1822 г. Статья князя Вяземскаго.

1823 г.

**) Давно уже любители Поэзіи не получали отъ нашихъ стихотворцовъ никакихъ подарковъ значительныхъ; съ 1815 г. не много вышло такихъ произведеній, которыя бы съ честію заняли мѣсто въ сокровищницѣ Русской словесности.—Новой Атлетъ Пушкинъ, кажется, хочетъ вознаградить сей недостатокъ: прошлаго года онъ далъ намъ Руслана; нынѣ мы получили отъ него *Кавказскаго Плѣнника*, и скажемъ смѣло, что ета повѣсть должна почесться прелестнымъ цвѣткомъ на Русскомъ Парнассѣ.—Молодой стихотворецъ быстро идетъ впередъ: первая поема его, показавши въ полной мѣрѣ, что отъ него ожидать должно, неудовлетворила во многихъ отношеніяхъ строгимъ требованіямъ знатоковъ: но въ Кавказскомъ Плѣнникѣ вмѣстѣ съ

*) Въ 1822 году еще помѣщена маленькая рецензія о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ въ 213 № „Русскаго Инвалида“.

**) „Вѣстникъ Европы“ 1823 г., ч. 128, № 1. Статья М. П. (Погодина?) *Примѣч. В. Зелинскаго.*

юнымъ, крѣпкимъ, пылкимъ воображеніемъ видно искусство и зрѣлой плодъ труда; соображеніе обширнѣе, планъ правильнѣе.

Предложимъ ходъ дѣйствія въ повѣсти словами самого сочинителя: оно открывается описаніемъ бесѣды Черкесовъ, которые разговариваютъ

О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденіяхъ дикой нѣги,
. . . .
Текутъ бесѣды въ тишинѣ.

Вдругъ является предъ ними ихъ соотечественникъ съ Русскимъ плѣнникомъ. Горцы радуются добычѣ.—Несчастной лежитъ безъ памяти; наконецъ приходитъ въ чувство,— загремѣли цѣпи,

Все, все сказалъ ужасной звукъ.—

Черкесы, ушедъ въ поле, оставили его безъ надзора. Передъ нимъ между однообразными вершинами холмовъ

— Уединенный путь
Въ дали теряется угрюмой.

Етотъ путь ведетъ на его родину. Онъ погружается въ задумчивость,

И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Читатель узнаётъ здѣсь короче своего героя:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.

Онъ отказался отъ свѣта,

Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода потеряна, и жизнь становится ему несносною;

Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень.

Вдругъ является передъ нимъ Черкешенка, воспылавшая къ нему внезапною любовію.

Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ,
Но взоръ умильной, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжной говоритъ:
Живи! и—путникъ оживаетъ.

Должность его была пасти стада.—Молодая подруга своимъ участіемъ старается облегчить скорбную судьбу его, и хотя

Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой;

однако

Казалось, плѣнникъ безнадежной
Къ унылой жизни привыкалъ.

Вниманіе его обращаетъ на себя жизнь Черкесовъ, описаніемъ коей заключается первая часть.—Можетъ быть, строгіе критики наши скажутъ, что сіи описанія, занимая большую ея половину, слишкомъ длинны, то есть несоразмѣрны съ составомъ цѣлой повѣсти: что касается до насъ, мы, очарованные прелестными стихами, прелестными картинами, не замѣтили бы, кажется, этого, хотя бы ихъ было гораздо болѣе.

Во второй части, начатой не такъ удачно, какъ первая, дѣва признается плѣннику въ любви своей; но его сердце уже занято, и не можетъ отвѣчать красавицѣ. Забудь меня, говоритъ онъ;

Зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ? *и проч.*

Образъ первой его любимицы вездѣ за нимъ слѣдуетъ; онъ не можетъ думать ни о чемъ больше.—Неожидавшая такого объясненія,

Безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.

Пришедъ нѣсколько въ себя, она упрекаетъ плѣнника, зачѣмъ не обманулъ онъ ея неопытную младость:

Хотя бъ изъ жалости одной
Молчаньемъ, ласкою притворной *и проч.*
Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь,
Уста безъ словъ роптали пени.

Тронутый плѣнникъ утѣшаетъ ее. И я также, говоритъ онъ,

Любилъ одинъ, страдалъ одинъ.

Наконецъ,

Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Долго послѣ не посѣщала плѣнника Черкешенка. Онъ

Одинъ окрестъ аула бродитъ,

томясь желаніемъ свободы; вдругъ слышитъ онъ,

Въ горахъ раздался кликъ военной.

Черкесы отправились въ походъ. Въ аулѣ остались младенцы, дѣвы, старики.—Къ плѣннику приходитъ Черкешенка;

Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатной.

Бѣги, говоритъ она ему, вотъ кинжалъ;

Твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.
Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась.
Визжитъ желѣзо подъ пилой;
Слеза невольная скатилась,
И цѣпь распалась и гремитъ.
Ты воленъ, дѣва говоритъ,
Бѣги! но взглядъ ея безумной
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала; вѣтеръ шумной
Свистя, покровъ ея клубилъ.

Плѣнникъ зоветъ ее съ собою;

Нѣтъ, Руской, нѣтъ,
Она исчезла, жизни сладость.

Доходятъ вмѣстѣ до рѣки.—Плѣнникъ бросается вплавь. Вдругъ слышится ему стонъ. Руской выходитъ на противной берегъ, оборачивается назадъ, и видитъ—

При лунѣ, въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.
Все понялъ онъ.

Плѣнникъ прощается съ мѣстомъ своего заточенія, отправляется въ путь, и достигаетъ Русскаго стана.

Вотъ вся повѣсть. Дѣйствіе самое простое, и ведено самымъ естественнымъ образомъ. Дѣйствующихъ лицъ только два.—Характеръ Черкешенки отдѣланъ мастерски. Она простосердечна, тверда, страстна: одно мгновеніе рѣшаетъ навѣки судьбу ея; въ ней видно какое-то дикое великодушіе. Узнавъ отъ плѣнника, что онъ не можетъ отвѣчать на любовь ея, она не приходитъ раздѣлять съ нимъ его горестей; это не въ ея силахъ: такое тихое, образованное чувство ей чуждо; но она готова спасти своего друга.— Спасая его, являетъ еще врожденную свою гордость.

Возможно ль! ты любилъ другую!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?

Говоритъ она ему;—но не можетъ пережить любви своей: въ чистомъ сердцѣ впечатлѣніе первой любви сильно.— Словомъ, Черкешенка есть истинная дочь Кавказа, и портретъ ея долженъ висѣть подлѣ портрета Душеньки въ галлерѣе красавицъ, созданныхъ Русскими стихотворцами.— Жаль, что любезной Пушкинъ не описалъ намъ подробнѣе етаго волшебнаго мгновенія, въ которое героиня его воспламенилась любовію къ плѣннику,—етой внезапной симпатіи сердца, столь счастливо имъ придуманной.

Непостижимой, тайной силой
Къ тебѣ я вся привлечена—

Слишкомъ мало для читателя. Здѣсь былъ предметъ для прекраснѣйшаго піитическаго описанія.—

Характеръ плѣнника страненъ, и вовсе не понятенъ. Въ немъ замѣчаются безпрестанныя противорѣчія. Нельзя сказать, что составляетъ его основу: любовь или желаніе свободы. Кажется, что Поэтъ больше хотѣлъ выставить послѣднее, но отвѣтъ плѣнника Черкешенкѣ:

.... Разсѣянной, унылой
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милой;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю,
Тебѣ въ забвенья предаюсь
И тайной призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою—

и нѣкоторые другіе стихи показываютъ, что и свободой наслаждаясь, плѣнникъ былъ бы равно несчастливъ; ибо, кажется, никакъ нельзя допустить, чтобъ страданія отъ презрѣнной любви чувствовались имъ только въ неволѣ, и изглаждались на волѣ. Такая любовь была бы слишкомъ мудрена. Если жъ съ свободою плѣнникъ не получитъ счастія; то *для чего* онъ такъ жаждетъ ее; свобода въ семъ случаѣ есть чувство непонятное, хотя при другихъ обстоятельствахъ, при другихъ отношеніяхъ, разумѣется, она можетъ составить счастіе. Притомъ самъ Стихотворецъ въ первой части сказалъ:

Казалось, плѣнникъ безнадежной
Къ унылой жизни привыкалъ,
Тоску неволи, жаръ мятежной
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.

Онъ могъ обращать вниманіе на жизнь Черкесовъ, наблюдать ихъ нравы, воспитаніе, любилъ ихъ простоту и пр., умѣлъ управлять своими страстями.

Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.

Онъ съ нетерпѣніемъ учился языку Грузинскому.—Всѣ сіи обстоятельства показывали, что плѣнникъ начинаетъ забывать потерю свободы, какъ вдругъ во второй пѣсни, именно послѣ объясненія Черкешенки, ета страсть возгарается въ немъ съ новою силою. При малѣйшемъ шумѣ онъ

Вспыхнувъ, загремитъ цѣпями;
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель,
Зоветъ....

Плѣнникъ тоскуетъ, что умретъ вдали отъ бреговъ желанныхъ, гдѣ живетъ его любезная; но прежде онъ самъ оставилъ ихъ, и полетѣлъ за веселыми призраками свободы. Какъ другъ Природы, онъ могъ бы наслаждаться ею и пася табуны Черкесскіе. По крайней мѣрѣ Пушкинъ могъ бы привести причиною желанія свободы любовь къ Отечеству. Зачѣмъ не влилъ онъ въ своего плѣнника етого прекраснаго, Русскаго чувства: хотя страдать, но на родинѣ? Пусть тоска, какъ свинецъ, у него на сердцѣ; но онъ хочетъ быть на Русской землѣ, подъ Русскимъ небомъ, между Русскими людьми, и ему будетъ легче. Любовь къ Отечеству, представленная *отдѣльно, независимо отъ страстей*, произвела бы прекрасное дѣйствіе подъ перомъ Пушкина, такъ хорошо описавшаго етотъ уединенной путь, которой

Въ дали теряется угрюмой.

Холодность плѣнника къ благодѣяніямъ Черкешенки во всѣхъ отношеніяхъ не извинительна. Онъ не хотѣлъ посвятить ей даже вздоха, увидѣвъ, какъ

Струистый исчезаетъ кругъ.

Пусть онъ не могъ отвѣчать на любовь ея; но онъ долженъ былъ почтить въ ней свою благодѣтельницу, долженъ

былъ пожалѣть о ней, о такой жертвѣ страстей, какъ самъ онъ.—И прежде какъ могъ онъ сказать ей:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука;
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.

Говорить такъ съ свѣтскою красавицей—было бы жестоко; съ невинною Черкешенкою — вовсе непростительно. Собственныя неудачи плѣнника въ любви едва ли могутъ извинить такія слова.

Зачѣмъ звалъ онъ ее бѣжать съ собою?—Неужели, сказавъ ей:

Я твой навѣкъ, я твой до гроба,

онъ говорилъ правду? Неужели, получа свободу, онъ могъ бы позабыть совсѣмъ предметъ первой любви своей? Прежнія чувства его противорѣчатъ етому совершенно. Слова, сказанныя плѣнникомъ о себѣ:

Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,

Или:

Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей,

показываютъ, что плѣнникъ смотрѣлъ на любовь не съ благородной стороны. Можно ли выставлять такія чувства! Иные скажутъ, что плѣнникъ говорилъ такъ, сообразуясь съ понятіями Черкешенки: въ такомъ случаѣ ея любовь не возбудитъ большаго участія. Сіи стихи, скажемъ кстати, напоминаютъ соблазнительности, коими наполнена первая поема Пушкина. Пусть вспомнитъ онъ, что первымъ украшеніемъ Гомеровой Венеры почитается поясъ стыдливости, изобрѣтенный симъ великимъ Стихотворцемъ. Неужели чувственности должна говорить Поезія? Ето ли святая цѣль ея?

Есть и частныя несообразности въ характерѣ плѣнника; напр., онъ, опамятовавшись и видя себя въ плѣну, лишась цѣли своей жизни,

Ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень.

Но чрезъ нѣсколько часовъ является предъ нимъ Черкешенка, и онъ

Ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебной
И взоры дѣвы молодой.

Сила красоты велика, говорятъ; но естественно ли вдругъ возъимѣть такія чувства человѣку, ожесточенному совершенно противъ жизни, и еще болѣе противъ любви, человѣку окаменѣлому?—Наконецъ стихи, относящіеся къ плѣннику,

Я жаждой гибели горѣлъ—
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье.
Душевной бури слѣдъ ужасной *и проч.*

разливаютъ какую то непріятную темноту на характеръ плѣнника. — Неужели думалъ любезной Поэтъ нашъ, что такимъ чуднымъ характеромъ произведетъ онъ большее дѣйствіе, и что, наоборотъ, умѣривъ въ плѣнникѣ страсть къ свободѣ чрезъ показаніе причинъ въ любви и въ чемъ нибудь другомъ, изобразивъ его не столько ожесточеннымъ, болѣе признательнымъ къ благодѣяніямъ Черкешенки, онъ представитъ слишкомъ обыкновенное?—Напрасно: подъ его перомъ и слишкомъ обыкновенное имѣло бы свою занимательность, свои красоты, свою прелесть. Онъ могъ также затмить совершенно свою первую любовь и вмѣстѣ съ нею окаменить сердце плѣнника къ подобнымъ чувствамъ и въ будущемъ; тогда сохранилось бы по крайней мѣрѣ единство въ его характерѣ, и свобода была бы его основою. Для сего стоило бы только передѣлать нѣсколько разговоръ плѣнника съ Черкешенкою. Признаніе въ первой неудачной любви можетъ служить и въ семъ случаѣ причиною невозможности отвѣчать на любовь Черкешенки.

Несчастной другъ! зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ *и проч.*

Только нельзя уже будетъ оставить стиховъ:

Въ объятіяхъ подруги страстной
Какъ тяжко мыслить о другой!

Также и слѣдующихъ:

Я вижу образъ вѣчно милой *и проч.*

до стиха:

На душу сирую мою.

Предыдущіе же,

Когда такъ медленно, такъ нѣжно
Ты пьешь лобзанія мои? *и проч.*

могутъ остаться какъ простое воспоминаніе, не имѣющее никакого отношенія къ настоящимъ его чувствамъ. Многіе стихи показываютъ, что это и была цѣль Пушкина; напр., о плѣнникѣ въ то время, какъ онъ потерялъ свободу, сказано:

Свершилось! Цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ *ничего.*
И вы, *послѣднія* мечтанья,
Сокрылись отъ него.

Или при описаніи равнодушія его къ ласкамъ Черкешенки:

Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Но такой характеръ, даже будучи выдержанъ, едва ли возбудилъ бы большее участіе, если бы не были изложены подробнѣе причины его ожесточенія.

Слогъ въ повѣсти превосходный, и касательно легкости въ версификаціи (стихосложеніи), Пушкинъ станетъ на ряду съ первыми нашими поэтами. — Укажемъ на лучшія мѣста. Выборъ труденъ: безпрестанно встрѣчается или пре-

красная картина, или прекрасное чувство, прекрасной оборотъ,—все идетъ ровно.

Сюда принадлежатъ: описаніе бесѣды Черкесовъ; состояніе плѣнника въ то время, когда онъ привезенъ былъ въ аулъ и когда очувствовался; воспоминаній, возбудившихся въ немъ при видѣ дороги на родину,

Въ Россію дальній путь ведетъ.

Какъ трогательно ето *въ Россію*, поставленное въ началѣ!

Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ.

Можно ли выразить вѣрнѣе характеръ молодости?—Плѣнникъ оставилъ общество,

Наскуча жертвой быть привычной
И простодушной клеветы.

Въ большомъ свѣтѣ люди безхарактерные, кои волочутъ жизнь кое-какъ, клевещутъ часто другъ на друга безъ умысла, нечаянно; — Пушкинъ называетъ такую клевету простодушною.

Возвращеніе Черкесовъ съ поля представлено живо. Кажется, предъ глазами сверкаютъ косы, и въ домахъ зажглись огни; слышно, какъ

Постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ.

Очень хорошо описаніе перваго свиданія Черкешенки съ плѣнникомъ:

Потомъ на камень склонился
Отягощенною главой,
Но все къ Черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.

Также описаніе послѣдующихъ свиданій:

Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоитъ нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчію сливаетъ

Очей и знаковъ разговоръ,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.

Оборотъ въ послѣднихъ двухъ стихахъ новой и прекрасной; описаніе Кавказа, жизни Черкесовъ, ихъ удалыхъ подвиговъ, обычаевъ, мастерское обращеніе къ казакамъ ново и трогательно.

Во второй части должно замѣтить нѣкоторыя мѣста изъ отвѣта плѣнникова Черкешенкѣ; напр.:

Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей.
Несчастной другъ! зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ? *и проч.*

Положеніе дѣвы по выслушаніи неожиданнаго признанія:

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманной, неподвижной взоръ
Безмолвной выражалъ укоръ;
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала,
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука.

Отвѣтъ ея плѣннику. — Перерывы въ немъ очень трогательны“... (Критикъ выписываетъ отрывокъ, начинающійся стихомъ: „Ахъ, Руской, Руской! для чего“... и кончающійся стихами: „И плѣнникъ, тихою рукою подnявъ несчастную, сказалъ...“)

Послѣдніе два стиха въ отвѣтѣ плѣнника показываютъ воображеніе Поета:

Тамъ на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь.

Прекрасно описаніе ожиданія плѣнникомъ освободителя:

Но все молчитъ,
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуя,
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Также отправленіе Черкесовъ въ походъ, оставленнаго аула, вечера передъ побѣгомъ:

Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула.
Вершины скалъ омрачены,
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдной свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Освобожденіе плѣнника *): послѣдній отвѣтъ Черкешенки:

Нѣтъ, Руской, нѣтъ!
Она изчезла, жизни сладость.

Оборотъ, коимъ далъ знать стихотворецъ о смерти Черкешенки:

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.

Наконецъ заключеніе повѣсти приходомъ плѣнника къ своимъ.

Замѣтимъ теперь нѣкоторыя погрѣшности касательно языка и пр.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ
Черкесы праздные сидятъ.

На своихъ порогахъ—значитъ, что Черкесы сидятъ по домамъ своимъ, каждый у себя. Здѣсь же они представляются бесѣдующими вмѣстѣ.

Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой.

Пелена употребляется болѣе въ отношеніи къ тому, что подъ нею находится.

Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины.

*) См. въ изложеніи содержанія.

Слова разставлены, кажется, не ясно.

> Гдѣ обнялъ грозное страданье.

Обнять страданіе—едва ли сказать можно.

> Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
> Погасъ печальной жизни пламень.

Сумрачной, вмѣсто вечерней.

> Одѣлись пеленою тучъ
> Кавказа спящія вершины.

Не лучше ли накрылись? Иначе, горъ не будетъ видно.

> Но кто въ сіяніи луны
> Идетъ, украдкою ступая.

Въ сіяніи луны—нельзя сказать; при свѣтѣ луны.

> Но все къ Черкешенкѣ младой
> Угасшій взоръ его стремился.

Взоръ уже угасшій стремиться не можетъ. Здѣсь должно бы сказать угасавшій.

> Пещеры темная прохлада
> Его скрываетъ въ лѣтній зной.

Прилагательное темная лучше идетъ къ пещерѣ, нежели къ прохладѣ; притомъ прохлада и скрывать—не годится.

> Но вы, живыя впечатлѣнья,
> Первоначальная любовь.

Первоначальная—слово самое прозаическое.

> Остановлялъ онъ долго взоръ
> На отдаленныя громады.

Должно бы сказать: на отдаленныхъ громадахъ.

> Въ одно мгновенье вѣрный бой
> Рѣшитъ ударъ его могучій.

Вѣрной —при глаголѣ рѣшить— лишнее.

Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ.

Сѣдой прилагательное неприличное?

На берегъ пѣнистой выноситъ.

Что такое берегъ пѣнистой?

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженной грозою.

Описаніе не ясное.—Какъ развѣшиваетъ Черкесъ свои доспѣхи на пнѣ, уже находящемся въ рѣкѣ, и потомъ бросается опять въ рѣку?

Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ.

Ему бы легче скинуть влажную бурку и осушиться.

И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смѣнены.

Игры воли праздной—мудреное выраженіе.

Въ безумной рѣзвости пировъ.

Здѣсь не рѣзвость разумѣется, а неистовство.—Черкешенка говоритъ плѣннику:

Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей.

Послѣднее привѣтствіе очень пошло. Плѣнникъ тронутъ страстію Черкешенки;

Онъ забывался; въ немъ тѣснились
Воспоминанья прежнихъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатились.

Къ чему ето даже и однажды, поставленныя здѣсь какъ величайшіе знаки горести?—

Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья.

Етотъ оборотъ употребленъ два раза сряду. У дѣвы также

Любви тоска
Въ печальной жизни излилася,
Уснувъ безчувственной душей.

Безчувственная душа не имѣетъ нужды въ засыпаніи.—

Прости и ты мои рыданья,

говоритъ Черкешенка объяснившемуся плѣннику; стихъ лишній. Къ чему говорить здѣсь о прощеніи? А слѣдующій:

Не смѣйся горестямъ моимъ,

и вовсе неприличенъ ей.

Плѣнникъ, стараясь облегчить горесть ея, говоритъ:

Не плачь! И я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ! я не зналъ любви взаимной.

Неужели ето можетъ служить утѣшеніемъ? Первой стихъ въ первомъ куплетѣ прекрасной Черкесской пѣсни *):

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,

выражаетъ обстоятельство, кажется, вовсе нейдущее къ дѣлу. Въ третьемъ куплетѣ что значатъ завѣтныя воды?— Есть еще нѣкоторыя неправильности, вольности и пр., но онѣ ничего не значатъ. Повторимъ: языкъ въ Плѣнникѣ отборной, стихи легкіе, чистые;—вѣнокъ изъ Кавказскихъ цвѣтовъ у Пушкина неотъемлемъ.

Въ заключеніе — порадуемся, что любезной Поетъ нашъ обѣщается разсказать намъ повѣсть дальнихъ странъ, про нашего удалаго Мстислава, обѣщается прославить битвы Руских на вершинахъ Кавказскихъ. — Пожелаемъ ему успѣшнаго исполненія етихъ обѣщаній!

Изъ „Вѣстника Европы“ 1823 г. Статья М. П. (Погодина).

---

*) Она положена на музыку извѣстнымъ г. Гениттою, и напечатается въ Дамскомъ журналѣ, имѣющемъ издаваться на сей 1823 годъ. М. П.

1824 г.

*) Мы получили извѣстіе изъ Москвы, что Бахчисарайскій фонтанъ, Поэма, соч. А. Пушкина, уже скоро будетъ отпечатана. Содержаніе сей Поэмы очень просто: Крымскій Ханъ Гирей любилъ Черкешенку Зарему, которая одна владычествовала въ его Сералѣ и сердцѣ. Въ одномъ изъ своихъ набѣговъ на Польшу, Гирей взялъ въ неволю Польскую Княжну Марію, влюбился въ нее, и забылъ Зарему. Съ сего времени исчезло его благополучіе, и веселость отлетѣла изъ роскошнаго его Гарема. Прелестная Марія, вѣрная Религіи отцевъ своихъ, не соглашалась быть супругою Гирея, и проводила уединенные часы въ молитвахъ и слезахъ. Влюбленный Гирей не смѣлъ употребить своей власти, чтобы принудить Польскую Княжну сдѣлаться его женою. Онъ предался отчаянію и меланхоліи. Между тѣмъ Марія скончалась, и Гирей, подозрѣвая Зарему въ убійствѣ, велитъ лишить ее жизни. Авторъ сей Поэмы писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: „Не достаетъ плана; не моя вина, я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers, je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ, я писалъ Бахчисарайскій фонтанъ единственно для себя, а печатаю потому, что“ и проч. — Правда, что не достаетъ связности въ планѣ, но красоты Поэзіи, гармонія языка, картины, заставляютъ забывать самыя несовершенства. Съ произведеніями Пушкина бываетъ то же, что со всякимъ прелестнымъ и любимымъ предметомъ: видишь недостатки, но чувствованія заглушаютъ голосъ холоднаго разсудка, и сердце невольно предупреждаетъ жела-

*) „Литературные Листки“ 1824 г., № 4. „Литературныя новости“.

нія. Говорить ли тамъ о правилахъ, гдѣ каждый стихъ, каждая черта обворожаютъ и заставляютъ забываться!

Изъ „Литературныхъ Листковъ“ 1824 г.

* *
*

*) Бахчисарайскій Фонтанъ. Сочиненіе Александра Пушкина. М. 1824, въ тип. А. Семенова, въ 8, XX и 48 стран. **).

Наконецъ появилось стихотвореніе, котораго въ продолженіе всей нынѣшней зимы съ нетерпѣніемъ ожидали любители Поэзіи! Поздравляемъ ихъ съ удовольствіемъ, которое доставлено имъ будетъ чтеніемъ сей небольшой прекрасной Поэмы.—Въ началѣ помѣщенъ, вмѣсто предисловія, *Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова*, въ которомъ изложено мнѣніе о свойствахъ и достоинствахъ Романтической Поэзіи, подвергающейся незаконнымъ взысканіямъ въ нѣкоторыхъ нашихъ Журналахъ. Выпишемъ сужденіе Издателя о содержаніи сей Поэмы и о талантѣ ея Автора: „Преданіе, извѣстное въ Крыму и понынѣ, служитъ основаніемъ Поэмѣ. Разсказываютъ, что Ханъ Керимъ-Гирей похитилъ красавицу Потоцкую, и содержалъ ее въ Бахчисарайскомъ гаремѣ; полагаютъ даже, что онъ былъ обвѣнчанъ съ нею. Преданіе сіе сомнительно, и Г. Муравьевъ-Апостолъ въ *Путешествіи своемъ по Тавридѣ*, недавно изданномъ, возстаетъ, и, кажется, довольно основательно, противъ вѣроятія сего разсказа. Какъ бы то ни было, сіе преданіе есть достояніе Поэзіи. — Нашъ Поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ Поэзіи сіе преданіе и обогативъ оное правдоподобными вымыслами, а еще и лучше того, что онъ воспользовался тѣмъ и другимъ съ отличнымъ искуствомъ. Цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестію и яркостью. Есть отпечатокъ восточный въ картинахъ, въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ.

*) „Сынъ Отечества“ 1824 г., ч. 92, № 12. „Современная Русская Библіографія“.

**) Продается въ книжномъ магазинѣ Плавильщикова, по 6 р. въ бум.

По мнѣнію судей, коихъ приговоръ можетъ считаться окончательнымъ въ Словесности нашей, Поэтъ явилъ въ новомъ произведеніи признакъ дарованія, зрѣющаго болѣе и болѣе. — Разсказъ у Пушкина живъ и занимателенъ. Въ произведеніи его движенія много. Въ раму довольно тѣсную вложилъ онъ дѣйствіе полное не отъ множества лицъ и сцѣпленія различныхъ приключеній, но отъ искуства, съ какимъ Поэтъ умѣлъ выставить и оттѣнить главныя лица своего повѣствованія. *Дѣйствіе* зависитъ, такъ сказать, отъ *дѣятельности* дарованія: слогъ придаетъ ему крылья или гирями замедляетъ ходъ его. Въ твореніи Пушкина участіе читателя поддерживается съ начала до конца: этой тайны иначе достигнуть нельзя, какъ заманчивостію слога“. Теперь слѣдовало бы *по партизанскому праву Журналовъ*, выписать въ подтвержденіе сихъ сужденій нѣсколько строкъ (или и страницъ) стиховъ, но мы отказываемся на нынѣшній разъ отъ сего права, какъ для того, чтобъ не лишить читалей нашихъ *полнаго* удовольствія при чтеніи сей Поэмы, такъ и по той причинѣ, что не знаемъ, которымъ стихамъ надлежитъ дать преимущество: они, съ начала до конца Поэмы, живы, прекрасны, очаровательны. — Изданіе книжки сей исправно и красиво.

Изъ „Сына Отечества“ 1824 г.

* *

*) Наименовавъ Автора, не имѣемъ нужды въ похвалѣ сему новому цвѣтку роскошной Музы нашего юнаго *Саади*, дышащему свѣжестію родныхъ долинъ своихъ. Скажемъ только нашимъ Читательницамъ, что не могутъ онѣ имѣть Руской Поэзіи, которая была бы для нихъ пріятнѣе, была способнѣе угодить ихъ нѣжному вкусу и внушить имъ любовь къ изящнымъ произведеніямъ Отечественной Литтературы. Это фонтанъ, бьющій *розовою водою*, которая разливаетъ благоуханіе въ чистѣйшей атмосферѣ прелестнаго

*) „Дамскій Журналъ“ 1824 г., ч. 5, № 6 „*Бахчисарайскій Фонтанъ*. Поэма А. С. Пушкина“.

Востока, и утоляетъ пламенную жажду чувства и воображенія. — Наконецъ отнесемся съ вопросомъ — и не безъ причины — вообще ко всѣмъ нашимъ Читателямъ: возставать противъ такого рода сочиненій, который нравится цѣлому свѣту, можетъ быть, *внутренно* и самимъ *классикамъ*, не признающимъ его достоинства потому, что онъ не былъ извѣстенъ *Аристотелю* (какъ будто всѣ роды сочиненій долженствовали родиться въ одно время), не значитъ ли — напоминать того комическаго Доктора, который говорилъ: лучше умереть по правиламъ Медицины, нежели въ противность имъ выздоровѣть?...

Изъ „Дамскаго Журнала“ 1824 г.

* * *

*) Пушкина, по справедливости, можно назвать первымъ Русскимъ поэтомъ нашего времени, особенно въ отношеніи къ слогу и легкости версификаціи. Сверхъ сего, онъ оригиналенъ: достоинство чрезвычайно важное! Впрочемъ я не намѣренъ здѣсь исчислять отличительныхъ свойствъ Музы нашего Минстреля, ибо хочу говорить не вообще о характерѣ и физіогноміи его стихотвореній, но единственно о новомъ его сочиненіи: *Фонтанѣ Бахчисарайскомъ*.

И такъ взглянемъ, во первыхъ, на красоту сего стихотворенія, во вторыхъ, на планъ; въ третьихъ, на нѣкоторые недостатки или слабости. Но, разбирая сей прелестный феноменъ въ нашей Литтературѣ, я не стану говорить ни о слогѣ, ни о версификаціи онаго; ибо слогъ Пушкина вездѣ живъ, блистателенъ и правиленъ, а версификація вездѣ музыкальна.

Въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* есть прелестныя картины, достойныя кисти лучшихъ художниковъ; но воображенію нѣкоторыя изъ оныхъ необходимо нужно пополнять или довершать. Къ картинамъ полнымъ принадлежатъ, во первыхъ, картина *Гаремскихъ плѣнницъ*, сидящихъ вокругъ фонтана и ожидающихъ Гирея; во вторыхъ, картина *спящей*

*) „Литературные Листки“ 1824 г., № 7. Статья Олина, подъ заглавіемъ: „Критическій взглядъ на Бахчисарайскій Фонтанъ“).

Маріи, Княжны Польской, въ то самое время, когда приходитъ къ ней ночію *Зарема*. Къ картинамъ втораго рода, т. е. неполнымъ, принадлежитъ, во первыхъ, самое начало Повѣсти; во вторыхъ, картина *фонтана слезъ*, довольно темная; въ третьихъ, картина *остатковъ роскоши Бахчисарайскаго дворца*. Не вмѣняя въ погрѣшность неполноту и, такъ сказать, неопредѣлительность картинъ пінтическихъ, согласимся впрочемъ, что симъ картинамъ гораздо лучше быть всегда, сколько нужно, полными; ибо картины не суть *описанія*, которыя очень часто можно только что эскизировать.

Изъ описаній особенно достойны примѣчанія, по своей прелести и отдѣлкѣ, описаніе *Гаремской жизни*; описаніе Гаремскаго *Эвнуха* и описаніе Грузинки *Заремы*. Чрезвычайно примѣтно, что Стихотворецъ, настоя, такъ сказать, въ описаніи Эвнуха, хотѣлъ непремѣнно *выставить* передъ глаза своихъ читателей сего Гаремскаго стража, и прекрасно успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Разсказъ Заремы, когда она говоритъ Маріи, что предметы минувшихъ дней глубоко врѣзаны въ ея памяти, но что она не помнитъ, почему и какимъ образомъ оставила родину, необыкновенно прелестенъ по своему быстрому переходу отъ незнанія къ нѣкоторымъ мѣстнымъ и, такъ сказать, романтическимъ обстоятельствамъ, чрезвычайно удачно избраннымъ:

Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко..... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами.....

Замѣтимъ, что въ этомъ прекрасномъ разсказѣ *Бейронизмъ* мастерски выдержанъ.

Выше сего я уже сказалъ, что не стану говорить о слогѣ и версификаціи сего стихотворенія, потому что слогъ Пушкина вездѣ живъ, блистателенъ и правиленъ, а версификація вездѣ музыкальна; и въ отношеніи къ сему достоинству, къ картинамъ и описаніямъ, повѣсть сія прелестна.—Приступимъ теперь къ плану. Начнемъ съ того, что *порядокъ* есть душа всякаго сочиненія. Нѣкоторые, быть можетъ, скажутъ, что никогда не должно подчинять поэзію, особенно романтическую, законамъ строгимъ, что *безпорядокъ* въ поэзіи часто можетъ служить украшеніемъ. Согласенъ: но, спрашиваю, какой *безпорядокъ?*—Безъ сомнѣнія, безпорядокъ *прелестный*, который, какъ сказалъ Буало, часто бываетъ слѣдствіемъ *искуства*. И такъ главный недостатокъ сего стихотворенія Г. Пушкина заключается, по мнѣнію моему, въ *планѣ*.—Взглянемъ на оный.

Гирей, Ханъ Крымскій, сидитъ съ мрачнымъ и потупленнымъ взоромъ во дворцѣ своемъ: янтарь дымится въ устахъ его; придворные стоятъ въ безмолвіи вокругъ Хана; онъ дѣлаетъ знакъ рукою—и всѣ идутъ вонъ. Здѣсь Стихотворецъ дѣлаетъ вопросъ: что движетъ гордою душою Хана?

На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ;
Горитъ ли местію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?
Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой;
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Потомъ еще вопросъ:

Ужель въ Гаремъ его измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

За симъ слѣдуетъ довольно длинное описаніе *жизни Гаремскихъ плѣнницъ и Эвнуха*; описаніе прелестное, но чрезвычайно холодное, по неумѣстной долготѣ своей, въ отношеніи къ ходу и интересу. Послѣ сего Стихотворецъ дѣлаетъ опять вопросъ:

Что жь полонъ грусти умъ Гирея?

и не отвѣчаетъ на оный. Задумчивый Ханъ гетаетъ; Эвнухъ отворяетъ предъ нимъ дверь настежь, и Гирей

Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Картинное и блестящее описаніе Гаремскихъ плѣнницъ, сидящихъ вокругъ фонтана и ожидающихъ Гирея. Безъ сомнѣнія, читатели мои не поскучаютъ, если они еще разъ прочтутъ оное:

Безпечно ожидая Хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли, *)
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межь тѣмъ
Шербетъ носили ароматной
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь Гаремъ.

Слѣдуетъ Татарская пѣсня. Послѣ сего Стихотворецъ яркими красками описываетъ Зарему, которую Гирей совершенно разлюбилъ,

Съ тѣхъ поръ, какъ Польская Княжна
Въ его гаремъ заключена.

Теперь можно спросить, для чего было Хану, занятому

---

*) Замѣтимъ, что этотъ стихъ чрезвычайно вѣрно изображаетъ состояніе Гаремскихъ плѣнницъ, касательно умственныхъ ихъ способностей.

единственно Маріею, ходить въ Гаремъ; Хану, который сдѣлался равнодушнымъ даже и къ прелестямъ Заремы, сей *звѣзды любви*, и который—по словамъ Поэта—проводилъ, мрачный и одинокій, хладные часы и ночи? Это обстоятельство совершенно противно мрачному состоянію души Гиреевой, и, такъ сказать, уничтожаетъ оное. Послѣ сего слѣдуетъ описаніе Маріи, Княжны Польской, похищенной Гиреемъ въ одинъ изъ его дерзкихъ набѣговъ на Польшу, и благочестиваго ея жилища.—Замѣтимъ, мимоходомъ, что Ханъ, съ той самой минуты, какъ пошелъ онъ въ Гаремъ, совершенно исчезаетъ со сцены *дѣйствія*, такъ сказать, еще не развернувшагося, и остаются на оной только два лица: Марія и Зарема; что въ Повѣсти сей, въ которой только три лица дѣйствующихъ, *дѣйствуетъ* одна только Зарема, и то весьма слабо, прочія выставлены единственно въ разсказѣ: обстоятельство, которое, такъ сказать, не даетъ никакого *движенія* Повѣсти.—

Ночь покрываетъ своею тѣнью поля Тавриды; Гаремъ Хановъ спитъ; одна только Зарема не предается сну. Она встаетъ съ постели, крадется и приходитъ въ чертогъ Маріи. Марія пробуждается. Зарема проситъ Марію, чтобы она спасла ее; говоритъ ей кратко о себѣ, и потомъ:

Я плачу; видишь, я колѣна
Теперь склоняю передъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея......
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой! Онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбами, тоскою,
Чѣмъ хочешь отврати его;
Клянись... (Хоть я для Ал-Корана
Между невольницами Хана
Забыла вѣру прежнихъ дней;
Но вѣрой матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близь Кавказа рождена.

Тирада, сама по себѣ, очень хорошая; но я спрашиваю, прилично ли обиженной любовницѣ, Азіяткѣ, употреблять такое средство? Къ тому жь, что могла сдѣлать Марія, чтобы возвратить Заремѣ сердце Гирея? Азіятецъ, сверхъ сего деспотъ, разлюбивъ однажды, въ другой разъ уже не полюбитъ тотъ же самый предметъ. И такъ просьбы и угроза обиженной Заремы, независимо отъ того, что оныя не производятъ никакого дѣйствія, подлежатъ, по всей справедливости, строгой критикѣ.

Промчались дни—и Маріи уже нѣтъ болѣе. Что причиною ея смерти? Неизвѣстно. Дворецъ Хана опустѣлъ. Гирей, съ толпою Татаръ, направилъ въ чужую землю набѣгъ свой. Зарема, нѣмыми Гаремскими стражами, брошена въ море, въ ту самую ночь, въ которую умерла Княгиня Польская. Гирей, пробывъ нѣсколько времени на войнѣ, возвратился опять въ Тавриду, и, въ память Маріи воздвигнулъ во дворцѣ своемъ мраморный фонтанъ.

Здѣсь кончаются содержаніе и планъ сей Повѣсти. И такъ изъ вышесказаннаго видно, что въ планѣ оной нѣтъ узла или завязки, нѣтъ возрастающаго интереса, нѣтъ развязки, развѣ симъ послѣднимъ именемъ захотимъ мы назвать *конецъ* Сочиненія, ибо надобно только *догадываться*, и то безъ малѣйшихъ *признаковъ*, что Зарема убила Марію, и что Гирей, послѣ сего, велѣлъ утопить Зарему. Принявъ въ уваженіе всѣ сіи обстоятельства, вмѣстѣ съ вышеозначенными, то есть, что Хану не слѣдовало ходить въ Гаремъ, ибо черта сія, какъ я уже сказалъ совершенно противна мрачному состоянію души Гиреевой, и, такъ сказать, уничтожаетъ оное; что Ханъ слишкомъ скоро исчезаетъ со сцены *дѣйствія*, еще неразвернувшагося; что въ Повѣсти сей, въ которой только три лица дѣйствующихъ, *дѣйствуетъ* одна только Зарема, и то весьма слабо, а прочія выставлены единственно въ разсказѣ, что не даетъ никакого *движенія* Повѣсти; что Заремѣ, какъ Азіяткѣ, не слѣдовало умолять Марію *возвратить* ей сердце Гирея: принявъ въ уваженіе всѣ сіи обстоятельства, повторяю я, всякой безъ сомнѣнія увидитъ, что планъ сей Повѣсти по

всей справедливости и безусловно, подлежит строгой критикѣ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ или слабостяхъ сего сочиненія, независимо отъ плана онаго. Во первыхъ, ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ сей Повѣсти не имѣетъ характера. Какой характеръ Гирея, Заремы и Маріи? Трудно отвѣчать на вопросъ сей. Скажу, мимоходомъ, что — по мнѣнію моему — первенствующимъ характеромъ надлежало бы быть характеру Заремы: можно бы прекрасно воспользоваться положеніемъ этой Азіятки, этой страстной и оскорбленной любовницы. Во вторыхъ, описаніе жизни *Гаремскихъ плѣнницъ* и *Эвнуха* хотя и прелестно, какъ выше сего я уже говорилъ, но чрезвычайно холодно, по неумѣстной долготѣ своей, въ отношеніи къ исходу и интересу: погрѣшность весьма ощутительная, не только по приличію, ибо вдругъ и надолго прерываетъ только что начинающійся интересъ, но даже и по тому дѣйствію, которое она производитъ надъ читателемъ, относительно къ нетерпѣливому любопытству. Сверхъ сего скажемъ, что изображеніе *Эвнуха*, къ которому Стихотворецъ, послѣ перваго описанія, возвращается еще два раза, будучи слишкомъ сильно *выставлено*, и, такъ сказать, на *трехъ* планахъ, чрезвычайно обременяетъ тѣсную основу и тѣсныя рамы сей Повѣсти. Въ третьихъ, замѣтимъ, что Стихотворецъ — довольно часто — вдругъ прерываетъ окончаніе и смыслъ начатыхъ идей, и переходитъ къ новымъ, оставляя читателя въ совершенномъ незнаніи того, что хотѣлъ сказать онъ; что въ сихъ крутыхъ и отрывистыхъ переходахъ онъ пренебрегаетъ даже риѳмами, оставляя стихи безъ оныхъ. Это дѣлаетъ то, что всѣ сіи мѣста, кромѣ того что оныя совершенно неудовлетворительны, кажутся, такъ сказать, разноцвѣтными и вшитыми лоскутками. Послѣдняя Эпилогическая часть Повѣсти прелестна по своему описанію; но окончаніе оной, какъ мнѣ кажется, не заключено, если смѣю такъ выразиться, *чѣмъ то еще нужнымъ*.

И такъ, если недостатки плана, если нѣкоторыя выставленныя мною здѣсь погрѣшности ускользаютъ во время

чтенія отъ большой части читателей, то это потому именно, что прелесть поэзіи и слога, что очаровательная гармонія стиховъ, какъ двѣ могущественныя волшебницы — посредствомъ магической своей власти—не даютъ чувствовать оныхъ, лелѣя слухъ и очаровывая душу: такъ скрываются иногда нравственные недостатки подъ прелестною наружностію: и мы, изумленные, долго невѣримъ, какъ могутъ таиться пороки подъ небесною мелодіею лица красавицы.

Представивъ по мнѣнію моему—главные и существенные недостатки сего прелестнаго сочиненія, оставляю прочимъ подносить свѣтильникъ критики къ погрѣшностямъ и красотамъ частнымъ.

Скажу, наконецъ, въ заключеніе, то же самое, что сказалъ я, говоря о Поэмѣ *Русланъ* и *Людмила*; то есть, что стихотвореніе сіе, несмотря на недостатки плана и нѣкоторыя погрѣшности, можетъ, по всей справедливости, назваться свѣжимъ, прелестнымъ и благоухающимъ цвѣткомъ Русскаго Парнаса.

Изъ „Литературныхъ Листковъ,“ 1824 г. Статья Олина.

* * *

*) Въ числѣ труднѣйшихъ и притомъ необходимѣйшихъ обязанностей Журналиста, главная — есть безпристрастіе. Желая по возможности избѣгнуть упрековъ по сему предмету, Издатель Журнала покажется пристрастнымъ даже въ такомъ случаѣ, если будетъ помѣщать въ своемъ изданіи только собственныя свои мнѣнія, или сужденія, согласныя только съ его образомъ мыслей. Эта монополія весьма вредна для успѣховъ Словесности, и потому Издатель Журнала обязанъ помѣщать въономъ сужденія, не только противныя его мнѣніямъ, но даже критику своихъ собственныхъ произведеній, если въ оныхъ не видно ни личности ни какихъ-либо другихъ неприличныхъ страстей, а одно только желаніе быть полезнымъ. Руководствуясь сими правилами,

*) „Литературные Листки“ 1824 г., № 7. Статья О. Булгарина. Помѣщена въ журналѣ вмѣстѣ съ предыдущей статьей Олина, въ видѣ примѣчанія къ послѣдней.

я помѣщаю въ моемъ Журналѣ критическій взглядъ Г. Олина на новое произведеніе А. Пушкина *Бахчисарайскій Фонтанъ*. Хотя Г. Олинъ не возстаетъ противу Романтической Поэзіи, но, кажется, слишкомъ строго требуетъ отъ Сочинителя Бахчисарайскаго Фонтана плана и полнаго очертанія характеровъ, и такъ я полагаю не излишнимъ при семъ случаѣ изложить мой образъ мыслей на счетъ Романтической Поэзіи, о которой нынѣ многіе спорятъ, желая оную опровергнуть.

Во первыхъ, скажу смѣло, что я не признаю никакого рода Поэзіи, ни классической, ни романтической, и слѣдую буквальному смыслу извѣстнаго стиха:

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux.
(Всѣ роды хороши, исключая скучнаго).

Не говоря о предварительномъ образованіи, необходимомъ для Поэта и для не-Поэта, для дарованія должна быть одна школа, одинъ образецъ—природа. Кто вѣрно описываетъ ея образы, изображаетъ предметы живыми красками, изъясняется сладкозвучно, и возбуждаетъ въ душѣ читателя желаемое ощущеніе — тотъ истинный Поэтъ, и его произведеніе равно прекрасно, къ какому бы роду ни принадлежало. Въ дикихъ и разнообразныхъ красотахъ природы, среди бурь и вьюги, между горъ и утесовъ, въ непроходимыхъ дебряхъ —нѣтъ связнаго плана, но есть гармонія, это взаимное согласіе и соотвѣтственность разнородныхъ предметовъ. По одному случаю въ жизни, по одному подвигу можно ли сдѣлать полное очертаніе характера? -Безъ сомнѣнія нѣтъ. Сердце человѣка неизмѣримо, и внезапныя движенія его непредвидимы какъ порывъ бури въ Океанѣ. Предполагаемыя послѣдствія отъ душевныхъ ощущеній часто бываютъ обманчивы, и такъ называемый Романтическій Поэтъ, такъ сказать, уловляетъ, подслушиваетъ Природу въ ея дѣйствіи, но не вовлекаетъ ее въ сѣти Искуства. Онъ не заботится объ очертаніи полнаго характера, но изображаетъ отличительныя черты, изъ которыхъ читателю представляется составить цѣлое въ своемъ понятіи и воображеніи. Иногда

сообразуясь съ вѣкомъ, въ которомъ описываются происшествія, такъ называемый Романтическій Поэтъ вводитъ въ свое произведеніе дѣянія сверхъестественныя, потому что въ то время такъ думали, такъ вѣрили, а онъ пишетъ съ природы. И такъ въ Поэзіи, называемой нынѣ Романтическою (которую я назову природною), должно искать, по моему мнѣнію, не плана, но общей гармоніи или согласія въ цѣломъ: не полнаго очертанія характеровъ, но душевныхъ движеній, запмствующихъ характеръ. Если въ сочиненіи происшествія не связаны между собою, — это недостатокъ природнаго дѣйствія, и Поэтъ накрываетъ покровъ на промежутки. По нашему мнѣнію, въ Поэмѣ А. Пушкина находятся всѣ принадлежности такъ называемаго Романтическаго рода, т. е. общее согласіе въ цѣломъ, и живое изображеніе душевныхъ движеній, все вмѣстѣ трогающее сердце и впечатлѣвающееся въ памяти. Если позволено дѣлать сравненія, то я уподоблю Романтическую Поэзію новой тактикѣ Французскихъ Генераловъ. Старые полководцы, привыкшіе воевать по правиламъ, точно такъ какъ играть въ шахматы, вопили противу стратегической ереси, и всегда почти были разбиваемы. Они думали, что если армія обойдена, поставлена между двухъ крѣпостей и проч. и проч., то сіе значитъ, что она побѣждена, что ей сдѣланъ шахъ и матъ, и что должно уступить съ поля. Французы говорили: надобно итти впередъ, драться и пользоваться всѣми удобствами; дѣлали какъ говорили — и побѣждали. Явился Суворовъ въ Италіи, и вмѣсто того, чтобы заставить бороться старые предразсудки съ новыми дѣйствительными средствами, воспользовался опыми—и побѣдилъ. Не то ли бываетъ и въ Словесности?—Кто покоряетъ сердца читателей, кто нравится невольно всѣмъ—тотъ истинный Поэтъ, къ какому бы роду ни принадлежали его произведенія. — Такимъ образомъ я думаю объ А. Пушкинѣ.

Изъ „Литературныхъ Листковъ“ 1824 г. Статья Ѳ. Булгарина.

* * *

*) Задумчивая Грація бесѣдовала съ Поэтомъ въ роскошномъ дворцѣ Гиреевъ. Ея внушенія не потеряны для свѣта: въ новомъ произведеніи Пушкина, явившемся въ Словесности, подъ именемъ Бахчисарайскаго Фонтана, сохранилась томная улыбка Хариты!

Народная молва, основавшая сбивчивую повѣсть на памятникѣ, сооруженномъ горестію Крымскаго Хана въ честь красоты, сдѣлалась добычею жреца Музъ, и его сильною волею перенесена съ береговъ Салгира въ область прекраснаго. Но преданіе и въ новомъ жилищѣ сохранило нравы родины: стихи Поэмы проникнуты духомъ восточныхъ обычаевъ и цвѣтутъ Азіатскою роскошью, подчиненною законамъ образованнаго вкуса. Покровъ унынія, накинутый на цѣлое твореніе, составляетъ плѣнительную противоположность съ живыми красками подробностей, раскрывающихъ блестящіе цвѣты свои подъ пеленою полупрозрачною. Такъ Поэзія соединяетъ, по могущественному закону изящества, части, въ обыкновенномъ мірѣ враждующія; такъ истинное дарованіе беретъ дань со всѣхъ климатовъ, и образуетъ новый, прекрасный міръ.

Свѣжесть, живость и нѣга сопутствуютъ воображенію при чтеніи этого стихотворенія; но разумъ, слѣдуя за воображеніемъ, вѣдаетъ, какъ непродолжительно благо въ мірѣ конечномъ; знаетъ, что по цвѣтамъ влеклися жертвы къ алтарямъ кровавымъ, и провидитъ ужасную развязку. Воображеніе, какъ дитя, перебѣгая отъ явленія къ явленію, спѣшитъ видѣть новую картину, отражающую новую мысль Поэта; умъ, какъ существо опытное, медлитъ при игривыхъ водометахъ, слушаетъ пѣніе сиренъ, и неохотно оставляетъ пріятную извѣстность для новизны неизвѣстной. Первое, какъ ненасытный собиратель, утѣшается количествомъ разнообразныхъ пріобрѣтеній; послѣдній, какъ Аристиппъ, измѣряетъ благополучіе количествомъ наслажденій. Воображеніе любитъ перемѣны, и по увѣренію знаменитаго Поэта,

*) „Сынъ Отечества“ 1824 г., ч. 92, № 13. „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Статья ѣй—ъ—ій.

играетъ самою грустію, но разумъ, счастливый настоящимъ, не охотно съ нимъ разстается, и если идетъ къ концу поприща, то невольно — его увлекаетъ талантъ. Проникнувъ въ тайну Заремы, умъ тревожится будущимъ: онъ правъ. Что утѣшитъ его при гробѣ невинной страдалицы? Что утѣшитъ! Поэтъ напоминаетъ о лучшемъ мірѣ,

Гдѣ все не на часъ,

и приподнимаетъ край завѣсы, сокрывающей безконечное! Бейронъ служилъ образцемъ для нашего Поэта; но Пушкинъ подражалъ, какъ обыкновенно подражаютъ великіе Художники: его Поэзія самопримѣрна. Въ изображеніяхъ Британца удивляешься величію характеровъ; но характеры его ужасны, и только по отдѣлкѣ принадлежатъ міру красоты. Они почти всѣ граждане одного міра.—Характеры Рускаго менѣе совершенны, но болѣе привлекательны. Они разнообразнѣе въ идеяхъ. Не всегда рѣзецъ М. Анжела оставляетъ на нихъ слѣды грознаго величія; часто нравственное изображеніе существа бываетъ начертано кистью любимца нѣжныхъ Грацій. Такова Марія, вторая героиня Поэмы. Пушкинъ чаще, нежели Бейронъ, совѣтуется со вкусомъ Корреджія. Сердце, растерзанное видѣніемъ страстей необузданныхъ, отдыхаетъ предъ изображеніемъ Маріи. Въ этомъ изображеніи покоится соприкосновеніе между лучшимъ міромъ, нашею землею и тѣми призраками, которые исходятъ изъ страны намъ неизвѣстной и страшной. Какою смертію умираетъ Марія! Она должна оставить землю прямо потому, что земля не отечество ея. Она должна погибнуть непремѣнно потому, что въ одно время, на одной чертѣ съ нею, живетъ Грузинка. Могутъ ли сблизиться существа не подобныя? Нѣтъ—и потому нравственно уступающія вытѣснятъ убійственно изъ круга жизни все, ихъ превосходящее. Какъ неподражаемо создана Грузинка! Вотъ характеръ, въ которомъ осязаемо развита идея пламенной страсти. Зарема не живетъ внѣ любви. Все чуждо для нея, кромѣ внутренняго чувствованія:

Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса Гарема?
Увы! печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она.

Въ ней побѣждена сущность женщины сущностью страсти. Разговоръ съ Маріею есть истинное проявленіе внутренней бури, внутренняго бытія Грузинки, какъ вопросъ первой:

Кто ты? одна, порой ночною—
Зачѣмъ ты здѣсь?

есть проявленіе души невинной, для которой страненъ, ужасенъ языкъ страстей. Ханъ Керимъ въ очертаніи своемъ представляетъ дань, собранную Поэтомъ нашимъ съ различныхъ образовъ, получившихъ вещество подъ кистью Бейрона. Самыя движенія, самыя положенія Гирея списаны, подражательны. Его состраданіе — состраданіе варвара: чувство непостоянное, непродолжительное; и здѣсь Поэтъ уловилъ черту народную. Въ заботливомъ стражѣ Гарема раскрыта дѣятельность искаженной природы. Пылкая любовь, разорвавшая узы нравственныхъ существъ, образуетъ идею сего творенія. Развитіе оной идеи въ одеждѣ вещественной принимаетъ опредѣленный видъ и открываетъ дѣйствіе въ Поэмѣ. Дѣйствіе полно, но ослаблено средствами. Если вкусъ, съ одной стороны, наслаждается большимъ количествомъ стиховъ гармоническихъ, если воображеніе находитъ удовольствіе въ точномъ представленіи Двора Ханскаго, если отъ подробнаго изысканія причинъ печали Гирея, мѣсто дѣйствія и его народность нѣчто выигрываютъ, то передъ судомъ ума, съ другой стороны, самое дѣйствіе безвозвратно проигрываетъ много выразительности, много силы и способности отразиться живѣе въ душѣ нашей. Эвнухъ, какъ эпизодъ, дѣйствуетъ также продолжительно: онъ неправедно похищаетъ у Грузинки время и вниманіе читателя. Казалось бы, талантъ, для изображенія дѣйствія въ полнотѣ, все сдѣлаетъ, если придастъ къ нему мѣсто, время, и яркимъ свѣтомъ озаритъ сраженіе разно-

родныхъ страстей и выгодъ, въ законной подчиненности; однакожъ и опытное дарованіе, ко вреду своего произведенія, не всегда ограничивается нужнымъ. Поэты, увлекаясь воображеніемъ, нерѣдко медлятъ надъ подробностями, и проливаютъ на нихъ весь избытокъ творческихъ силъ дарованія. Такая роскошь безспорно прелестна въ частяхъ, но вредитъ стройности цѣлаго. Нашъ Поэтъ владѣетъ въ высшей степени искуствомъ въ описаніи, и приноситъ ему иногда немаловажныя жертвы на счетъ другихъ красотъ: прекрасные стихи и живописныя изображенія не могутъ вознаградить читателя за неподвижность дѣйствія.

Окончаніе Бахчисарайскаго фонтана не картина—очеркъ; но по немъ познается великое искуство. Такой очеркъ достоинъ предпочтенія на судѣ знатоковъ предъ многими красивыми картинами дарованія. Иногда легкій туманъ способствуетъ выразительности болѣе, нежели свѣтъ. Статуя въ честь Пенелопы, представлявшая идеалъ стыдливости, была подъ покрываломъ; рѣзецъ Греческаго Ваятеля, пожелавшаго изобразить совершенную красоту, увѣнчалъ наилучшія формы тѣла покровомъ на лицѣ. Вкусъ требуетъ отъ изящнаго произведенія подлежательной ясности, или внѣшней. Если читатель знакомъ съ областью прекраснаго, если онъ не страдательно принимаетъ впечатлѣнія отъ Изящныхъ Искуствъ, и понимаетъ, почему они названы artes humaniores, то для разумѣнія его довольно сказать: Маріи нѣтъ!

Мгновенно сирота почила.

Если же иной, съ другими понятіями, пожелаетъ наслаждаться произведеніями вкуса, то для него не будетъ лишнимъ и означеніе мѣры упоминаемаго Грузинкою кинжала.

Не открывая способомъ повѣствованія причинъ, подвигшихъ мщеніе Заремы, Поэтъ отдалъ поклоненіе стыдливымъ Граціямъ; намекая же только о смерти Маріи, пожертвовалъ возможностію дарованія для успѣховъ искуства. Если бы представилъ онъ робкую красавицу подъ кинжа-

ломъ неистовой Грузинки, то разсѣялъ бы все очарованіе наше, и слѣдовательно собственное свое твореніе. Негодованіе изгнало бы изъ души всѣ прочія чувствованія, возбужденныя Поэмою. Пушкинъ зналъ, что читатель разстанется съ нимъ не безъ сожалѣнія, не безъ досады на Поэта. Путь изъ міра фантазіи въ міръ существенности—не легокъ. При всемъ уваженіи къ Германской Трагедіи, я позволю себѣ замѣтить мимоходомъ, но кстати, что пистолетные выстрѣлы и проклятія, ручьи крови и стоны умирающихъ предъ глазами мало способствуютъ къ возбужденію состраданія въ зрителяхъ просвѣщенныхъ, и нисколько не помогаютъ выразительности сочиненія. Въ произведеніяхъ Искуствъ, Греки и за ними Французы прежней школы, если можно было, охотно избѣгали кровавыхъ позорищъ. Картина смерти, и притомъ насильственной, никогда не можетъ быть привлекательна, рѣдко принимаетъ одежду изящества въ созерцаніи. Красотою повѣствованія въ Драмѣ великіе Поэты любили вознаграждать ущербъ въ рѣзкихъ впечатлѣніяхъ, происходящій отъ удаленія разрушительныхъ событій, въ глазахъ зрителя совершающихся. Думаю, что такому принятому мнѣнію, потомство обязано за прекрасный разсказъ о смерти Царевны въ Эврипидовой Трагедіи Поликсена: на умирающихъ прелестяхъ Троянки—возникаетъ благопристойная, безсмертная Грація. Пушкинъ, какъ повѣствователь, не могъ имѣть средствъ Греческаго Трагика. Что же онъ дѣлаетъ? Приводитъ въ дѣятельность воображеніе читателя, и представляетъ ему право по даннымъ чертамъ окончить картину. Грузинка, существо необыкновенное, достойна и смерти необыкновенной. Вы угадываете съ трепетомъ ея мученія изъ сильныхъ, но съ умысломъ неопредѣлительныхъ стиховъ:

Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Какъ прекрасна была эта Зарема! Поэтъ противъ воли читателя возбудилъ къ ней сожалѣніе. Какъ много онъ для ней сдѣлалъ!

Представленія частныя въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ превосходны своею точностію. Хотите ли видѣть картину жизни невольницъ богатаго Мусульманина? Поэтъ отпираетъ внутренность гарема:

Безпечно ожидая Хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.

Вотъ какимъ образомъ эти несчастныя всегда проводятъ время, остающееся у нихъ отъ сна и прописковъ. Стихотворныя сравненія, истинно піитическія, попадаются на каждомъ листкѣ. Не могу не замѣтить одного, по особенной красотѣ и новости:

Она (Зарема) какъ духъ промчалась мимо.

Живо представляю себѣ эту легкость! Татарская пѣсня напоминаетъ les chansons madécasses, столь живыя по выраженію, столь выразительныя по чувству. Въ обращеніяхъ Поэтъ не говоритъ о Востокѣ, но показываетъ его въ нѣгѣ и роскоши.

Всякой народъ имѣетъ свои особенныя мнѣнія о смерти, и особеннымъ образомъ украшаетъ мѣсто погребенія воспоминаніемъ о почившихъ. Грекъ хотѣлъ, чтобы по разрушеніи продолжалось бытіе существа милаго, и составилъ прекрасную группу превращеній: народы восточные хотятъ, чтобы безжизненные предметы принимали участіе въ потерѣ человѣка, и они оживляются, по крайней мѣрѣ въ воображеніи. Нашъ Поэтъ, угождая мнѣнію Крымцевъ, заставляетъ воду падъ могилою Маріи падать въ видѣ слезъ, и нѣжнымъ сравненіемъ олицетворяетъ фонтанъ. Разумъ, удѣляя часть качествъ своихъ веществу — сближается съ природою. Эпилогъ Поэмы превосходенъ: въ немъ видны

непритворная чувствительность, томная мечтательность: вѣрныя спутницы дарованія. Онѣ ручаются за будущіе труды Пушкина и вкусъ оныхъ. Мы вѣримъ, что Поэтъ смотритъ на природу, на искуства, на самое разрушеніе другими глазами, другимъ образомъ, нежели какъ обыкновенно смотрятъ люди, не посвященные въ тайны Поэзіи. Вѣримъ охотно его видѣніямъ.—Наружная форма стихотворенія напоминаетъ Гяура.

Говорить ли о стихахъ въ особенности? Кто не знаетъ стиховъ Пушкина? Кому неизвѣстны они своею силою, благозвучіемъ и точностію? Если бы я долженъ былъ выписками доказать прелесть ихъ въ новой Поэмѣ, то списалъ бы все стихотвореніе съ немногими пропусками.

Не знаю почему здѣсь:

Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?

встрѣчается извѣстная читателю перемѣна? Между поцѣлуемъ страстнымъ и язвою Поэтъ усмотрѣлъ соотношеніе смѣлое, новое, но справедливое. Язва и пламень удобнѣе сравниваются нежели пронзительность и пламень. Если словомъ *пронзительныя* лобзанія хотя не близко переведемъ baisers pénétrans, то словомъ *язвительныя* лобзанія неподражаемо выразимъ другой эпитетъ изобрѣтенія Руссо. Что я говорю? baisers âcres холодны предъ огненнымъ выраженіемъ Пушкина. Быть можетъ, что замѣченная перемѣна сдѣлана въ угожденіе принятому словоупотребленію. Ахъ, сей тиранъ и такою жертвою не будетъ доволенъ!

Безпристрастнымъ разборомъ желая изъявить благодарность Поэту за прекрасный подарокъ Словесности, я могъ ошибаться въ сужденіяхъ; но не въ выборѣ способа къ изъявленію признательности.

Изъ „Сына Отечества“ 1824 г.

* * *

*) Класс. Правда ли, что молодой Пушкинъ печатаетъ новую третью Поэму, то есть, поэму по романтическому значенію, а по нашему, не знаю какъ и назвать.

Издат. Да, онъ прислалъ *Бахчисарайской Фонтанъ*, который здѣсь теперь и печатается.

Класс. Нельзя не пожалѣть, что онъ много пишетъ; скоро выпишется.

Издат. Пророчества оправдываются событіемъ; для повѣсти нужно время, а между тѣмъ замѣчу, что если онъ пишетъ много въ сравненіи съ нашими поэтами, которые почти ничего не пишутъ; то пишетъ мало въ сравненіи съ другими своими Европейскими сослуживцами. Бейронъ, Вальтеръ Скоттъ и еще нѣкоторые неутомимо пишутъ, и читаются неутомимо.

Класс. Выставя этихъ двухъ Британцевъ, вы думаете зажать ротъ критикѣ и возраженіямъ! Напрасно! Мы свойства не робкаго! Нельзя судить о дарованіи писателя по пристрастію къ нему суевѣрной черни читателей. Своенравная, она часто оставляетъ безъ вниманія писателей достойнѣйшихъ.

Издат. Не съ достойнѣйшимъ ли писателемъ имѣю честь говорить?

Класс. Эпиграмма —не сужденіе. Дѣло въ томъ, что пора истинной, классической литтературы у насъ миновалась...

Издат. А я такъ думаю, что еще не настала...

Класс. Что нынѣ завелась какая-та школа новая, никѣмъ не признанная, кромѣ себя самой; не слѣдующая никакимъ правиламъ, кромѣ своей прихоти, искажающая языкъ Ломоносова, пишущая наобумъ, щеголяющая новыми выраженіями, новыми словами...

Издат. Взятыми изъ Словаря Россійской Академіи, и коимъ новые поэты возвратили въ языкѣ нашемъ право гражданства, похищенное, не знаю, за какое преступленіе и безъ суда; ибо до сей поры мы руководствуемся болѣе

*) „Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны, или съ Васильевскаго острова". Напечатанъ вмѣсто предисловія къ „Бахчисарайскому Фонтану", изданному въ 1824 г. Кн. Вяземскимъ.

употребленіемъ, которое свергнуто быть можетъ употребленіемъ новымъ. Законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе; и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэтовъ нашихъ Китайской неподвижности? Смотрите на природу! лица человѣческія, составленныя изъ однѣхъ и тѣхъ же частей, вылиты не всѣ въ одну физіогномію, а выраженіе есть физіогномія словъ.

Класс. Зачѣмъ же по крайней мѣрѣ давать Рускимъ словамъ физіогномію Нѣмецкую? Что значитъ у насъ этотъ духъ, эти формы Германскія? Кто ихъ ввелъ?

Издат. Ломоносовъ!

Класс. Вотъ это забавно!

Издат. А какъ же? Развѣ онъ не бралъ въ нововводимомъ стихосложеніи своемъ съемки съ формъ Германскихъ? Развѣ не подражалъ онъ современнымъ Нѣмцамъ? Скажу болѣе. Возьмите три знаменитыя эпохи въ исторіи нашей литтературы, вы въ каждой найдете отпечатокъ Германской. Эпоха преобразованія, сдѣланная Ломоносовымъ въ Рускомъ стихотворствѣ; эпоха преобразованія въ Руской прозѣ, сдѣланная Карамзинымъ; нынѣшнее волненіе, волненіе романтическое и противузаконное, если такъ хотите назвать его, не явно ли показываютъ господствующую наклонность литтературы нашей! И такъ наши поэты современники слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ; разница только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинтеру и нѣкоторымъ другимъ изъ современниковъ, а не Гете и Шиллеру. Да и у насъ ли однихъ Германскія Музы распространяютъ свое владычество? Смотрите и во Франціи,—въ государствѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ литтературномъ отношеніи, едва не оправдало честолюбиваго мечтанія о *Всемірной державѣ*, и во Франціи сіи хищницы пріемлютъ уже нѣкоторое господство, и вытѣсняютъ мѣстныя, наслѣдственныя Власти. Поэты, современники наши, не болѣе [illegible] поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ Рускаго покроя въ литтературѣ: можетъ быть и не будетъ его, потому что нѣтъ; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ

называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова и Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народнаго въ Петріадѣ и Россіадѣ, кромѣ именъ?

Класс. Что такое народность въ словесности? Этой фигуры нѣтъ ни въ Піитикѣ Аристотеля, ни въ Піитикѣ Горація.

Издат. Нѣтъ ея у Горація въ Піитикѣ, но есть она въ его твореніяхъ. Она не въ правилахъ, но въ чувствахъ. Отпечатокъ народности, мѣстности: вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное существеннѣйшее достоинство Древнихъ, и утверждаетъ ихъ право на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Исторіи своей указалъ на Катулла въ числѣ источниковъ, и упомянулъ о немъ въ характеристикѣ того времени.

Класс. Ужь вы, кажется, хотите въ свою вольницу Романтиковъ завербовать и древнихъ классиковъ. Того смотри, что и Гомеръ и Виргилій были Романтики.

Издат. Назовите ихъ, какъ хотите; но нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ, Горацій, Эсхилъ имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами Романтической школы, чѣмъ съ своими холодными, рабскими послѣдователями, кои силятся быть Греками и Римлянами заднимъ числомъ. Неужели Гомеръ сотворилъ Иліаду, предугадывая Аристотеля и Лонгина, и въ угожденіе какой-то *классической совѣсти*, еще тогда не вымышленной? Да и позвольте спросить у себя и у старѣйшинъ вашихъ, опредѣлено ли въ точности, что такое *Романтическій родъ*, и какія имѣетъ онъ отношенія и противуположности съ *классическимъ?* Признаюсь, по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случилось мнѣ отъискивать ни въ книгахъ, ни въ умѣ своемъ, сколько о томъ ни читалъ, сколько о томъ ни думалъ, полнаго, математическаго, удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи. Многіе вѣруютъ въ классической родъ потому, что такъ имъ велѣно; многіе не признаютъ Романтическаго рода потому, что онъ не имѣетъ еще законодателей, обязавшихъ къ вѣрности безусловной и безпрекословной. На романтизмъ

смотрятъ, какъ на анархію своевольную, разрушительницу постановленій, освященныхъ древностію и суевѣріемъ. Шлегель и Г-жа Сталь не облечены въ латы свинцоваго педантства, отъ нихъ не несетъ схоластическою важностью, и правила ихъ для нѣкоторыхъ людей не имѣютъ вѣса, потому что не налягаютъ съ важностію; не всѣ изъ насъ поддаются заманчивости, увлеченію, многіе только что порабощаются господству. *Стадо подражателей*, о коихъ говоритъ Горацій, не переводится изъ рода въ родъ. Что дѣйствуетъ на умы многихъ учениковъ? Добрая указка, съ коей учители по пальцамъ вбиваютъ умъ въ своихъ слушателей. Чѣмъ пастырь гонитъ свое стадо по дорогѣ прогонной? Твердымъ посохомъ. Наша братья любитъ раболѣпствовать.

Класс. Вы такъ много мнѣ здѣсь наговорили, что я не успѣлъ къ стати сдѣлать отпоръ вамъ слѣдующимъ возраженіемъ: Доказательствомъ, что въ Романтической литтературѣ нѣтъ никакого смысла, можетъ служить то, что и самое названіе ея не имѣетъ смысла опредѣленнаго, утвержденнаго общимъ условіемъ. Вы сами признались въ томъ! весь свѣтъ знаетъ, что такое классическая литтература, чего она требуетъ...

Издат. Потому что условились въ опредѣленіи, а для Романтической литтературы еще не было времени условиться. Начало ея въ природѣ; она есть; она въ обращеніи, но не поступила еще въ руки анатомиковъ. Дайте срокъ! придетъ часъ, педантство и на ея воздушную одежду положитъ свое свинцовое клеймо. Въ которомъ нибудь столѣтіи Бейронъ, Томасъ Муръ, какъ нынѣ Анакреонъ или Овидій, попадутся подъ рѣзецъ испытателей, и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи потускнѣютъ отъ кабинетной пыли, и закоптятся отъ лампаднаго чада комментаторовъ, антикваріевъ, схоластиковъ: прибавимъ, если только въ будущихъ столѣтіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ и кои, подобно Вампирамъ, роются въ гробахъ, гложутъ и жуютъ мертвыхъ, не забывая притомъ кусать и живыхъ...

Класс. Позвольте, между тѣмъ, замѣтить вамъ мимохо-

домъ, что ваши отступленія совершенно романтическія.— Мы начали говорить о Пушкинѣ, отъ него кинуло насъ въ древность, а теперь забѣжали вы и въ будущія столѣтія.

Издат. Виноватъ! я и забылъ, что для вашего брата классика такіе походы не въ силу. Вы держитесь единства времени и мѣста. У васъ умъ домосѣдъ. Извините —я остепенюсь; чего вы отъ меня желаете?

Класс. Я желалъ бы знать о содержаніи такъ называемой поэмы Пушкина. Признаюсь, изъ заглавія не понимаю, что тутъ можетъ быть годнаго для поэмы. Понимаю, что можно написать къ *фонтану* стансы, даже оду...

Издат. Да, тѣмъ болѣе, что у Горація уже есть *Бландузскій ключъ.*

Класс. Впрочемъ мы романтиками пріучены къ нечаянностямъ. Заглавіе у нихъ эластическаго свойства: стоитъ только захотѣть, и оно обхватитъ все видимое и невидимое; или обѣщаетъ одно, а исполнитъ совершенно другое, но разскажите мнѣ...

Издат. Преданіе, извѣстное въ Крыму и понынѣ, служитъ основаніемъ поэмѣ. Разсказываютъ, что Ханъ Керимъ Гирей похитилъ красавицу Потоцкую, и содержалъ ее въ Бахчисарайскомъ Гаремѣ; полагаютъ даже, что онъ былъ обвѣнчанъ съ нею. Преданіе сіе сомнительно и Г. Муравьевъ-Апостолъ въ *Путешествіи своемъ по Тавридѣ,* недавно изданномъ, возстаетъ, и кажется довольно основательно, противъ вѣроятій сего разсказа. Какъ бы то ни было,—сіе преданіе есть достояніе поэзіи.

Класс. Такъ! въ наше время обратили Музъ въ разскащицъ всякихъ небылицъ! Гдѣ же достоинство поэзіи, если питать ее однѣми сказками?

Издат. Исторія не должна быть легковѣрна; поэзія напротивъ. Она часто дорожитъ тѣмъ, что первая отвергаетъ съ презрѣніемъ, и нашъ поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайкое преданіе и обогативъ его правдоподобными вымыслами; а еще и того лучше, что онъ воспользовался тѣмъ и другимъ съ отличнымъ искуствомъ. Цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣствованіи со всею

возможною свѣжестью и яркостью. Есть отпечатокъ Восточный въ картинахъ, въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ. По мнѣнію судей, коихъ приговоръ можетъ считаться окончательнымъ въ словесности нашей, поэтъ явилъ въ новомъ произведеніи признакъ дарованія зрѣющаго болѣе и болѣе.

Класс. Кто эти судіи? мы другихъ не признаемъ, кромѣ *Вѣстника Европы* и *Благонамѣреннаго*; и то потому, что пишемъ съ ними за одно. Дождемся, что они скажутъ!

Издат. Ждите съ Богомъ! а я пока скажу, что разсказъ у Пушкина живъ и занимателенъ. Въ произведеніи его движенія много. Въ раму довольно тѣсную вложилъ онъ дѣйствіе полное, не отъ множества лицъ и сцѣпленія различныхъ приключеній, но отъ искуства, съ какимъ поэтъ умѣлъ выставить и оттѣнить главныя лица своего повѣствованія! *Дѣйствіе* зависитъ, такъ сказать, отъ *дѣятельности* дарованія: слогъ придаетъ ему крылья или гирями замедляетъ ходъ его. Въ твореніи Пушкина участіе читателя поддерживается съ начала до конца.—До этой тайны иначе достигнуть нельзя, какъ заманчивостью слога.

Класс. Со всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, что, по обыкновенію романтическому, все это дѣйствіе только слегка обозначено. Читатель въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть подмастерьемъ автора и за него досказывать. Легкіе намеки, туманныя загадки: вотъ матеріалы, изготовленные романтическимъ Поэтомъ, а тамъ читатель дѣлай изъ нихъ, что хочешь. Романтической зодчій оставляетъ на произволъ каждому распоряженіе и устройство зданія—сущаго воздушнаго замка, не имѣющаго ни плана, ни основанія.

Издат. Вамъ не довольно того, что вы передъ собою видите зданіе красивое: вы требуете еще, чтобъ видѣнъ былъ и остовъ его. Въ изящныхъ твореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго; что за охота видѣть производство? Твореніе искуства—обманъ. Чѣмъ менѣе выказывается прозаическая связь въ частяхъ, тѣмъ болѣе выгоды въ отношеніи къ цѣлому. Частыя мѣстоименія въ рѣчи замедляютъ ея теченіе, охлаждаютъ разсказъ. Есть въ изобрѣтеніи и въ вымыслѣ также свои *мѣстоименія*, отъ коихъ дарованіе

старается отдѣлываться удачными эллипсисами. Зачѣмъ все высказывать и на все напирать, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельнаго и остраго? А о людяхъ понятія лѣниваго, тупаго и думать нечего. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ классическомъ читателѣ, который никакъ не понималъ, что сдѣлалось въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* съ Черкешенкою при стихахъ:

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.

Онъ пенялъ Поэту, зачѣмъ тотъ не облегчилъ его догадливости, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и утонула. Оставимъ прозу для прозы! И такъ довольно ея въ житейскомъ быту и въ стихотвореніяхъ, печатаемыхъ въ Вѣстникѣ Европы.

P. S. Тутъ Классикъ мой оставилъ меня съ торопливостью и гнѣвомъ, и мнѣ вздумалось положить на бумагу разговоръ, происходившій между нами. Перечитывая его, мнѣ впало въ умъ, что могутъ подозрѣвать меня въ лукавствѣ; скажутъ: „Издатель нарочно ослабилъ возраженія своего противника, и съ умысломъ утаилъ все, что могло вырваться у него дѣльнаго на защиту своего мнѣнія!“ Передъ недовѣрчивостію оправдываться напрасно! Но пускай обвинители мои примутъ на себя трудъ перечитать все, что въ нѣкоторыхъ изъ журналовъ нашихъ было сказано и пересказано на счетъ романтическихъ опытовъ, — и вообще на счетъ новаго поколѣнія Поэзіи нашей: если изъ всего того выключить грубыя личности и пошлыя насмѣшки, то безъ сомнѣнія каждый легко увѣрится, что мой собесѣдникъ подъ пару своимъ журнальнымъ клевретамъ.

Изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“, изданнаго въ 1824 году.

* * *

Ты хочешь исправлять; но будь исправенъ самъ!
Уваженъ будешь ты, когда другихъ уважишь!
К. Вяземскій.

*) Класс. Г-нъ Издатель! вы напечатали разговоръ, который будто бы имѣли со мною, по случаю изданія новаго стихотворенія Пушкина. Достовѣрность сего разговора очень подозрительна. Я, признаюсь, не вступился бы въ это дѣло; но пріятели, которыхъ мнѣніемъ я уважаю, не даютъ мнѣ покоя и требуютъ, чтобы я обличилъ васъ въ подлогѣ...

Издат. Что же не нравится вашимъ пріятелямъ, и чему они не вѣрятъ?

Класс. Отвѣчать на сей вопросъ не должно бы изъ скромности; но дѣлать нечего!—Они говорятъ, что етотъ Классикъ—совсѣмъ не Классикъ; что ето разговоръ двухъ учениковъ; что Классику стыдно было связаться съ такимъ противникомъ, а еще стыднѣе возражать ему столь слабо и несвязно; что, наконецъ, вы, по молодости своей, очень неосторожно ошибаетесь...

Издат. Въ чемъ же я ошибаюсь?

Класс. Вы говорите, напримѣръ, что пора истинной классической литературы у насъ еще не настала.—Остерегитесь, г. Издатель! Неужели произведенія Ломоносова, Дмитріева, Карамзина, Озерова, Батюшкова не суть произведенія классической литературы? Ихъ не отвергли бы не только новѣйшіе просвѣщенные народы, но, думаю, признали бы таковыми и самые современники Горація и Виргилія.—Видите ли, куда ведетъ васъ самонадѣянность ваша, свойственная, правду сказать, всѣмъ нынѣшнимъ *природнымъ* рецензентамъ!—Жаль, что вы не учились ни въ какомъ Университетѣ: вы не сказали бы етаго. Однако, позвольте мнѣ оправдываться далѣе.—Вы говорите, что „новая школа щеголяетъ новыми выраженіями и словами, взятыми изъ Словаря Россійской Академіи?—Ето не совсѣмъ справедливо; къ тому же, новость выраженій сей школы состоитъ не столько въ новыхъ словахъ, сколько въ *не-*

---

*) „Вѣстникъ Европы“ 1824 г., № 5. Статья N., подъ заглавіемъ: „Второй разговоръ между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана“.

совмѣстномъ соединеніи словъ уже извѣстныхъ. О семъ-то сказалъ Фонтенель: Il-y-a des mots qui hurlent de surprise et d'effroi de se trouver unis ensemble. — Мы не найдемъ подобнаго ни у одного изъ упомянутыхъ мною Русскихъ писателей; а всѣ они могутъ служить образцомъ чистоты, правильности и вкуса! Кромѣ сего я замѣчу, что отличительный признакъ сей школы состоитъ еще не въ словахъ и выраженіяхъ, не въ подражаніи Германцамъ, но въ какой-то смѣси мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностію дѣйствія, пылкости страстей съ холодностію характеровъ, а у плохихъ *подражателей* новой школы есть еще свойственный имъ одинъ признакъ, состоящій въ томъ, что части картинъ ихъ разбросаны, несоотвѣтственны одна другой и неокончены, чувства неопредѣленны, языкъ теменъ. — Однако, кстати о Германскихъ формахъ; кто, сказали вы, ввелъ ихъ въ нашу словесность?

Издат. Ломоносовъ, потому что онъ бралъ въ нововводимомъ стихосложеніи своемъ *съемки* съ формъ Германскихъ.

Класс. Ето несправедливо! Чтобы судить о формахъ одъ Ломоносова, надобно различить составныя части формы піитической и отдать suum cuique.—Ломоносовъ, какъ Геній, не подражалъ никому рабски, и какъ писатель, чувствующій прямое достоинство законодателя Словесности, не ввѣрялся слѣпо своему Генію; онъ у всякаго бралъ *лучшее*: потому-то, можетъ быть, въ одахъ мы и превосходимъ почти всѣ другіе народы Европейскіе!—Ломоносовъ заимствовалъ у нѣмцевъ одно *стихосложеніе;* въ *ходѣ* одъ своихъ онъ, кажется, подражалъ болѣе древнимъ; а *наружная* ихъ *форма* (т. е. строфы, подъ которыми вы сбивчиво разумѣете піитическую форму вообще) очевидно та самая, какая у Жанъ-Баптиста Руссо!—Вотъ какъ судимъ мы по школьному!—Далѣе, вы раздѣляете нашу Литтературу на три эпохи, ознаменованныя Ломоносовымъ, Карамзинымъ и нынѣшними романтиками, и говорите, что въ каждой мы найдемъ отпечатокъ Литтературы Германской. Изъ сего заключаете, что

наши поэты современники слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ? не такъ ли?

Издат. Да! Однако же не искажайте моего заключенія! Я прибавилъ: „разница въ томъ, что онъ, т. е. Ломоносовъ, слѣдовалъ *Гинтеру*, а не Гете и Шиллеру“.

Класс. Вы сами подаете противъ себя оружіе! Сколько несообразностей открываете вы ѐтимъ словомъ *разница!* — Я буду возражать вамъ по порядку. 1) Ломоносовъ не слѣдовалъ Гинтеру. Онъ, читая его *пѣсни*, почувствовалъ только влеченіе къ стихотворству, такъ какъ Лафонтенъ при чтеніи одъ Малерба въ первый разъ почувствовалъ въ душѣ своей присутствіе піитическаго генія; однако Лафонтенъ не писалъ одъ и не слѣдовалъ Малербу. Подобно и у Ломоносова немного найдется общаго съ Гинтеромъ: *слѣдовательно*, Ломоносовъ ему *не слѣдовалъ*. — 2) Во время Ломоносова въ Германіи еще не было того, что мы называемъ нынѣ *школой Германской*; не было еще въ Нѣмецкой Литтературѣ и той оригинальности, которую она получила въ послѣдствіи отъ Лессинга, какъ отъ критика, и отъ Гете, какъ отъ поэта. Слѣдовательно, если бы Ломоносовъ и ввелъ современныя ему Германскія формы, то нынѣшніе поэты, слѣдуя *данному имъ движенію*, не имѣли бы еще ничего отличительнаго, собственно Германскаго. 3) Вы говорите, что *эпоха* преобразованія Русской прозы, *сдѣланная* Карамзинымъ, носитъ на себѣ также отпечатокъ Германской? Несправедливо! — Хотя въ то время писалъ уже Виландъ, котораго проза прекрасна; но и она не могла служить образцомъ для Русской: ибо свойства Русской чистой прозы столь же *далеки* отъ Нѣмецкой, сколько стихосложеніе наше *близко* къ Нѣмецкому. — Карамзинъ, если не ошибаюсь, болѣе обращалъ вниманіе на Французскихъ прозаиковъ, и поступилъ разсудительно; ибо во Французской прозѣ преимущественно можно научиться сей плавности, сему составу періодовъ, постепенно слѣдующему за порядкомъ мыслей, и наконецъ самой гармоніи. Онъ избѣгалъ только выраженій несвойственныхъ языку Русскому, но во всемъ прочемъ слѣдовалъ образцамъ своимъ. — Позвольте мнѣ замѣтить

вамъ, г. Издатель! Вы, кажется, совсѣмъ не знаете Нѣмецкой Литтературы ни въ отношеніи къ свойствамъ ея, ни относительно ея исторіи! Какъ же вы объ ней судите, да еще смѣетесь и надъ классиками! — А всего больнѣе мнѣ то, что вы мимоходомъ даете судъ и о Карамзинѣ, который не требуетъ нашего защищенія, но сто́итъ, очень стоитъ того, чтобь мы его читали со вниманіемъ! Вотъ въ чемъ состоитъ истинная дань уваженія къ образцовому Писателю!

Издат. Благодарю васъ за наставленія! Вы очень снисходительны и учтивы: доказываете въ глаза, что я не знаю того, о чемъ говорю. Остается просто доказать, что въ томъ нѣтъ здраваго смысла...

Класс. Я не говорю етаго. Не только есть смыслъ, но есть и мысли, только онѣ такъ неопредѣленны, сбивчивы и запутанны, что вы сами не можете дать въ нихъ отчета. Ето отъ того, что вы не знаете *Логики*...

Издат. Изъ чего вы ето заключаете?

Класс. А вотъ изъ чего. Вы говорите: „Мы еще не имѣемъ *Русскаго покроя* въ Литтературѣ" — (оставляю безъ вниманія слово *покрой*; но что слѣдуетъ?) — „Можетъ быть и *не будетъ его, потому что нѣтъ*". — Если я самъ скажу: можетъ быть и не будетъ ночи, потому что нѣтъ; что вы будете отвѣчать на ето?

Издат. Извините; скажу просто, что ето безсмыслица, потому что заключеніе противорѣчитъ опыту.

Класс. Но гдѣ не увѣряетъ очевидность, тамъ доказываетъ разумъ. — Кстати о *покроѣ*. Если я скажу, напримѣръ: у меня не будетъ моднаго фрака, потому что нѣтъ! — Что вы мнѣ на ето скажете?

Издат. Скажу, что ето не доказательство. Если бы вы сказали: у меня не будетъ фрака, потому что нѣтъ денегъ; тогда бы я повѣрилъ...

Класс. Почему же такъ? — Потому что тогда подразумѣвался бы въ моемъ заключеніи полный правильный силлогизмъ, который можно составить такимъ образомъ: „У кого нѣтъ денегъ, тому не на что сдѣлать фрака; у меня

нѣтъ денегъ: слѣдственно, у меня и не будетъ фрака“.— Ваше заключеніе можно изложить такъ: „Мы еще не имѣемъ Русскаго покроя въ Литтературѣ; чего нѣтъ, то еще быть можетъ: слѣдственно, етотъ покрой еще можетъ быть“.— Разумѣется я не требую, чтобъ всѣ изъяснялись силлогизмами; но всякое правильное умозаключеніе есть природою внушенный силлогизмъ, хотя бы и не имѣлъ формы! — Однако и Логика много помогаетъ. Жаль право, что вы не учились ни въ какомъ Университетѣ; вы знали бы Логику!

Издат. Согласенъ! согласенъ! оставьте ето! Вы начали съ того, что въ моихъ мысляхъ нѣтъ опредѣленности. Въ чемъ же вы нашли сію неопредѣленность?

Класс. Почти во всемъ! Вы говорите, напримѣръ: Поезія *Романтическая* не менѣе намъ сродна, чѣмъ Поезія Ломоносова. А потомъ: „Что есть *народнаго* въ Петріадѣ?“ То есть, какъ будто вы защищаете Романтическую Поезію тѣмъ, что въ Классической нѣтъ ничего народнаго; между тѣмъ сами говорите, что *народное* есть и въ *Классической* Поезіи древнихъ. Вся ета неясность происходитъ оттого, что вы не опредѣляете, что такое Поезія Романтическая, и что такое народная. — Самое наименованіе *народное* вы смѣшиваете съ *національнымъ*; а въ нихъ большая разница!

Издат. Я не вижу етой разницы: самыя слова сіи, кажется, значатъ одно и то же; объясните же мнѣ, какая, по мнѣнію вашему, разница между *народнымъ* и *національнымъ*?

Класс. Странно, что отъ насъ же Классиковъ требуютъ изъясненія тѣ, которые безпрестанно употребляютъ сіи термины!—*Народная* Поезія можетъ существовать и у народа необразованнаго: доказательство тому наши старинныя пѣсни. Поезія же *національная* существуетъ единственно у тѣхъ народовъ, которыхъ политическое бытіе тѣсно соединено съ просвѣщеніемъ гражданскимъ, и одно въ другомъ находитъ необходимую подпору; у народовъ, имѣющихъ, при образованности, общей имъ съ другими, свои собственные нравы, свои обычаи, не изглаженные, но только смягченные временемъ, свои преданія, которыхъ, можетъ быть, не

признаетъ исторія, но которымъ вѣритъ духъ націи! — Тогда только Поезія можетъ быть *національною*, когда она основана *на сихъ* условіяхъ, Романтическая ли она, или Классическая.—Вотъ мое мнѣніе, которое, впрочемъ, не что иное, какъ плодъ соображеній, выведенныхъ изъ наблюденій извѣстнѣйшихъ Естетиковъ. Между ними Ансильонъ самымъ вѣрнымъ способомъ доходитъ до опредѣленія Національной Поезіи: онъ опредѣляетъ сперва, что есть *нація*. — Напрасно же вы напечатали, г. Издатель, будто я принимаю слово *народность* за риторическую фигуру. Ета шутка не остра и показываетъ только вашу молодость... Вы невиноваты; виноваты тѣ, которые ободряютъ въ васъ подобныя замашки...

Издат. Кто же тѣ, которые ихъ ободряютъ?

Класс. Друзья ваши и тѣ поверхностные люди, которыхъ вы ослѣпляете блестками подражательнаго остроумія, и покоряете громкими именами Аристотеля и Горація: сами они не читали сихъ авторовъ; насъ Классиковъ презираютъ за то, что мы ихъ читаемъ; а вамъ молодежи вѣрятъ *на слово* въ томъ, что вы ихъ понимаете.—Какъ перемѣняются времена!—За тридцать лѣтъ до сего только тотъ говорилъ объ Аристотелѣ, кто читалъ его; а нынѣ именно тѣ чаще говорятъ объ немъ, которые его не читали! Тогда свѣтской юноша почти стыдился произнести имя философа, опасаясь, чтобы не назвали его педантомъ; а нынѣ другая крайность: педантизмъ сдѣлался любимою модою свѣтскихъ юношей!.. Но вы, которые говорите о Гораціѣ, въ какомъ смыслѣ сказали вы, что Поезію Ломоносова мы *силимся* выставить за классическую?—Нѣтъ! мы не силимся; но скажу болѣе: иначе и признавать ее не можемъ. Жаль, если и вы предпочитаете ей тѣ модныя сатирическія посланія, которыя свизаны изъ разныхъ стишковъ Буало и Вольтера, тѣ куплетцы, которыхъ остроуміе прежде автора давно всѣми затвержено и кажется чѣмъ-то новымъ единственно по примѣненію къ лицамъ... *Батюшковъ*, сей истинный талантъ, не такъ думалъ: онъ желалъ (если не ошибаюсь), чтобы сочиненія Ломоносова были любимою книгою всякаго молодого стихотворца!

Издат. Что за отступленіе въ пользу Ломоносова!—Не позволите ли напомнить вамъ то, что вы мнѣ сей часъ сами сказали о другомъ писателѣ, то-есть, что *онъ не требуетъ вашего защищенія!*—Вижу, г-нъ Классикъ! я несправедливо сказалъ, что *у васъ умъ домосѣдъ!*

Класс. Однако не хорошо, если умъ и слишкомъ далеко гуляетъ! — Съ етѣхъ прогулокъ онъ возвращается иногда какъ бы *весь не свой*, такъ что и самъ не знаетъ, что говоритъ: мудрено ли, ежели послѣ етаго его не понимаютъ!

Издат. Напримѣръ...

Класс. Напримѣръ, что̀ ето за мысль на страницѣ XVIII-й вашего разговора: *„Дарованіе отличается отъ мѣстоименій удачными еллипсисами!*—или, что ето за выраженіе на страницѣ VIII: *Силятся быть Греками званимъ числомъ?* или ето, на стран. XIII: *Заглавіе еллистическаго свойства!* Или, наконецъ, ето: „Добрая указка, съ коей учители по пальцамъ вбиваютъ умъ въ своихъ слушателей?“—а ето что за економическо-буколическое наблюденіе: „Чѣмъ пастырь гонитъ свое стадо по дорогѣ прогонной?—Твердымъ посохомъ!“ — Еще разъ скажу: право жаль, что вы не учились въ Университетѣ и безъ вниманія читали Карамзина; вы писали бы вразумительнѣе...

Издат. Вы привязываетесь къ словамъ: я писалъ наскоро: не хотѣлъ заниматься сими бездѣлицами; ето нерадивость...

Класс. Какъ на̀скоро?—А сколько времени для вашего разговора публика ждала Бахчисарайскаго Фонтана?.. Мы же Классики не прощаемъ нерадивости. Вспомните, что говоритъ Мизантропъ сіятельному стихотворцу:

До времени, сударь, нѣтъ надобности тутъ!

Однако, ежели вы думаете, что я привязываюсь къ словамъ; то мы займемся другимъ, напримѣръ, вашими *фигурами*.—На XI-й страницѣ мы видимъ Романтическую Поезію въ рукахъ *анатомика*; педантство кладетъ на ея воздушную одежду свинцовое *клеймо*; далѣе, Байронъ, Томасъ Муръ,

Анакреонъ и Овидій подъ *рызиомъ* испытателей.—Прекрасная группа! Одного анатомируютъ и клеймятъ, другихъ пытаютъ! И все ето совершается въ лампадномъ чаду коментаторовъ! — Ха! ха! ха! Вы шутите надъ читателями, почтенный г-нъ Издатель!

Издат. А вы, вы шутите, кажется, надо мною. Знайте, сударь, что я не позволю...

Класс. On sera ridicule et je n'oserai rire!—Позвольте! позвольте! На страницѣ XII-й еще одна картина: „Вампиры роются въ гробахъ, гложутъ и *жуютъ* мертвыхъ, не забывая притомъ кусать и живыхъ“... Повѣрьте, *Классикъ* не сказалъ бы етаго: ето отвратительно!

Издат. Оставимъ ето! Я вижу, что вы принадлежите къ тѣмъ школьнымъ упрямцамъ, на которыхъ угодить трудно.— Скажите мнѣ послѣднее: что вы думаете о самомъ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ?

Класс. Стихотвореніе прекрасное, исполненное чувствъ живыхъ, картинъ вѣрныхъ и плѣнительныхъ; и все ето облечено въ слогъ цвѣтущій, невольно привлекающій свѣжестью и разнообразіемъ! Короче, въ послѣднихъ двухъ поемахъ Пушкина замѣтно, что етотъ *Романтикъ* похожъ во многомъ на *Классиковъ!*

Издат. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится?

Класс. Признаюсь! жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина; думаю, и самъ авторъ объ етомъ пожалѣетъ!—Однако я поспѣшу послать въ журналъ теперешній разговоръ пашъ, сколько для того, чтобъ оправдаться передъ строгими пріятелями въ томъ, чего не говорилъ прежде, хотя вы ето и напечатали, столько и по другой причинѣ: я желаю показать вамъ, что не жду въ своихъ мнѣніяхъ ни *Благонамѣреннаго*, ни *Вѣстника Европы.*

Изъ „Вѣстника Европы“ 1824 г.

*
* *

*) Съ нѣкотораго времени мистификаціи вошли въ моду въ кругу нашей литтературы, и бѣдные читатели, сущія жертвы авторскихъ проказъ, не знаютъ, кому и чему вѣрить. Созіи расплодились! Г-нъ Н. Д., прославившійся на поприщѣ театральной критики *готовностію* говорить о драматическомъ искуствѣ, и который между тѣмъ въ ожиданіи вдохновенія, слѣдуя пословицѣ, просидѣлъ *на посулѣ какъ на стулѣ*, или правильнѣе *на креслахъ театральныхъ*, напоминающихъ намъ на этотъ разъ усыпительную силу кресслъ Французской Академіи, брался нѣсколько разъ быть Созіемъ Жофруа, но не собрался съ силами: тамъ *Аристотелидъ* затѣйливо разыгралъ роль Н. Д., но Н. Д. вступился за лице свое и съ аттическимъ остроуміемъ, ему свойственнымъ, обличилъ дерзновеннаго Созія; но въ слѣпотѣ гнѣва не распозналъ его и ввелъ читателей въ обманъ, принеся на жертву негодованію своему невиннаго, вмѣсто виноватаго. Зрителями ожидается еще развязка этой шутки, какъ вдругъ Вѣстникъ Европы, также порядочный мистификаторъ въ своемъ родѣ, выводитъ на сцену новую мистификацію, нарядивъ кого-то въ Издатели Бахчисарайскаго фонтана и пустивъ его въ разговоръ съ Классикомъ, себѣ споручнымъ.

За обязанность ставлю вывести изъ заблужденія легковѣрныхъ читателей, удостовѣривъ ихъ, что я, нижеподписавшійся, законный и единственный Издатель Бахчисарайскаго фонтана, не имѣлъ никогда разговора, подобнаго напечатанному въ 5-й книжкѣ Вѣстника Европы, и отъ роду имѣть не могъ, да и впредь имѣть не могу, потому что я свойства нетерпѣливаго. Признаюсь откровенно, что съ первыхъ пріемовъ мнимаго моего собесѣдника поворотился бы я къ нему спиною, оставя дальнѣйшія возраженія, ибо не умѣю выносить хладнокровно пустословія, въ особенности же того, которое [illegible] и не облечено въ вѣ-

*) „Дамскій Журналъ“ 1824 г., ч. V[illegible]. Статья князя Вяземскаго, подъ заглавіемъ: „О Литтературныхъ мистификаціяхъ, по случаю напечатаннаго въ 5-й книжкѣ Вѣстника Европы втораго подложнаго разговора между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана“.

жливость общежительной образованности. Для большаго удостовѣренія въ подлогѣ того разговора замѣчу, что Классиковъ, каковы Классикъ моего предисловія и Классикъ Вѣстника Европы, вездѣ много; что Классикъ имя *нарицательное;* что не опредѣлено у меня, съ которымъ изъ нихъ входилъ я въ рѣчь; но *Издатель Бахчисарайскаго фонтана* есть лице опредѣленное и слѣдовательно въ отношеніи къ нему не можетъ быть недогадки. Впрочемъ, если захотѣть, то можно бы легко и къ *лицу безъ образа* Вѣстника Европы примѣнить черты знакомыя. Оное Классическое лице укоряетъ меня въ *молодости:* это давняя замашка! Уже не въ первый разъ, за недостаткомъ лучшихъ возраженій, называли своихъ противниковъ *недоучившимися Студентами, дѣтьми, не задолго предъ симъ вышедшими изъ-подъ ферулы.* Что ни говори, а подобные упреки живо отзываются безсильною злобою и желчью пожилаго Педагога, который гнѣвается, что ученики переросли учителей, и что дарованія первыхъ процвѣтаютъ, когда слава другихъ, какъ баснословное преданіе, ветшаетъ съ каждымъ днемъ. Нашъ новый мистификаторъ въ прозорливомъ всевѣдѣніи своемъ знаетъ и то, что я не учился ни въ какомъ Университетѣ. Учиться въ Университетахъ — хорошо, но не довольно; можно не только *учившись*, —ничему не *выучиться*, но мы видимъ примѣры, что можно даже и *учить*, ничего не зная основательно.

Главнымъ и единственнымъ побужденіемъ моимъ было изобличить подлогъ разговора, напечатаннаго въ Вѣстникѣ Европы, а потому не войду въ изслѣдованіе всѣхъ несообразностей, сказанныхъ и Классикомъ и мнимымъ Издателемъ. Мое дѣло было только отклонить отъ себя худую славу; но предоставляю пользоваться ею безмятежно, кому принадлежитъ она по праву. Къ тому же, зачѣмъ указывать на то, что явно и что такъ торжественно оправдываетъ мнѣніе, изложенное въ предисловіи къ Бахчисарайскому фонтану, что *„если изъ всего сказаннаго и пересказаннаго въ журналахъ нашихъ насчетъ романтическихъ опытовъ выключить грубыя личности и пошлыя насмѣшки, то безъ со-*

мнѣнія каждый легко увѣрится, что мой собесѣдникъ подъ-пару своимъ журнальнымъ клевретамъ“. Кстати однако же приходится здѣсь замѣтить невинное признаніе Классика Вѣстника Европы и пріятелей его (ибо у него нѣтъ *пріятелей* *), что Классикъ моего предисловія—*совсѣмъ не Классикъ!* — Слава Богу, что догадались! А конечно онъ не Классикъ въ истинномъ значеніи, достойный уваженія; но Классикъ въ превратномъ смыслѣ, достойный осмѣянія! И потому-то портретъ похожъ на свои подлинники, и потому-то у одного изъ подлинниковъ, который, какъ видно, подогадливѣе, или пооткровеннѣе другихъ, вырвалось невольное признаніе: „Да это я!“ То ли дѣло попасть на людей понятныхъ и прозорливыхъ? Они постигаютъ васъ на лету. Позволю себѣ еще одно замѣчаніе. Классикъ Вѣстника Европы *увѣряетъ, что для моего разговора публика долго ждала Бахчисарайскаго фонтана.* Жаль, что Издатель Вѣстника Европы, Ординарный Профессоръ Московскаго Университета Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, не былъ третьимъ при этомъ *второмъ разговорѣ*: съ благородною откровенностію, свойственною честному человѣку, онъ лучше другого могъ бы изъяснить своему Классику истинныя причины, нѣсколько замедлившія появленіе моего разговора, а съ нимъ и *Бахчисарайскаго фонтана.*

Не желая съ своей стороны подавать новыхъ поводовъ къ продолженію мистификацій и между тѣмъ почитая обязанностью человѣка съ честью оградить себя отъ непріятнаго принужденія отвѣчать иногда не такъ, какъ бы слѣдовало; однимъ словомъ, боясь подъ щитомъ анонима неустрашимой храбрости безыменныхъ противниковъ, принужденнымъ нахожусь объявить себя Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана.

Изъ „Дамскаго Журнала“ 1824 г. Статья князя П. Вяземскаго.

* * *

*) Подтверждаемъ съ своей стороны, что Издатель В. Е. не пишетъ такимъ образомъ этаго слова. *Изд. Д. Ж.*

*) Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія, на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшею благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и ободренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостію.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

„Издат. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится?—Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ“.

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. *Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова* писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и не замѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

*) „Сынъ Отечества“ 1824 г., № 18. Статья А. Пушкина, подъ заглавіемъ: „Письмо къ издателю С. О.“.

Не хочу или не имѣю права жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго мнѣ Критика.

Изъ „Сына Отечества" 1824 г. Статья А. Пушкина.

* * *

*) On voit que ce foliculaire parlait à tort et à travers des choses les plus aisées á savoir, et dont il ne savait rien. —Woltaire. Много было разговооовъ по случаю Разговора, вылившагося изъ Бахчисарайскаго Фонтана. Не мудрено! Одна искра взрываетъ громаду пороха, а самолюбіе *меньшихъ братьевъ* въ авторствѣ такое горючее вещество, что и порохъ въ сравненіи съ нимъ несгораемъ. Въ ономъ Разговорѣ задраны слегка журнальные клевреты и нѣкоторые прозаическіе поэты Вѣстника Европы. Разрывъ ждать себя не заставилъ. Вторый Разговоръ раздался въ Вѣстникѣ Европы: блеска въ выпалѣ было мало; но за то разостлалось облако густаго дыма, подъ коимъ много кое-чего осталось скрытымъ. Обиженные дѣло свое сдѣлали; я сдѣлалъ свое, отклоня отъ себя непріятность сражаться во тьмѣ и подобно Аяксу въ Иліадѣ, хотя и по другимъ причинамъ, вызвалъ ратоборцевъ къ битвѣ на дневномъ свѣтѣ. Этого не довольно: словесные *меньшіе братья меньшихъ братьевъ письменныхъ, клевреты журнальныхъ клевретовъ* говорятъ, что отвѣтъ мой не отвѣтъ; что я не отразилъ ни одного нападенія *Втораго Классика*; что самыя стрѣлы, брошенныя мною, не попали въ настоящую цѣль, и потому остаются недѣйствительными. Нельзя на всѣхъ угодить: иные вѣрно меня поняли. Постараюсь удовлетворить требованіямъ и другихъ. У меня нѣтъ микроскопа, посредствомъ коего Ривароль составилъ свой забавный *маленькій Словарь Великихъ людей*. Кто отыщетъ, напримѣръ, *Втораго Классика* въ толпѣ литтературныхъ Мирмидоновъ? Да и какая польза, и что за необходимость? *Въ общинѣ* Мирмидоновъ царствуетъ духъ взаимности рѣдкой: троньте одного, и вы тро-

*) „Дамскій Журналъ" 1824 г., № 8, ч. VI. Статья князя Вяземскаго: „Разборъ Втораго Разговора, напечатаннаго въ 5 № Вѣстника Европы".

нули всѣхъ; а тѣмъ болѣе, если коснулись до главы единочувственнаго племени. И вспомня того же Риварола, который говорилъ о Нѣмцахъ: qui ils se fottisent pour comprendre un bon mot, знаю также, что у насъ *меньшіе братья въ авторствѣ* складываются, чтобы написать нелѣпость. Кто послѣ возьметъ на себя головоломный трудъ отыскивать въ этихъ журнальныхъ мозаикахъ вкладчину каждаго? Гораздо короче и благоразумнѣе расплатиться напрямки съ собирателемъ, или *составителемъ* мозаики, предоставляя ему расчесться съ своими поставщиками и воздать каждому свое. Я такъ и сдѣлалъ. На литтературную часть *Втораго Разговора* не отвѣчалъ я литтературно; потому что почелъ ее, по Нѣмецкому выраженію *unter aller kritice*, хотя по всенародному объявленію *Втораго Классика* я по-нѣмецки не знаю.—Но за этимъ дѣло не станетъ. Если угодно: то я берусь не оставить въ цѣлости ни одного изъ литтературныхъ предложеній, выставленныхъ *во Второмъ Разговорѣ*, напечатанномъ въ Вѣстникѣ Европы. Онъ изобилуетъ погрѣшностями. Стоитъ только вытаскивать ихъ на показъ. Желая поступить обстоятельно, начну съ начала и кончу съ концомъ. Трудъ будетъ не на моей сторонѣ, а на сторонѣ постороннихъ читателей, если будутъ они имѣть терпѣніе слѣдовать за мною въ этой ловитвѣ. По крайней мѣрѣ, надѣюсь, *взыскательные* послѣ того не скажутъ, что мой настоящій отвѣтъ не настоящій отвѣтъ.

Вторый Классикъ начинаетъ съ того, что отвергаетъ достовѣрность Разговора, напечатаннаго вмѣсто предисловія къ Бахчисарайскому фонтану. Что же значитъ *вторый разговоръ*, если не было *перваго?* Вотъ неловкость съ перваго приступа.

Классикъ Перваго Разговора—безъименный. Во Второмъ Разговорѣ является г-нъ N, выдающій себя за Классика; онъ говоритъ, что Издатель Бахчисарайскаго фонтана не имѣлъ съ нимъ разговора: но съ кѣмъ *съ нимъ?* Кто *онъ?* Г-нъ N могъ сказать: *Рѣчь идетъ не обо мнѣ! я не классикъ!* тогда бы дѣло другое. И тутъ съ перваго приступа видимъ, что г-нъ N впутался не въ свое дѣло! чѣмъ далѣе пойдемъ, тѣмъ болѣе въ томъ удостовѣримся.

Классикъ *Втораго Разговора* говоритъ, что Классикъ перваго не классикъ. И да и нѣтъ! Не классикъ по званію и въ слѣдствіе глубокаго ученія, но классикъ охотою, самоучкою, классикъ по недоброжелательству своему къ чужимъ успѣхамъ, точно такой же, каковъ классикъ *Втораго Разговора*; однимъ словомъ, комическое лице, которое такимъ и выведено въ драматическомъ предисловіи, подобно какъ Diafoirus у Мольера не есть врачъ ученый, но каррикатура врачей-невѣждъ. Не понимаю, кому пришла охота *олицетворить* въ себѣ творенье вымышленное!

Нѣсколько классическихъ произведеній Поэтовъ образцовыхъ, каковы Ломоносовъ, Дмитріевъ, Озеровъ, Батюшковъ (упомянутый во *Второмъ Разговорѣ*) не составляютъ еще классической литтературы. Нѣсколько раннихъ плодовъ, *созрѣвшихъ* весною, не составляютъ еще лѣта; полдюжина томовъ не образуетъ литтературы. Тамъ существуетъ литтература классическая, гдѣ всѣ отрасли ея достигли до совершенной зрѣлости; у насъ же многія еще и не показываются, другія только что развиваются. Не удивительно, что *Второй Классикъ* того не знаетъ; но жаль, что, Журналъ, нѣкогда издаваемый Писателями, каковы Карамзинъ и Жуковскій, повторяетъ пустословныя сужденія классика-самозванца.

Насмѣшки на *природныхъ рецензентовъ* не кстати! И конечно для званія рецензента нужны природныя дарованія, которыя не въ школахъ добываются: умъ открытый, взглядъ смѣтливый, вѣрный, чутье изящнаго, правила благородныя, независимость характера. Грубо ошибаются тѣ, кои полагаютъ, что для званія критика потребны только ученый чинъ и дипломъ; еще непростительнѣе поступаютъ тѣ, кои пускаются на поприще критики для отмщенія мелкой своей личности, или для удовлетворенія раздраженнымъ страстямъ почетнаго Зоила. Побужденія полемическаго писателя должны быть всегда чисты и откровенны; онъ не долженъ быть двуличнымъ; не долженъ въ глаза искать ласки того, котораго готовится уничтожить подъ рукою: иначе его криво-

душіе отразится и въ кривыхъ его сужденіяхъ. Фреронъ не отъ того прибилъ имя свое къ позорному столпу въ литтературѣ, что былъ критикомъ безжалостнымъ: но отъ того, что былъ критикомъ безчестнымъ.

Озерова нельзя ставить въ образецъ чистоты и правильности языка вмѣстѣ съ Дмитріевымъ, Карамзинымъ, Батюшковымъ. Ломоносовъ нейдетъ въ образецъ вкуса. Такое смѣшеніе именъ, принадлежащихъ Поэтамъ свойствъ различныхъ, доказываетъ, что, напримѣръ, въ нашемъ рецензентѣ мало *природнаго*, и что его тупое зрѣніе не умѣетъ отличать тонкихъ оттѣнокъ.

Что значитъ соединеніе *быстроты разсказа съ неподвижностью дѣйствія*, будто служащее *отличительнымъ признакомъ новой нашей школы?* О чемъ же идетъ *разсказъ*, если не о *дѣйствіи*? Гдѣ прекращается *дѣйствіе*, тамъ прекращается и *разсказъ*. Мы видимъ *въ Теоріи Изящной Словесности* Профессора Мерзлякова опредѣленіе *Пінтическаго разсказа*, который составляется изъ представленія истинныхъ, или вымышленныхъ происшествій и дѣяній. Можно сказать, что *слогъ повѣствованія* не соотвѣтствуетъ дѣйствію; но антитеза, выведенная *Вторымъ Классикомъ*, есть именно то, что Англичане называютъ nonsense. Сюда принадлежитъ также и соединеніе *пылкости страстей съ холодностію характеровъ*. Есть ли тутъ здравый смыслъ? Изъ чего же составляется характеръ? Какъ могутъ страсти не дѣйствовать на характеръ? Можно подумать, что *Вторый Классикъ* въ двухъ опредѣленіяхъ хотѣлъ оправдать собственными примѣрами упомянутое имъ изреченіе Фонтенеля: Il y a des mots qui hurlent de surprise et d'effroi de se trouver unis ensemble. И въ такомъ случаѣ онъ совершенно успѣлъ! Если правда, какъ сказалъ онъ, что *несовмѣстное сочиненіе словъ* принадлежитъ новой школѣ; то его по справедливости можно назвать *ультра-романтикомъ*, или *классическимъ романтикомъ*; ибо у самого Виконта Дарленкура не найдешь примѣровъ подобнаго сочетанія словъ и понятій несочетаваемыхъ.

Непростительно и ученику сказать, что *въ одахъ мы пре-*

восходимъ почти всѣ другіе народы Европейскіе. Мы имѣемъ великихъ лириковъ, но весьма мало хорошихъ одъ.—Сказавъ, что Ломоносовъ заимствовалъ у Нѣмцовъ *одно стихосложеніе*, будто въ опровержепіе сказаннаго, что Ломоносовъ слѣдовалъ въ своемъ *нововводимомъ стихосложеніи* формамъ Германскимъ, *Второй Классикъ* доказываетъ, что не понимаетъ ни того, на что отвѣчаетъ, ни того, что отвѣчаетъ. Его опроверженіе въ этомъ случаѣ совершенно согласно съ предложеніемъ.

Ломоносовъ *въ ходѣ* одъ своихъ никогда не былъ подражателемъ древнихъ. У него нѣтъ ничего Гораціанскаго; въ движеніяхъ найдешь то, что обыкновенно называютъ пиндарическимъ, но нигдѣ нѣтъ расположенія одъ Пиндаровыхъ. Наружная форма одъ Ломоносова, *очевидно*, не та, что у Ж.-Б. Руссо, который наблюдалъ въ своихъ гораздо болѣе *разнообразія* въ покроѣ строфъ и мѣрахъ стиховъ. Любопытные могутъ видѣть въ письмѣ Ломоносова *О правилахъ Россійскаго Стихотворства* мнѣніе его о Французской Поэзіи.—Совѣтуемъ и *Второму Классику* прочесть это мѣсто, чтобы очистить понятія свои о Ломоносовѣ, который, кажется, знакомъ ему болѣе по наслышкѣ.

Вотъ какъ судимъ мы по школьному! провозглашаетъ съ чопорнымъ самодовольствіемъ маленькаго педагога нашъ *Вторый Классикъ*, выпустивъ нѣсколько погрѣшныхъ опредѣленій касательно Ломоносова. Оставляется теперь на разсмотрѣніе хорошо ли судить по школьному? Да и то не по *школьному*, а развѣ по *школьнически*.

Ломоносовъ *не слѣдовалъ* Гинтеру, говоритъ рѣшительно *Вторый Классикъ*; а послѣ самъ же прибавляетъ, что у Ломоносова немного найдется съ Гинтеромъ.—Если трудно согласить *Втораго Классика* съ нимъ самимъ: то, по крайней мѣрѣ, въ противорѣчіяхъ своихъ иногда соглашается онъ со мною.—*Вторый классикъ* говоритъ, что словомъ *разница открываю много несообразностей*, и на этомъ упрекѣ основываетъ воздушный замокъ своихъ умствованій. Да какое же понятіе и можетъ заключать въ себѣ слово *разница*, какъ не понятіе *о несообразностяхъ* одного пред-

мета въ сравненіи съ другимъ предметомъ? Неужели *Второму классику* никогда не случалось слышать, что *разница* есть противуположность *сходства?* И добродушный *Вторый Классикъ* называетъ это *оружіемъ, которое подаю на себя!!* Развѣ оружіе о двухъ остріяхъ, изъ коихъ одно для меня безвредно, а другое весьма язвительно для того, который хватается за него необдуманно и неловко.

Одна нечаянность изумила меня въ рѣчахъ *Вторaго Классика*; вѣрное опредѣленіе *Германской школы и оригинальности, которую Нѣмецкая Литтература получила отъ Лессинга, какъ отъ Критика, и отъ Гете, какъ отъ Поэта.* Какъ могъ, говорилъ я самъ себѣ, попасть такъ мѣтко на литтературную истину тотъ, который впрочемъ рѣшительно все знаетъ наоборотъ? Я уже начиналъ думать, что и для критиковъ есть иногда счастливая выдержка; но вскорѣ отыскалъ разрѣшеніе загадки, вспомня, что опредѣленіе *Втораго Классика* не иное что, какъ переводъ словъ г-жи Сталь, которая сказала, что Lessing dans la critique et Goethe dans la poésie fondèrent une véritable école allemande.

Въ первомъ Разговорѣ сказано, что наши Поэты современные слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ. Что значитъ *слѣдовать?* Идти далѣе, а не сидѣть сиднемъ, какъ нѣкоторые *запоздалые* въ ограниченномъ кругѣ старыхъ понятій, забытыхъ предразсудковъ и преданій! Итакъ современники наши, слѣдуя движенію, данному Ломоносовымъ, должны были сойтись съ Шиллеромъ и Гете, какъ то и сказано, и должны были участвовать въ измѣненіяхъ, послѣдовавшихъ въ Германской школѣ, коей принадлежали они по *движенію, данному* отцомъ нашей Поэзіи. Если бы Ломоносовъ образовалъ свое стихосложеніе по образцамъ Итальянскимъ, имѣлъ бы, напримѣръ, нѣчто общее съ Метастазіемъ, и мы слѣдовали бы *движенію, данному* имъ; то Поэзія наша современная была бы подражательницею Поэзіи Алфіери, Касти, Монти. Вотъ понятія, которыя естественно извлекаются изъ опредѣленій Издателя Бахчисарайскаго фонтана!

Въ первомъ Разговорѣ сказано, что эпоха преобразованія Руской прозы, сдѣланнаго Карамзинымъ (а не *сдѣланная*, какъ повторяетъ оное *Второй Классикъ*, для коего каждая опечатка есть лакомая поживка), носитъ *отпечатокъ Германской. Вторый Классикъ* опровергаетъ это мнѣніе тѣмъ, что *Карамзинъ обращалъ болье вниманія на Французскихъ прозаиковъ.* Оставя разсмотрѣніе запроса, точно ли слѣдовалъ Карамзинъ иностраннымъ прозаикамъ въ преобразованіи Руской прозы, или просто оцѣнивъ свойства языка отечественнаго, онъ постигъ духъ его и слѣдовалъ собственному откровенію, замѣтимъ, что въ выраженіи: *эпоха носитъ отпечатокъ Германскій*, заключается смыслъ, совершенно противный тому, который хотѣли ему насильственно присвоить. Дѣло въ томъ, что Карамзинъ обратилъ вниманіе наше на Нѣмецкую и Англійскую Словесность, на сихъ двухъ соперницъ, стремящихся къ одной мѣтѣ, какъ видимъ въ одѣ Клопштока: *Die beiden Musen.* Хотя Ломоносовъ и былъ питомцемъ Германскихъ Музъ, но непосредственно послѣдовавшіе за нимъ писатели наши забыли о нихъ, и Литтература Нѣмецкая была до Карамзина для насъ чуждая и мертвая. И это, кажется, должно быть ясно для всѣхъ, развѣ за исключеніемъ *Втораго Классика.*

Гдѣ же тутъ доказательство, что Издатель Бахчисарайскаго фонтана совсѣмъ не знаетъ Нѣмецкой Литтературы? Знаетъ ли онъ, или нѣтъ, но приговоры *Втораго Классика* всегда гадательные. Дѣло другое, если доказать кому-нибудь ясными уликами, что онъ давалъ ошибочныя опредѣленія о Ломоносовѣ, Озеровѣ, Ж.-Б. Руссо, древнихъ лирикахъ и примѣненіи Нѣмецкой Литтературы къ Руской; то можно потомъ дозволить себѣ сказать ему, что онъ не знаетъ Литтературы ни Древней, ни Французской, ни Нѣмецкой, ни Руской.

Въ Предисловіи къ фонтану сказано, что *нѣтъ еще Рускаго покроя* въ Литтературѣ нашей; *что, можетъ быть, и не будетъ его, потому что нѣтъ. Вторый Классикъ,* школьнически разбирая это выраженіе, кладетъ его на станокъ

портнаго и кроитъ по-своему. Не ясно ли понимается изъ сказаннаго въ предисловіи, что, можетъ быть, и не будетъ у насъ Рускаго покроя, потому что нѣтъ Рускаго покроя, то-есть нѣтъ его въ природѣ, нѣтъ его *начала*. Положимъ, что кто-нибудь сказалъ бы: у людей не было безпримѣрнаго счастія, можетъ быть, и не будетъ его, потому что нѣтъ, то есть не опредѣлено намъ имѣть его. Куда же дѣнутся и фракъ и силлогизмы, сшитые на живую нитку *Вторымъ Классикомъ*? Жаль: но худо прикрываютъ они бѣдность его понятія!

Умничанье *Втораго Классика* въ опредѣленіи словъ *народный* и *національный* и все то, что относится къ тому въ предыдущемъ и въ послѣдующемъ, не выдержитъ и не стоитъ легчайшаго изслѣдованія. Всякій грамотный знаетъ, что слово *національный* не существуетъ въ нашемъ языкѣ; что у насъ слово *народный* отвѣчаетъ одно двумъ Французскимъ populaire и national; что мы говоримъ: *пѣсни народныя* и *духъ народный* тамъ, гдѣ Французы сказали бы: *chanson populaire и esprit national*. Жаль, что *Второй Классикъ*, за обширностію познаній своихъ, не успѣлъ узнать бездѣлицъ, которыя могъ бы онъ затвердить отъ перваго десятилѣтняго юноши, получившаго первоначальное обученіе языковъ Французскаго и Рускаго.

Поэзію Ломоносова нельзя признавать за классическую; ибо не остался онъ классическимъ образцемъ ни въ Трагедіи, ни въ Эпопеѣ, ни даже въ самихъ Одахъ, кои хотя и ознаменованы красотами лирическими высшаго достоинства, но вообще слишкомъ растянуты, часто холодны и мало выдержаны.

Второй Классикъ за тайное открытіе объявляетъ, что одинъ Стихотворецъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Хочу-ль сказать, къ кому былъ Фебъ изъ Рускихъ ласковъ?
Державинъ рвется въ стихъ, а попадетъ Херасковъ...

желалъ присвоить себѣ стихъ Депрео:

La raison dit Wirgile et la rime Quinault.

Объявимъ же и ему за тайну, что всякій переводчикъ,

переводя стихотворца, всегда хочетъ присвоить языку отечественному стихи подлинника и что въ слѣдствіе того не мудрено, если въ переводѣ Второй Сатиры Депрео находитъ онъ стихи, напоминающіе стихъ Второй Сатиры Депрео. Впрочемъ переводъ на переводъ не придется! Просимъ покорнѣйше *Втораго Классика*, какъ онъ ни догадливъ и ни скоръ на соображенія, обличить подобныя присвоенія чужаго добра, напримѣръ, въ переводахъ поэмы Вальтера-Скотта—съ Польскаго языка! *Вторый Классикъ*, видно, придерживается совѣстливыхъ переводчиковъ, которые, изъ уваженія къ праву собственности, почитаютъ за грѣхъ воспользоваться драгоцѣнностями подлинника.

Смѣшеніе уподобленій съ *анатоміею, клеймами, испытаніями* совершенно принадлежитъ *Второму Классику*. У Издателя каждое уподобленіе на своемъ мѣстѣ. *Рѣзецъ (скальпель)* не есть орудіе пытки, и слѣдовательно напрасно *Вторый Классикъ* видѣлъ въ своемъ растревоженномъ воображеніи, что пытаютъ Бейрона, Мура, Анакреона, Овидія. Жаль, что не посовѣтывался онъ съ Словаремъ, который успокоилъ бы жестокія сновидѣнія его добровольнаго испуга.

Въ Предисловіи сказано, что *цвѣты яркой Поэзіи* (упомянутыхъ Поэтовъ) *закоптятся отъ лампаднаго чада Комментаторовъ*. Сіе выраженіе кажется смѣшнымъ *Второму Классику*, которому, видно, понятенъ одинъ буквальный смыслъ. Въ припадкѣ веселости вырываются у него энергическія ха! ха! ха! Такой смѣхъ не безъ эха, и многіе посмѣялись насмѣшнику.

Вы шутите надъ читателями, почтенный г-нъ Издатель! говоритъ *Вторый Классикъ*. Ужь полно не забавляется ли надъ нимъ и почтенный г-нъ Издатель Вѣстника Европы, выпустивъ на сцену, безъ всякой оговорки отъ себя, *Классика*, котораго не худо было бы отослать въ классы. Всему виною излишнее доброе сердце и въ слѣдствіе того радушное гостепріимство Издателей журналовъ. Иный Редакторъ, озабоченный множествомъ постороннихъ дѣлъ, не имѣетъ ни досуга, ни способовъ писать отъ себя. Что же онъ дѣлаетъ? Растворяетъ журналъ свой настежъ; отказомъ обидѣть никого не хочется:

И выдетъ наконецъ, что въ общество орловъ
. . . .

(Хемницеръ).

Что значатъ упреки въ молодости? Къ чему въ полемическомъ споръ ссылки на метрическія книги? Есть юношество возмужавшее; есть дряхлость ребяческая; есть посредственность, не имѣющая возраста.

Вторый Классикъ сознается, что новое Стихотвореніе Пушкина *невольно привлекаетъ его.* Сознаніе безцѣнное! Какъ въ этомъ словѣ: *невольно*, вырвавшемся невольно изъ тайника сердечнаго, измѣняетъ себѣ присяга, данная *Вторыми Классиками* и дюженными ихъ клевретами, не признавать дарованій отличныхъ и воевать ихъ единодушно! Но будемъ справедливы! Чѣмъ невольнѣе побѣда надъ собою, тѣмъ болѣе заслуживаетъ она уваженія. Въ этомъ отношеніи и *Вторый Разговоръ* есть точно торжество. Когда вспомнимъ, гдѣ онъ напечатанъ: то найдемъ въ немъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ сего благороднаго и великодушнаго насилія. *Вторый Классикъ*, хотя и сбивчиво и не поавторски, но по крайней мѣрѣ, съ уваженіемъ говоритъ о писателяхъ уваженныхъ, тамъ гдѣ привыкли слушать сужденія о нихъ, совершенно другимъ языкомъ излагаемыя. Не изыскивая скрытыхъ побужденій, порадуемся гласному дѣйствію. Можетъ статься, нуженъ былъ только переломъ, и отнынѣ настанетъ *общая амнистія* писателямъ провинившимся возвышенностію дарованій и характеровъ, утвержденіемъ за собою славы Европейской, пристрастіемъ публики и другими подобными преступленіями.

Вторый Классикъ, начавъ неловкостію или тѣмъ, что запросто называется *absence d'esprit*, кончаетъ также. Зачѣмъ, думаете вы, напечаталъ онъ Разговоръ свой въ Вѣстникѣ Европы? За тѣмъ, чтобы не подумали, будто онъ руководствуется мнѣніями Вѣстника Европы. Да развѣ мнѣнія журнала не составляются изъ мнѣній писателей, въ немъ участвующихъ? Развѣ журналъ можетъ самъ собою мыслить, говорить, судить? Какъ можно браться за перо, когда бываемъ подвержены подобныхъ разсѣянностямъ?

Кажется, урокъ мой исполненъ и *меньшіе братья* должны быть довольны моею прилежностію: признаюсь, часто усталость и скука готовы были взять верхъ надъ терпѣніемъ моимъ и желаніемъ угодить вполнѣ *судіямъ взыскательнымъ*; но наконецъ я все превозмогъ! Всѣ погрѣшности *Втораго Классика* выведены на свѣжую воду изъ сонной и вялой прозы, которою онѣ были заглушены. Изъ всѣхъ литтературныхъ мнѣній его, только одно остается чистымъ—мнѣніе о Лессингѣ и Гете, и то доказано, что оно не его, а буквальный переводъ словъ г-жи Сталь, и еще не кстати приведенный и не доказывающій того, что хотѣлъ онъ доказать.

Послѣ того, скажите, если правда, что *Вторый Классикъ* есть одинъ изъ обиженныхъ мимолетнымъ замѣчаніемъ о прозаическихъ стихотвореніяхъ Вѣстника Европы; то стоило ли для удовлетворенія слегка уколоннаго самолюбія пуститься на шестнадцать страницъ погрѣшностей, доказывающихъ только, что можно быть въ одно время и прозаическимъ поэтомъ, и неискуснымъ прозаикомъ и критикомъ не литтераторомъ. О самолюбіе!

Souvent notre amour prôpre éteint notre bon sens!

Изъ „Дамскаго Журнала“ 1824 г. Статья князя Вяземскаго.

*
* *

**) Отвѣтъ на статью: О литтературныхъ мистификаціяхъ.*

Un discours trop sincère aisément
nous outrage.
Boileau.

Критика, основанная на доказательствахъ, всегда сильнѣе раздражитъ самолюбіе, нежели самая оскорбительная рецензія. Вотъ истина, которую подтверждаетъ статья *о литтературныхъ мистификаціяхъ*, напечатанная въ 7-й книжкѣ Дамскаго Журнала.—Тщетно искать въ ней опроверженій на откровенныя замѣчанія Классика, обнаруженныя въ извѣстномъ *Второмъ Разговорѣ*: Авторъ Перваго Разговора, не касаясь предмета споровъ, разсудилъ отразить своего

*) „Вѣстникъ Европы“ 1824 г., № 7.

противника объявленіемъ о своемъ *имени*, о своихъ *нетерпѣливыхъ свойствахъ*, и наконецъ *личностями*. Но до первыхъ двухъ пунктовъ его Критику нѣтъ дѣла; а на послѣдній отвѣчать очень непріятно, ибо невольно принужденъ будешь употребить то же оружіе. — Вооружимся же противъ его нетерпѣливости хладнокровнымъ терпѣніемъ: я замѣтилъ, что это средство очень дѣйствительно.

Что отвѣчать на статью, въ которой нѣтъ ни одного прямаго опроверженія и которая еще менѣе заключаетъ въ себѣ мыслей, чѣмъ Первый Разговоръ того же Автора? — Будемъ однако выписывать слова его и отмѣчать ихъ двумя запятыми; отвѣты будутъ слѣдовать сами собою.

1) „Съ нѣкотораго времени, мистификаціи вошли въ моду въ кругу нашей литтературы, и бѣдные читатели не знаютъ, кому и чему вѣрить“.

Отвѣтъ. — Чему вѣрить? — Истинѣ! — Кому? Всякому, кто говоритъ правду. Знаю, что въ наше время имя заранѣе иногда предваряетъ, въ чью пользу долженъ объявить себя читатель; но въ такомъ случаѣ оно не рѣдко вводитъ его въ заблужденіе! — Прошли тѣ времена, когда говорили: amicus Plato, amicus Aristoteles; sed magis amica veritas! — Между тѣмъ, что называетъ Кн. Вяземскій *мистификаціями*? — Неужели говорить въ глаза правду есть мистификація?

2) „Вѣстникъ Европы выводитъ на сцену новую мистификацію, *нарядивъ кого-то въ издатели* Бахчисарайскаго фонтана и пустивъ его въ разговоръ съ Классикомъ, *объ-спорученымъ*“.

Отвѣтъ. — Вѣстникъ Европы никого не наряжалъ въ издатели; всякой, кто печатаетъ книгу, есть ея издатель; всякой издатель, написавшій о ней свои мнѣнія, есть авторъ; а всякой авторъ можетъ въ свою очередь подвергнуться сужденіямъ Журнала: вотъ права Вѣстника Европы и вотъ законныя отношенія его къ Издателю Бахчисарайскаго фонтана! — Гдѣ же тутъ мистификація? — Напротивъ, Вѣстникъ Европы, кажется *размистифировалъ* и Издателя и публику! — (Мимоходомъ должно еще замѣтить, что выраженіе *споручный* не прилично въ статьѣ литтературной. Ни-

сатель, умѣющій владѣть языкомъ своимъ, нашелъ бы другой оборотъ для сей мысли).

3) „За обязанность поставляю вывести изъ заблужденія легковѣрныхъ читателей, удостовѣривъ ихъ, что, я нижеподписавшійся, законный и единственный издатель Бахчисарайскаго фонтана, *не имѣлъ никогда разговора*, подобнаго напечатанному въ 5 книжкѣ Вѣстника Европы, и *отъ роду* имѣть не могъ, да и впредь имѣть не могу, потому что я *свойства нетерпѣливаго*“.

Отвѣтъ.—Само собою разумѣется, что и Перваго Разговора ни съ кѣмъ не имѣлъ Кн. Вяземскій. Самый легковѣрный читатель догадается, что Классикъ выведенъ Издателемъ на сцену, какъ лицо вымышленное, которое имѣетъ *такой-то* образъ мыслей, для противоположности съ *таки-ми-то* мнѣніями самаго Издателя: средство не новое, которымъ столько разъ пользовался Валтеръ-Скоттъ въ предисловіяхъ къ своимъ романамъ. Сочинитель *Втораго Разговора* воспользовался вымысломъ издателя Бахчисарайскаго фонтана и вывелъ на сцену тоже Классика, давши *свой* образъ мыслей: ето также позволительно и никого не введетъ въ заблужденіе!—Къ чему же служитъ простодушное объявленіе Издателя, что онъ не имѣлъ подобнаго разговора? Ето значитъ, полагать слишкомъ мало догадливости въ своихъ читателяхъ, хотя и легковѣрныхъ! Что же касается до словъ: „*отъ роду* имѣть не могъ, да и впредь имѣть не могу“, то, я думаю, читатели на сей счетъ совершенно равнодушны.

4) „Потому что я *свойства нетерпѣливаго*“.

Отвѣтъ.—Вѣримъ отъ всего сердца! Не у всякаго достанетъ терпѣнія слушать, какъ на каждой страницѣ доказываютъ его ошибки; да и какія ошибки!...

5) „Не умѣю выносить хладнокровно *пустословія*, въ особенности же того, которое даже и не облечено *въ вѣжливость общежительной образованности*“.

Отвѣтъ.—Спрашиваю Кн. Вяземскаго: облечена ли *его* фраза въ вѣжливость общественной образованности, и найдется ли хотя одна подобная въ моемъ *Второмъ Разгово-*

ръ?... Однако, чтобъ отклонить отъ себя упрекъ въ *пустословіи*, я попросилъ бы Издателя Бахчисарайскаго фонтана лучше *доказать* оное, чѣмъ предаваться запальчивости. — Для читателей же предоставляю въ оправданіе слѣдующее: Я доказывалъ во Второмъ Разговорѣ, что Издатель Бахчисарайскаго фонтана (или, что все одно, Кн. Вяземскій; ибо мы уже знаемъ его имя) говоритъ о разныхъ епохахъ нашего подражанія Германцамъ, не вникнувъ въ свойства сихъ епохъ Руской Словесности; что онъ судитъ о Нѣмецкой литтературѣ, совершенно не зная ни ея самой, ни ея исторіи: что онъ мимоходомъ даетъ судъ о Руских писателяхъ; что наконецъ онъ дѣлаетъ ошибки противъ Логики.— Кн. Вяземскій не опровергаетъ сихъ доказательствъ и говоритъ о постороннемъ: на чьей же сторонѣ *пустословіе?*—

6) „...Замѣчу, что классиковъ, каковы классикъ моего предисловія и классикъ Вѣстника Европы, вездѣ много; что классикъ имя *нарицательное;* что не опредѣлено у меня, съ которымъ изъ нихъ входилъ я въ рѣчь; но что *издатель Бахчисарайскаго фонтана* есть лице опредѣленное и слѣдовательно въ отношеніи къ нему не можетъ быть недогадки“.

Отвѣтъ.—Классикъ Предисловія и Классикъ Вѣстника оба суть лица неопредѣленныя, но подъ ними олицетворены два различныя образа мыслей; слѣдственно оба они могли быть представлены въ Разговорѣ съ Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана, не такъ какъ съ лицемъ гражданскимъ, но какъ съ такимъ лицемъ, которое тоже обнаруживаетъ свой образъ мыслей: въ семъ отношеніи и Издатель есть лице подобно имъ неопредѣленное.—Впрочемъ, если бы мы и знали, кто именно Издатель Бахчисарайскаго фонтана, то все въ правѣ не знать его, пока онъ не объявилъ имени; и къ чему тутъ имя? — Неужели думаетъ Кн. Вяземскій, что его имя могло бы кого нибудь остановить сказать истину?...

7) „Впрочемъ, если захотѣть, то можно бы и къ лицу безъ образа Вѣстника Европы примѣнить черты знакомыя. Оное классическое лице укоряетъ меня *въ молодости*: это давняя замашка“.

Отвѣтъ.—Извиняюсь предъ Кн. Вяземскимъ и сознаюсь, что онъ по лѣтамъ своимъ въ зрѣломъ возрастѣ. Впрочемъ оправдываюсь тѣмъ, что судилъ объ Издателѣ по поверхностному образу мыслей и слишкомъ явнымъ ошибкамъ. Однакожъ и самъ Кн. Вяземскій ошибся, думая что черты Сочинителя Разговора ему знакомы. Считаю обязанностію сказать, что *Второй Разговоръ* есть первая полемическая статья Сочинителя оной; слѣдственно давней замашки быть не можетъ.

8) „Что ни говори, а подобные упреки живо отзываются *безсильною злобою и желчью пожилаго педагога*, который гнѣвается, что *ученики переросли учителей*“ *).

Отвѣтъ.—Объявляю Князю Вяземскому, что *о безсиліи* моихъ доказательствъ предоставляю судить читателямъ Втораго Разговора и его собственному оскорбленному самолюбію: что *злоба* обнаруживается не въ холодныхъ доказательствахъ, а болѣе въ бранныхъ отвѣтахъ; что цвѣтъ лица моего *не желчный*, а бѣлый; что я *не пожилой* человѣкъ, а почти одныхъ лѣтъ съ Княземъ Вяземскимъ; что наконецъ я *не педагогъ* и учениковъ никогда не имѣлъ, да если бы и могъ имѣть, то не согласился бы, зная что въ нѣкоторыхъ могутъ встрѣтиться *нетерпѣливыя свойства!*—Впрочемъ, не личности ли заключаются въ сихъ упрекахъ?...

9) „Нашъ новый мистификаторъ въ прозорливомъ всевѣдѣніи своемъ знаетъ и то, что я не учился въ Университетѣ. Учиться въ Университетахъ — хорошо; но не довольно“.

Отвѣтъ. — Университеты суть хранилища познаній и языка отечественнаго; слѣдственно должно предполагать, что въ нихъ преимущественно можно пріобрѣсть первыя и научиться послѣднему. Сочинитель разговора, замѣчая ошибки Издателя и въ томъ и въ другомъ, естественно могъ заключить, что онъ не учился ни въ какомъ Университетѣ.

10) „Можно не только *учившись*, ничему *не выучиться*;

*) Почтенный Издатель Б. Ф., вѣроятно, занялъ ету мысль у одного изъ древнихъ писателей: *πολλοὶ μαθηταὶ κρείττονες διδασκάλων*; только выразилъ ее своимъ манеромъ. *Р—ръ С. О.*

но мы видимъ примѣры, что *можно даже и учить, ничего не зная основательно*“.

Отвѣтъ.—Probatum est. Доказано Разговоромъ, напечатаннымъ при Бахчисарайскомъ фонтанѣ.

11) „Главнымъ и единственнымъ побужденіемъ моимъ было изобличить *подлогъ Разговора*, напечатаннаго въ Вѣстникѣ Европы, а потому не войду въ изслѣдованіе всѣхъ *несообразностей*, сказанныхъ и Классикомъ и мнимымъ Издателемъ. Мое дѣло только отклонить отъ себя *худую славу*“, и проч.

Отвѣтъ.—Еще повторяю, что *во Второмъ* Разговорѣ точно такой же подлогъ, какъ и *въ Первомъ*: и въ томъ и въ другомъ разговаривающія лица никогда дѣйствительно не разговаривали. Подлогомъ, въ подобномъ случаѣ, можно назвать только то, когда лицу приписываются мнѣнія, не соотвѣтствующія данному ему качеству: такимъ образомъ, напримѣръ, если Классикъ Предисловія путается въ своихъ заключеніяхъ о Классической словесности, то можно сказать, что Разговоръ, *въ отношеніи къ качеству сего лица*, есть подложный.—Что касается до *несообразностей*, сказанныхъ будто бы Классикомъ и Издателемъ во Второмъ Разговорѣ, несообразностей, въ изслѣдованіе коихъ не хочетъ входить Кн. Вяземскій; то не потому ли онъ не входитъ въ изслѣдованіе оныхъ, что трудно изобличить ихъ? Пусть откроетъ и докажетъ, какъ доказаны несообразности его собственнаго Разговора: а безъ того публика ему не повѣритъ. — „Мое дѣло было только (говоритъ онъ) отклонить отъ себя худую славу“. — Прекрасное средство отклонить отъ себя худую славу, объявивъ себя авторомъ подобной піесы!

12) „Кстати замѣтить невинное признаніе Классика Вѣстника Европы и пріятелей его (ибо у него нѣтъ *пріятелей* *)), что Классикъ моего Предисловія *совсѣмъ не Классикъ!*—Слава Богу, что догадались! — — И потому-то пор-

*) Тщетно старался я постигнуть *секретную остроту* сей вставочной фразы! Что значитъ: *признаніе пріятелей, которыхъ нѣтъ?*—Перемѣна буквы не производитъ противоположности въ идеи.

третъ похожъ на свои подлинники, и потому то у одного изъ подлинниковъ, который, какъ видно, подогадливѣе или пооткровеннѣе другихъ, вырвалось признаніе: *да ето я!*“

Отвѣтъ.—Напротивъ, Классикъ Втораго Разговора, говоря о Классикѣ Предисловія, что онъ *совсѣмъ не Классикъ* и что Классику стыдно возражать *столь слабо и несвязно*, ясно говоритъ симъ облеченіемъ: *ето не я!* Ибо еслибъ онъ признавался въ сходствѣ, то призналъ бы мнѣнія того своими, и не сказалъ бы о Предисловіи, что ето разговоръ двухъ учениковъ! — Къ чему употреблять въ возраженіи столь слабую хитрость и столь явную натяжку?

13) „Почитая обязанностію человѣка съ честію оградить себя отъ *непріятнаго принужденія* отвѣчать иногда *не такъ, какъ бы слѣдовало*“ и проч.

Отвѣтъ.—Слѣдовало бы отвѣчать *опроверженіями*. Согласенъ, что ето *непріятно*, когда нѣтъ ихъ; впрочемъ, никто къ етому и не принуждаетъ.

14) „Однимъ словомъ, боясь подъ щитомъ анонима неустрашимой храбрости безыменныхъ противниковъ, принужденнымъ нахожусь объявить себя Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана“.

Отвѣтъ. — Сочинитель Втораго Разговора ручается за себя, что онъ человѣкъ миролюбивый, хотя и любитъ правду! На объявленіе же имени отвѣчать болѣе нечего, какъ душевно пожалѣть, что всѣмъ сдѣлался извѣстнымъ Авторъ Предисловія, котораго неосновательность столь ясно доказана.

Кончивъ свои отвѣты, я почитаю долгомъ справедливости объявить читателямъ, что *Второй Разговоръ* написанъ не Редакторомъ Вѣстника Европы; что онъ не имѣлъ въ немъ никакого участія и *не зналъ объ ономъ*, пока не получилъ рукописи для помѣщенія въ своемъ Журналѣ.

Послѣ сего объявленія я желалъ бы разрѣшить вопросъ, который предлагаю самому себѣ съ нѣкоторымъ изумленіемъ: какимъ образомъ преніе о романтической Поезіи и о другихъ предметахъ Словесности могло превратиться въ споръ о предметахъ, столь различныхъ, столь далекихъ отъ лит-

тературы и столь несвязныхъ между собою? — Читатель легко замѣтитъ, сколь трудно мнѣ было отвѣчать на піесу Кн. Вяземскаго; ибо я долженъ былъ не отражать доказательства, но бороться съ упреками и личностями.

Не желая отвѣчать вторично на подобныя статьи, ибо онѣ совсѣмъ не принадлежатъ къ дѣлу, я съ удовольствіемъ напротивъ отвѣчалъ бы Кн. Вяземскому, если бъ онъ вздумалъ опровергнуть слѣдующіе спорные пункты, рѣшенные по моему мнѣнію, во второмъ Разговорѣ: 1) Настала ли у насъ пора истинной классической литтературы? 2) въ чемъ состоитъ отличительный признакъ нынѣшней новой школы? 3) слѣдуютъ ли нынѣшніе Руские стихотворцы, подражающіе Германцамъ, движенію, данному Ломоносовымъ? 4) была ли во время Ломоносова оригинальная Германская школа? 5) преобразованіе Руской прозы, произведенное Карамзинымъ, носитъ ли отпечатокъ Германской? 6) есть ли въ Предисловіи къ Бахчисарайскому фонтану ошибки противъ Логики? наконецъ 7) существуетъ ли различіе между поезіей *народной* и *національной?* — Послѣ сего остается подождать, не будетъ ли еще возраженія, написаннаго по всей формѣ литтературнаго судопроизводства.

Тотъ же N.

Post-scriptum. Я писалъ *Второй Разговоръ*, побуждаемый единственно любовію къ истинѣ и желая опровергнуть ложныя мнѣнія о литтературѣ, не основанныя ни на образцахъ, ни на опытѣ, ни на исторіи; мнѣнія, которыя могли бы *нѣкоторыхъ* ввести въ заблужденіе, слѣдственно быть вредными успѣхамъ Словесности.—Можетъ быть, я не совсѣмъ правъ передъ читателями въ двухъ или трехъ выраженіяхъ, не болѣе; впрочемъ я далъ на нихъ достаточное объясненіе.—Если и стоило труда, оставивъ сущность предмета, возражать на фразы, написанныя болѣе для того, чтобъ придать нѣкоторую веселость Разговору (что позволялъ себѣ и самъ Авторъ Предисловія), то позволительно ли было написать отвѣтъ, выражающій одну досаду,—чувство, которое ни въ какомъ случаѣ не прощается читателями и

положится ими на вѣсы вмѣстѣ съ моимъ безпристрастіемъ?— Я не подписалъ моего имени подъ *отвѣтомъ*, ибо примѣръ Князя Вяземскаго не могъ служить для меня побудительною причиною; но подписываю его здѣсь *для читателей*.

Михаилъ Дмитріевъ.

* * *

*) Въ 7 № Вѣстника Европы напечатанъ отвѣтъ на мою статью: „О литтературныхъ мистификаціяхъ". Почитаю его совершенно удовлетворительнымъ. Главнымъ побужденіемъ моимъ, когда я писалъ упомянутую статью, было сначала отклонить отъ себя *худую славу* и подозрѣніе, что *Второй Классикъ* могъ имѣть съ Издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана разговоръ, подобный тому, который напечатанъ въ 5 № Вѣстника Европы: они отклонены признаніемъ Сочинителя *Втораго Разговора*, что онъ имъ вымышленъ. Вторымъ побужденіемъ моимъ было принудить сочинителя-анонима къ молчанію, или объявленію своего имени. Онъ избралъ труднѣйшее изъ двухъ предстоящихъ средствъ: жертва достаточная! Безъ сомнѣнія, не легко было рѣшиться Сочинителю *Втораго Разговора и Отвѣта* приписать къ двумъ послѣднимъ произведеніямъ своимъ прозаическимъ (здѣсь говорю уже чисто и буквально о его прозѣ) имя, почтенное у насъ какъ въ государственномъ, такъ и въ литтературномъ отношеніи—имя, которое обязываетъ преемника его носить оное съ достоинствомъ и честью. Наконецъ Сочинитель, бывшій г-нъ N, что нынѣ Михаилъ Дмитріевъ, сознается въ Post-scriptum передъ читателями своими (въ числѣ коихъ и я по несчастію своему), что онъ былъ не правъ въ нѣкоторыхъ своихъ выраженіяхъ. Мнѣ нужно было обличить безыменнаго Сочинителя, который заставлялъ меня будто бы говорить не такъ, какъ я говорить привыкъ, и будто бы слушать то, чего я слышать не долженъ. И я достигъ своей цѣли. Повторяю уже сказанное мною; но въ этомъ заключается вся сущность дѣла: издатель книги

*) „Дамскій Журналъ" 1824 г. № 9. Статья князя Вяземскаго, подъ заглавіемъ: „Мое послѣднее слово".

названной есть имя личное, точно такъ же, какъ авторъ книги опредѣленной, какъ хозяинъ дома означеннаго; и такъ вводить передъ публикою человѣка извѣстнаго и опредѣленнаго въ разговоръ небывалый и несбыточный есть злоупотребленіе нетерпимое и преступающее за границы *дозволеннаго.* Границы *полемическихъ монологовъ* гораздо пространнѣе, и потому не останавливаю Сочинителя *Отвѣта* въ новомъ его похожденіи. Преимущества писателей, ему подобныхъ, извѣстны; извѣстно также и право человѣка, себя уважающаго. Онъ не обязанъ входить въ полемическую распрю, въ которой и самая побѣда его не обѣщаетъ ему ни чести, ни удовольствія. Вслѣдствіе сего, крѣпкій собственнымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ людей, на коихъ съ гордою довѣренностію указать могу передъ лицомъ отечества, я въ правѣ, я въ обязанности не дорожить сужденіемъ о себѣ человѣка, мнѣ совершенно чуждаго и по чувствамъ и по образу мыслей.

Что же касается до невѣдѣнія, объявленнаго г-мъ Редакторомъ Вѣстника Европы *о препятствіяхъ, встрѣтившихся при печатаніи Поэмы г-на Пушкина;* то долгомъ своимъ поставляю сказать слѣдующее: призывая свидѣтельство г-на Редактора, показалъ я, что онъ какъ Членъ Цензурнаго Московскаго Комитета, долженъ былъ знать о перемѣнахъ, требованныхъ Цензурою въ Поэмѣ, по которымъ принужденъ я былъ войти въ переписку съ Авторомъ, находящимся въ Одессѣ, и о перемѣнахъ въ Предисловіи моемъ, которое я старался защищать.

Вотъ все, что оставалось досказать къ сказанному мною прежде въ отношеніи *личной сущности* предлежащей тяжбы; что же касается до *сущности литтературной*, то, кажется, *въ Разборѣ Втораго Разговора* (напечатаннаго въ 8-мъ № Дамскаго Журнала) достаточно доказано, что мнѣ неприлично и *несноручно* входить въ литтературныя разсужденія съ Классикомъ, каковъ Михаилъ Дмитріевъ.

Симъ заключаю возраженія свои на прошедшія и будущія пренія журнальныхъ клевретовъ, говоря съ Шенье:

Je réclame leur haine, et non pas leurs suffrages;

Je leur demande encore d'honorables outrages.
Contre moi réunis, qu'ils me lancent d'en bas
Des traits empoisonnés, qui ne m'atteindront pas.

Изъ „Дамскаго Журнала" 1824 г. Статья князя Вяземскаго.

* * *

*) 1-й голосъ. Читалъ-ли предисловіе къ *Бахчисарайскому фонтану?*

2-й—Читалъ.

1-й—Читалъ ли нумеръ 5-й Вѣстника Европы?

2-й—Читалъ.

1-й—Читалъ ли ты 7-й и 8-й нумера Дамскаго Журнала?

2-й—Да... читалъ.

1-й—Читалъ ли 7-й нумеръ Вѣстника Европы?

2-й—Читалъ.

1-й—Что жъ ты скажешь объ этой литературной перепалкѣ?

2-й—Что на поприщѣ Руской Словесности появился новый Критикъ, разбирающій предметы основательно, глубокомысленно, съ веселостью и игривостью ума, Критикъ, знающій языкъ и Словесность. Скажу по совѣсти, что Михаилъ Дмитріевъ обѣщаетъ много. Дай Богъ, чтобы онъ продолжалъ трудиться въ этомъ родѣ!

1-й—Потише, потише! Если знаменитые мои друзья услышатъ твои сужденія, то назовутъ тебя невѣждою, безграмотнымъ, педантомъ желчнымъ—и... всѣмъ, что есть дурнаго въ мірѣ.

2-й—И такъ въ кругу вашихъ друзей нельзя имѣть своего собственнаго мнѣнія?

1-й—Нѣтъ! Мы, точно какъ телеграфы, только повторяемъ слова и движенія перваго изъ насъ, который подаетъ голосъ,—но куда ты бѣжишь?

2-й—Послѣ этого, мнѣ не за чѣмъ долѣе съ тобою оставаться.—

Прощай!—

Изъ „Литературныхъ Листковъ" 1824 г.

* * *

*) „Литературные Листки" 1824 г., № 8. „Маленькой разговоръ о новостяхъ Литературы".

*) Новая Поэма Пушкина явилась на горизонтѣ Литтературы въ бурѣ споровъ, въ вихрѣ критикъ. Дай Богъ, чтобы такое явленіе сопровождалось добрыми слѣдствіями, а нынѣшній годъ былъ гибельнымъ для поддѣльнаго пустоцвѣта Критиковъ, началомъ *новаго переворота дѣлъ по книжной торговлѣ:* такъ говорю по купеческой привычкѣ, будучи старымъ книгопродавцемъ и отъ сердца желая событія моихъ предвѣщаній, не только для общей пользы, но и для собратіи моей, книгопродавцевъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ. Всѣмъ будетъ хорошо, имъ не меньше другихъ, если еще не болѣе.

Не трогая Критиковъ по части Литтературной, нѣкто *извѣстный много уважаемый Писатель, которому нѣтъ нужды подписывать своего имени* (Нов. Руск. Лит. XII), рѣшился дать совѣтъ благій и хорошій книгопродавцамъ нашимъ: отъ лица ихъ благодаря почтеннаго Писателя, осмѣливаюсь сдѣлать маленькія поправки въ статьѣ его и прибавить отъ себя нѣсколько словъ.

Бахчисарайскій Фонтанъ купленъ не книгопродавцемъ *Пономаревымъ,* а книгопродавцемъ *Ширяевымъ.* Первый, имѣя болѣе свободнаго времени отлучаться отъ лавки своей на Никольской улицѣ, гдѣ у него книги *продаются, покупаются* и *мѣняются,* былъ только посредникомъ между книгопродавцемъ и почтеннымъ Издателемъ Княземъ П. А. Вяземскимъ, получивъ за работу 500 рубл. и слѣдовательно — не поспоритъ если на 10 стран. *Нов. Руск. Литтературы,* имя его замѣнится именемъ *Ширяева.*—Не знаю, что значитъ громкость книгопродавца и имени его; но если надобно хвалить, то похвалимъ кого должно.

Просимъ читателей *Нов. Руской Литтературы,* замѣтивъ сію поправку, замѣтить и другую, если угодно. Ширяевъ выдалъ за рукопись 3000 р., принялъ на свой счетъ печатанье 500 рубл., присовокупя къ тому плату посреднику, и что въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* не съ большимъ 500 стиховъ, выходитъ, что книгопродавцу каждый стихъ пришелся *не за пять,* а почти *за восемь* рублей.

*) „Благонамѣренный“ 1824 г., ч. 26, № 9. „Еще нѣсколько словъ о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, не въ Литтературномъ отношеніи“. И. П—въ.

Такой примѣръ, (не говоря о другихъ) доказываетъ несправедливость мнѣнія нѣкоторыхъ, будто книгопродавцы причиной жалобъ Публики и Писателей.

Книгопродавецъ — купецъ. Онъ торгуетъ книгами, какъ другіе купцы торгуютъ сахаромъ, перцемъ, корицею, т. е. въ гражданскомъ обществѣ онъ дѣлается *посредникомъ*, который беретъ у *производителя* (Писателя) его издѣлье, передаетъ *потребителю* (читающей Публикѣ) и беретъ проценты *за трудъ*. Не вините *посредника*, если издѣлье нейдетъ у него съ рукъ и онъ худо платитъ *производителю* — виноватъ *производитель*, или *потребитель*, а вѣрно не посредникъ ихъ...

Не буду говорить о *Европейской* читательности нашихъ читателей, которые не читаютъ Русскаго, потому что въ немъ нѣтъ чего-то *Европейскаго* — нѣсколько словъ о книгопродавцахъ: Кто стоитъ за кулисами, для того исчезаетъ прелесть Оперы; кто заглядываетъ въ пансіонъ какого-нибудь Monsieur NN за два дня до экзамена, того не всегда очаруютъ успѣхи учениковъ. — Увы! книгопродавецъ за сценою литтературныхъ кулисъ, часто бываетъ истиннымъ зрителемъ авторскихъ декорацій и скромнымъ свидѣтелемъ тайнъ экзамена Публики.

Порадуемся не дороговизнѣ стиховъ Пушкина; но тому, что онъ *пишетъ хорошо*: экономическіе разсчеты — слѣдствіе этого; смѣемъ увѣрить, что не книгопродавцы бываютъ причиною *противныхъ слѣдствій*...

Если бы могли, отъ лица ихъ, въ разрѣшеніе разныхъ сочиненій, упросить Русскихъ Авторовъ писать, не думая о разсчетахъ, внимать звону лиры, а не звону денегъ — вѣрить, что хорошее оцѣнится и безъ стараній автора, пусть только будетъ оно хорошо; упросить *не многихъ — избранныхъ* писать *больше*, *многимъ — не избранныхъ* писать *меньше*. если нельзя уже имъ пробыть безъ писанья — и всѣхъ вообще и хорошихъ и худыхъ литтераторовъ — не дѣлать литтературныхъ лигъ, спекуляцій и откуповъ! Если бы мы могли доказать, что голова, занятая разсчетомъ какого-нибудь дѣла, не вмѣститъ эстетическихъ его отношеній — но

примѣръ убѣдительнѣе: Бестужевъ и Рылѣевъ не думали о разсчетахъ, издавая *Полярную Звѣзду*: лучшіе Поэты и Прозаики наши не думали о разсчетахъ, отдавая произведенія свои для сего изданія—и въ слѣдствіе безкорыстнаго производства изящнаго — золото полилось къ нимъ съ похвалами! Если догадливые спекулянты на будущій годъ, по слѣдамъ ихъ, издадутъ нѣсколько альманаховъ, предвѣщаемъ Публикѣ, что альманахи упадутъ въ литтературномъ достоинствѣ, а Господамъ Литтераторамъ — *съ разсчетомъ экономическимъ — ошибку въ сальдо кредита по ихъ конторамъ!* *)

Изъ „Благонамѣреннаго" 1824 г. Статья П. П-ва.

*
* *

**) Въ № XIII *Новостей Литтературы*, издаваемыхъ при *Русскомъ Инвалидѣ*, напечатана статья подъ заглавіемъ: *О Бахчисарайскомъ фонтанѣ не въ литтературномъ отношеніи.* Издатель Р. И. говоритъ въ примѣчаніи, что Автору сей статьи не нужно подписывать своего имени, потому что зрѣлыя мысли и остроуміе обличатъ его. Прочитавъ со вниманіемъ эту статью, мы, къ сожалѣнію нашему, не нашли *обличенія* зрѣлыхъ мыслей и остроумія, не догадались даже объ имени Сочинителя, но усмотрѣли *обличеніе* его въ совершенномъ незнаніи не-литтературныхъ отношеній Бахчисарайскаго фонтана. Намъ кажется, что г. Сочинителю статьи, прежде выпуска оной въ свѣтъ, надлежало бы посовѣтоваться съ почтеннымъ Издателемъ Поэмы, Княземъ П. А. Вяземскимъ, которому извѣстны всѣ подробности оной въ нелитературномъ отношеніи. Тогда бы оказались совершенно неумѣстными похвалы Московскому книгопродавцу *Пономареву*, который, какъ Сочинитель статьи говоритъ, заслуживаетъ за покупку манускрипта, чтобъ имя его, доселѣ еще не громкое въ спискѣ нашихъ книгопродавцевъ, сдѣлалось

---

*) Эта же самая статья напечатана и въ Дамскомъ Журналѣ: см. 1824 г., ч. 6, № 9, стр. 119—123.

**) „Литературные Листки" 1824 г., № 7. „Литературныя новости, замѣчанія и проч.".

извѣстнымъ, ибо онъ *обратилъ на себя* признательное уваженіе друзей просвѣщенія, оцѣнивъ трудъ ума не на мѣру и не на вѣсъ. *Voilà comme on écrit l'histoire*! — Удивительно, что Г. Сочинитель не узналъ прежде, что Поэму купили Гг. книгопродавцы *Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ и Александръ Филипповичъ Смирдинъ*, а Г. *Пономаревъ* имѣлъ только *порученіе* окончательнаго торга отъ вышеупомянутыхъ книгопродавцевъ. Вотъ доказательство вѣрности заключеній Гг. Сочинителей, которые смотрятъ на вещи чрезъ цвѣтныя стекла гостиныхъ, и по слухамъ пишутъ о Россіи и Рускихъ сочиненіяхъ. Остроуміе, отысканное Г. Издателемъ Рускаго Инвалида въ сей статьѣ, состоитъ въ переводѣ Французской Фразы le patriotisme rechauffé, *подогрѣтаго* патріотизма, и въ заимствованіи изъ Комедіи К. А. А. Шаховскаго, *Полубарскія затѣи*, слова: *доморощенной*, весьма не кстати примѣненнаго къ книгѣ. Въ комедіи говорится объ Арапахъ *доморощеныхъ*; это на своемъ мѣстѣ, весьма остро и забавно; но *доморощенная* книга ничего не значитъ. Гораздо приличнѣе было бы сказать *о доморощеныхъ* Сочинителяхъ, Поэтахъ, Издателяхъ и т. п. Что же касается выходки Г. Сочинителя статьи на счетъ скорой продажи такъ названныхъ имъ Рускихъ Европейскихъ сочиненій, что онъ подкрѣпляетъ примѣрами *Полярной Звѣзды и Бахчисарайскаго фонтана*, то мы совѣтовали бы Г. Сочинителю, для удостовѣренія его въ противномъ, прочесть № 5 *Сѣвернаго Архива* и 1-й нумеръ *Литературныхъ Листковъ* на 1823 годъ, гдѣ исчислены отличныя Рускія сочиненія, понынѣ не рас, проданныя первымъ изданіемъ. Для примѣра скажемъ о сочиненіяхъ первокласнаго Рускаго Поэта Батюшкова, изданныхъ въ 1817 году, и понынѣ непроданныхъ. Но лучше всего, чтобы Г. Сочинитель статьи для опыта издалъ свои собственныя сочиненія: тогда бы сладкое его очарованье исчезло,

Какъ обманъ, какъ упоенье! *и проч.*

(См. пѣсню соч. К. П. А. Вяземскаго).

Г. Сочинитель статьи тогда бы повѣрилъ Вѣстнику Европы, что гораздо легче прослыть великимъ Писателемъ въ кругу

друзей и родныхъ, подъ покровомъ журнальныхъ примѣчаній, нежели на литературномъ поприщѣ въ лавкахъ хладнокровныхъ книгопродавцевъ и въ публикѣ*).

Изъ „Литературныхъ Листковъ“ 1824 г.

* * *

А. Пушкинъ написалъ Поэму подъ заглавіемъ: *Онѣгинъ*, которой содержаніе чрезвычайно разнообразно, по увѣренію особъ, имѣвшихъ случай читать оную въ рукописи. Это исторія молодаго человѣка, воспитаннаго въ деревнѣ, который пріѣзжаетъ въ столицу на службу, описываетъ свои связи, знакомства, приключенія и различныя впечатлѣнія при видѣ многихъ предметовъ. Одинъ просвѣщенный любитель Словесности писалъ къ намъ изъ Кіева, что Поэма *Онѣгинъ* есть лучшее произведеніе неподражаемаго Пушкина. Мы просимъ извиненія у почтеннаго Автора, что безъ его вѣдома осмѣливаемся помѣстить нѣсколько стиховъ изъ *Онѣгина*, которые завезены сюда въ умѣ, и продиктованы наизусть, а потому можетъ быть и съ ошибками, по крайней мѣрѣ для насъ непримѣтными. Это описаніе первой Русской танцовщицы въ балетѣ:

„Блистательна, полувоздушна;
Смычку волшебному послушна,
Толпою Нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина. — Она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ...
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ...
Летитъ—какъ пухъ отъ устъ Эола!
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ“.

Какая живая картина! Вотъ истинная Поэзія! Прилагательное *полувоздушна*, съ перваго слова характеризуетъ дарованіе. Танцовщица не стоитъ на землѣ, она носится

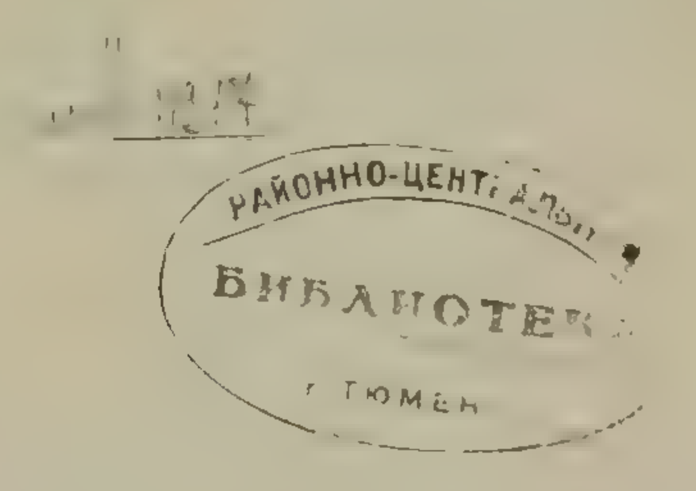
*) Въ этомъ-же, 7-мъ № Литературныхъ Листковъ помѣщена маленькая замѣтка о „Второмъ разговорѣ между Книгопродавцемъ и Издателемъ“.

**) „Литературные Листки“ 1824 г., № 4. „Литературныя новости“.

[illegible] *Примѣч. В. [illegible]*

въ воздухѣ и только *касается* пола, послушная *волшебному смычку.* По нашему мнѣнію, ни одинъ изъ Рускихъ Поэтовъ не имѣетъ магической силы Пушкина однимъ взглядомъ останавливать летучіе предметы (fixer les objets), и составлять изъ оныхъ живыя картины. Его воображеніе есть зеркало, въ которомъ природа отражается въ своемъ истинномъ видѣ: Поэзія поручила ему свои краски, и Геній Изящнаго кисть свою. Но нынѣ однѣ только хариты управляютъ его пламенною душою. Придетъ время, когда и важныя Музы обратятъ на себя вниманіе юнаго своего питомца, и укажутъ ему въ отечественныхъ событіяхъ предметы, достойные его высокаго таланта *).

Изъ „Литературныхъ листковъ“ 1824 г.

*) Сюда не вошли еще слѣдующія статьи 1824 года: „О поэмахъ А. С. Пушкина и въ особенности О „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, статья В. („Новости Литературы“ ч. 7, № 11, стр. 161—171 и № 12, стр. 177—189); „О Бахчисарайскомъ фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи“ („Новости литературы“, ч. 8, № 13, стр. 10—12); „Отвѣтъ молодаго книгопродавца старому книгопродавцу на статью сего послѣдняго подъ заглавіемъ: *Еще нѣсколько словъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи*, напечатанную въ IX нумерѣ Журнала Благонамѣренный и № 9 „Дамскаго Журнала“ („Литературные Листки“, № 11 и 12, стр. 117); маленькая библіографическая замѣтка о „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ („Литературные Листки“, № 5, стр. 193).

Примѣч. В. Зелинскаго.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

Василіемъ Аполлоновичемъ Зелинскимъ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ МЕТОДИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

I. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ ороографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква Ѣ. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 8-е. М. 1895 г. Ц. 50 к.

Примѣчаніе. Эта книга, выдержавшая въ короткое время восемь изданій, обнимаетъ всѣ этимологическіе случаи правописанія. Она состоитъ изъ ороографическихъ правилъ, ороографическаго словаря и списка *всѣхъ* словъ съ буквою ѣ. Изложеніе ея алфавитное, почему она полезна даже незнакомымъ съ грамматикой. Справляться по ней очень просто, при помощи приложеннаго „Указателя“ открывается страница на буквѣ, которая служитъ предметомъ затрудненія въ какомъ либо словѣ, и тутъ въ указанномъ § читается отвѣтъ. Легкость и быстрота справки упрощается еще тѣмъ, что справляться можно и подъ буквами, которыя слѣдуетъ писать въ данномъ случаѣ, и подъ буквами, которыя только предполагаются въ томъ же случаѣ, а равно и подъ буквой, начинающей данное слово. Какъ, напр., написать: извозчикъ, извосчикъ, извозщикъ, извосщикъ или извощикъ? Справляйтесь подъ любой изъ сомнительныхъ буквъ: з, с, ч, щ, а также и въ ороографическомъ словарѣ подъ буквой и—вездѣ получится отвѣтъ. По отзывамъ преподавателей русскаго языка, эта книга весьма полезна учащимся при исполненіи ими письменныхъ работъ не только дома, но и въ классѣ, такъ какъ при небольшомъ навыкѣ, пріобрѣтающемся менѣе чѣмъ въ часъ, справка по ней дѣлается въ нѣсколько секундъ.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 50 к.

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. М. 1898 г. Ц. 50 к.

5. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 4-е. М. 1898 г. Ц. 25 к.

6. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть первая. Изд. 7-е. М. 1897 г. Ц. 50 к.

7. Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 5-е. М. 1898 г. Ц. 40 к.

Задачи и цѣли „Зрительнаго диктанта“. Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ какія обыкновенно предъявляются къ сборникамъ для систематическихъ диктовокъ со слуха, это руководство, сверхъ того, имѣетъ еще слѣдующія особенности: 1) оно представляетъ собою неразрывно-соединенную практику ороографіи съ ея теоріей; 2) кромѣ послѣдовательнаго изученія ороографіи, тутъ

еще попутно указываются въ каждомъ словѣ диктанта сомнительные случаи правописанія съ соотвѣтственными разъясненіями; 3) особеннымъ способомъ печати развиваетъ орѳографическую зоркость и укрѣпляетъ зрительные навыки правильнаго письма; 4) система руководства, будучи основана на новѣйшей методикѣ, предупреждаетъ ошибки, а не заставляетъ учениковъ прежде дѣлать ихъ, а потомъ уже исправлять; 5) даетъ значительную возможность изучать правописаніе самодѣятельно, безъ помощи учителя; 6) по этой книгѣ каждый безъ посторонней помощи можетъ провѣрить себя, насколько онъ грамотно или неграмотно пишетъ; 7) имѣя въ рукахъ это руководство, каждый отецъ, мать, репетиторъ, гувернантка и т. п., не будучи особенными знатоками какъ самой орѳографіи, такъ и методики ея преподаванія,—съ успѣхомъ могутъ руководить и контролировать дѣтей въ занятіяхъ по орѳографіи; 8) почему-либо отставшіе въ школѣ отъ товарищей и вообще неуспѣвающіе въ орѳографіи ученики, съ помощью этого руководства, посредствомъ самодѣятельности, легко и скоро пріобрѣтаютъ орѳографическія знанія и прочный навыкъ правильно писать; 9) эта книга весьма пригодна для людей, самостоятельно готовящихся къ какимъ-либо экзаменамъ, а еще более—для самоучекъ; 10) въ школахъ, гдѣ учителю приходится заниматься одновременно съ двумя—тремя группами, по этой книгѣ весьма удобно назначать той или другой группѣ самостоятельныя классныя занятія по русскому языку; 11) при веденіи обученія орѳографіи по этому руководству, провѣрка ученическихъ тетрадокъ идетъ во много разъ легче и скорѣе, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ диктовки; 12) эта книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три способа обученія правописанію, а именно: списываніе съ книги, диктовку и писаніе заученнаго наизусть.

8. Справочный словарь буквы Ѣ. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ѣ. Изд. 3-е. М. 1892 г. Ц. 25 к.

9. Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора. № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголъ. Цѣна каждой таблицы—2 к.

10. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію“. М. 1892 г. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

11. Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. М. 1891 г. Ц. 1 р.

12. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію, разраб. извѣстными русскими педагогами. М. 1891 г. Ц. 1 р.

13. Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. М. 1893 г. Ц. 1 р.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

14. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Два выпуска. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. по 2 рубля за выпускъ.—Прибавленіе къ „Собранію критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“.—Цѣна 80 к.

15. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Три части и прибавленіе. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

16. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. М. 1886—1887 г. Ц. 3 р. (Каждая часть отдѣльно по 1 р.).

17. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Четыре части. М. Цѣна 4 р.

18. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. Цѣна 5 р.

19. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Москва. Цѣна по 1 р. за часть.

20. Критическіе разборы романа Тургенева: „Отцы и Дѣти". Ц. 35 к.

21. Критическіе разборы романа Достоевскаго: „Братья Карамазовы". Цѣна 50 к.

22. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. Цѣна по 1 р. за часть.

23. Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда" и „Наканунѣ"— Тургенева. Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева". М. 1895 г. Ц. 70 к.

24. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. (Каждая часть отдѣльно по 1. р.).

IV. Серія разныхъ книжекъ:

25. Китайскія сказки. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей В. Зелинскаго. Ц. 10 к.

26. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

27. Bibliothèque d'enfants. Сборникъ историческихъ разсказовъ на французскомъ языкѣ, съ подстрочнымъ словаремъ, для внѣкласснаго упражненія дѣтей во французскомъ языкѣ. № 1 (Louis XVII, Prascovie, Jeanne D'Arc). Ц. 10 к.

28. Мурадъ-Неудачникъ. Переводъ съ англійскаго. Повѣсть изъ Восточной жизни для дѣтей старшаго возраста. Ц. 10 к.

Складъ изданій В. А. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, домъ Мозжухина.

Выписывающіе изъ склада прилагаютъ на пересылку 20 к. на каждый рубль стоимости книгъ. За наложенный платежъ 10 к. Небольшія суммы можно высылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

Черезъ посредство склада изданій **В. Зелинскаго** можно выписывать всякія книги.

